

СОВЕТСКАЯ ПОРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1974

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

А. Н. КОНОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ*

В последние годы советская тюркская филология продолжала успешно развиваться по пути дальнейшего углубленного изучения фонетики и грамматики современных тюркских языков, их исторического развития, современной и исторической лексикографии и лексикологии, диалектографии и диалектологии; советские тюркологи стали больше внимания уделять сравнительному и сравнительно-историческому исследованию фонетического и грамматического строя тюркских языков; развивается и совершенствуется новая отрасль сравнительно-сопоставительного изучения тюркских и инонациональных языков: строй тюркских языков — в целях облегчения преподавания иностранных языков в тюркоязычной школе — сопоставительно изучается в сравнении со строем русского, немецкого, английского, французского и других языков**.

1. Изучение фонетического строя тюркских языков ведется преимущественно на основе использования новейших технических достижений в этой области¹. Одновременно с развитием экспериментального изучения фонетики тюркских языков совершенствуется и описательный метод². Результаты, полученные на основе этих двух методов, позволили перейти к обобщающим исследованиям³.

Самостоятельной отраслью фонетических исследований является сравнительное исследование фонетического строя тюркских и иностемных языков⁴.

Практическое применение результатов изучения фонетического строя непосредственно связано с совершенствованием орфоэпических норм тюркских литературных языков, улучшением алфавитных систем и орфографий⁵.

2. Изучение грамматического строя тюркских языков ведется широким фронтом, охватывая все узловые проблемы морфологии и синтаксиса тюркских языков. В морфологии внимание исследователей по-прежнему привлекают категории времени и накло-

* Об организации Советского комитета тюркологов смотрите в рубрике «Хроника» настоящего номера журнала.

** Об итогах первого пятидесятилетия деятельности советских тюркологов см.: А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968; «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет». — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 3—19.

ния, залог, морфологическая структура слова, глагольный вид (характер протекания действия) и некоторые другие проблемы⁶; в синтаксисе остается актуальной проблема сложного и, особенно, сложноподчиненного бессоюзного предложения, как наиболее древней, исторически типично тюркской разновидности сложноподчиненного предложения⁷.

Большое место, как и ранее, занимают общие обзоры грамматики, что объясняется интересами дальнейшего углубленного изучения грамматического строя языков и потребностями преподавания родного языка в тюркской — средней и высшей — школе⁸.

3. Изучение лексического состава тюркских языков охватывает основные разделы лексикографии и лексикологии.

Следует особо отметить выход в свет «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), содержащего лексические материалы, извлеченные из памятников древнетюркской письменности VII—XIII вв.

Хронологическим продолжением этого лексикона является труд крупного знатока памятников тюркской письменности Э. Н. Наджиба «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (первый том в печати).

По всем тюркским языкам Советского Союза составлены двуязычные и специальные (орфографические, терминологические) словари⁹.

Заключена работа над большим «Турецко-русским словарем», в ближайшее время ожидается издание «Караимско-русско-польского словаря» (совместное издание Академии наук СССР и Польской Академии наук).

Новым этапом в развитии советской тюркской лексикологии является составление и издание этимологических словарей, среди которых особого упоминания заслуживает труд Э. В. Севортяна «Этимологический словарь тюркских языков». Первый том (75 авторских листов) находится в печати.

Большая и плодотворная работа, осуществленная советскими тюркологами в области тюркской лексикографии, подытожена в обстоятельном исследовании А. А. Юлдашева «Принципы составления тюрко-русских словарей» (М., 1972, 416 стр.).

Для истории культурных связей тюркских народов с их иноязычными соседями особое значение имеет изучение лексических заимствований. Проблема взаимодействия тюркских языков с нетюркскими исследуется по следующим разделам: иноязычные заимствования в тюркских языках и тюркизмы в нетюркских языках. Обеим этим темам и, особенно, подтеме «Тюркизмы в русском языке» уделяется все большее внимание¹⁰.

В обширной области лексикологии важное место занимают лексика и фразеология, ставшая в последние годы объектом глубокого изучения¹¹.

Две специальные лексикологические дисциплины — топонимика и антропонимика — также обогатились новыми исследованиями¹².

4. Изучение диалектов тюркских языков СССР — одна из важнейших проблем советской тюркологии.

Значительное развитие получили тюркская диалектография и диалектология, имеющие немаловажное значение для диахронического и синхронического изучения тюркских языков¹³.

В целях координации деятельности тюркологов-диалектологов периодически созываются региональные конференции по вопросам диалектологии тюркских языков; VI региональная конференция состоялась

8—10 июня 1970 г. в Ташкенте, VII конференция — 15—17 мая 1973 г. в Алма-Ате¹⁴.

5-я конференция по вопросам диалектологии тюркских языков (Баку, 5—8/X 1965) определила в качестве первоочередной задачи составление диалектологического атласа тюркских языков СССР. С этой целью сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР был разработан и разослан на места «Вопросник диалектологического атласа тюркских языков СССР» (М., 1969, 37 стр.). 20—21 апреля 1972 г. в Баку состоялось совещание специалистов, работающих над «Диалектологическим атласом тюркских языков» (см.: Л. А. Покровская. О работе над диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 126—128).

5. Лексико-грамматическое изучение памятников тюркской письменности имеет исключительное значение для воссоздания истории как отдельных тюркских языков, так и всей их семьи.

900-летие двух выдающихся памятников тюркской письменности — дидактической поэмы «Кутадгу билиг» (1069) Юсуфа Баласагунского и знаменитого «Словаря тюркских языков» (1072—1083) Махмуда Кашгарского явились дополнительным стимулом для углубленного изучения этих — эпохального значения — трудов, которым были посвящены две конференции¹⁵.

Всесторонним исследованием тюркских памятников рунического, уйгурского и арабского письма занимаются ученые в ряде тюркологических центров Советского Союза (Москва, Ленинград, Алма-Ата, Ашхабад, Баку, Казань, Ташкент, Тбилиси, Уфа, Фрунзе)¹⁶.

Несколько отстает от лексико-фонетико-грамматического изучения памятников другой важный аспект их исследования — текстологическая работа, хотя и в этой области за последнее время появились новые издания¹⁷.

6. Описание тюркоязычных рукописей, хранящихся в библиотеках Советского Союза, является одной из актуальных задач советской тюркологии. Богатейшие коллекции тюркских рукописей (Ленинград, Москва, Ташкент, Баку, Ереван, Казань, Душанбе, Тбилиси, Ашхабад, Алма-Ата, Махачкала, Уфа) — надежнейший источник для изучения истории тюркских языков¹⁸.

7. История формирования тюркских национальных языков привлекает внимание широкого круга ученых: историков, этнографов, языковедов; в этой области также появились солидные работы¹⁹.

8. «Алтайская гипотеза» и тюркское языкознание. Наличие общих лексических и фонетико-грамматических элементов в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках является неоспоримым фактом. Наука пока не знает, восходят ли эти общие элементы к языку-основе или возникли в результате многовекового взаимодействия носителей этих языков. Однако это ни в коей мере не должно препятствовать использованию имеющихся общих элементов для объяснения многих вопросов истории названных языков. Тем более нельзя признать удовлетворительным состояние разработки алтайской гипотезы, что затрудняет ее использование для решения кардинальных проблем тюркского языкознания. В последние годы исследователи вновь стали активнее обращаться к старой гипотезе урало-алтайского языкового родства, все настойчивее выдвигать идею волго-камского языкового союза²⁰.

9. История отечественной тюркской филологии по-прежнему находится в поле зрения советских тюркологов, хотя темпы ведения исследований, глубина и широта охвата рассматриваемых явлений могли бы быть более значительными²¹.

* * *

Тюркская филология в СССР, как видно из этого краткого изложения, успешно развивается по всем направлениям.

Отличительной особенностью развития тюркологии в нашей стране в послеоктябрьский период является следующее важное обстоятельство: изучением проблем тюркской филологии занимаются, наряду с русскими тюркологами, ученые — носители тюркских языков, многочисленные представители новой тюркоязычной интеллигенции, сформировавшейся в советскую эпоху.

Широкий охват всех подлежащих изучению проблем тюркской филологии отвечает насущным практическим и научным задачам дальнейшего развития советской тюркологии.

* * *

Советская тюркология представляет собою обширную научную дисциплину, имеющую большое практическое, научное и идеологическое значение. Развитие тюркских языков, образующих самую большую в СССР после славянских семью родственных языков (на тюркских языках в СССР, по данным переписи 1970 г., говорит 32,4 млн. человек), является необходимым условием дальнейшего успешного развития социалистических наций, носителей этих языков. За последние 30—40 лет во всех республиках и областях с тюркоязычным населением (равно как и повсеместно в СССР) были созданы научные учреждения и учебные заведения (Абакан, Алма-Ата, Ашхабад, Баку, Бухара, Горно-Алтайск, Казань, Кызыл, Махачкала, Нальчик, Нукус, Самарканд, Ташкент, Уфа, Фрунзе, Чебоксары, Якутск и др.), в которых ведется большая, систематическая работа по изучению языков, литератур, истории, этнографии, археологии тюркоязычных народов.

Тюркология как востоковедческая дисциплина всегда была наукой комплексной, включающей лингвистические, литературоведческие, историко-этнографические изыскания. Однако за последние три десятилетия объем и задачи тюркского языкознания возросли в такой степени, что потребовали строгой специализации.

Перед советскими тюркологами-языковедами стоят фундаментальные задачи, от решения которых зависит дальнейшее развитие общей тюркологии. К числу таких первоочередных задач относятся: детальное исследование широкого круга вопросов исторической и сравнительно-исторической фонетики, исторической и сравнительно-исторической грамматики, отдельных языков, групп языков и семьи тюркских языков в целом; исторической и сравнительно-исторической диалектологии и лексики тюркских языков.

Успехи и новые достижения в исторических и сравнительно-исторических изысканиях, охватывающих любой раздел тюркского языкознания, теснейшим образом связаны с подготовкой и изданием описаний (по строго разработанной схеме) фонетического и грамматического строя тюркоязычных памятников рунического, уйгурского, арабского письма, а также транскрипционных текстов. Этой работе, естественно,

должны предшествовать текстологические исследования, отвечающие современным требованиям.

Исследование памятников рунического письма, если оно базируется только на доступных в настоящее время публикациях, не может дать обнадеживающих результатов в силу неадекватности некоторых изданий и самих памятников. Для дальнейшего плодотворного изучения этих памятников необходимо составить «Корпус рунических надписей».

Исследование памятников тюркской письменности, как было сказано выше, в последние годы ведется широким фронтом, однако использовать их для обобщающих исследований затруднительно из-за отсутствия единой схемы изложения материала, столь необходимой для сравнительного изучения исторической фонетики и грамматики тюркских языков.

Все это диктует необходимость тщательной разработки методики фонетико-грамматического исследования памятников с учетом исторических условий образования и распространения литературных языков и разных форм письменности.

Диалектографическими и диалектологическими исследованиями охвачены все тюркские языки Советского Союза. Однако и в этой области тюркского языкознания отсутствуют единая схема и единая методика описания, что делает невозможным сопоставление полученных исследователями диалектальных данных. Следует надеяться, что тюркологи, работающие над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР», обратят внимание на это важное обстоятельство.

Прогресс в области сравнительно-исторического изучения фонетики, грамматики, лексики тюркских языков находится в непосредственной связи со старой проблемой — «алтайская гипотеза и тюркские языки». Нам уже приходилось писать и говорить о том, что для установления древнего состояния фонетики, грамматики, лексики тюркских языков есть только один путь, а именно тот, что дает возможность выйти за пределы тюркской семьи языков в область соседних — монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, близких к тюркским языкам по многим лексическим и фонетико-грамматическим показателям. При этом следует иметь в виду, что методика сравнительно-исторических исследований в плане алтайской гипотезы далеко еще не разработана. Попытки упростить задачу путем почти механического использования в тюркском языкознании сравнительно-исторического метода, применяемого в индоевропейском языкознании, терпят крах при первом же столкновении с реальными тюркскими лингвистическими материалами.

Успешное решение фундаментальных задач советской тюркологии, при наличии большого числа научно-исследовательских учреждений, занимающихся проблемами тюркологии, находится в прямой зависимости от умелой координации и кооперации всей научно-исследовательской деятельности. Отсутствие реальной, действенной координации исследовательских работ порождает такое отрицательное явление, как параллелизм в планах научных исследований, что, в свою очередь, ведет к неоправданному дублированию тем и распылению научных сил. Отсутствие же реальной, действенной кооперации приводит к тому, что разработка больших комплексных тем или вовсе не осуществляется, или осуществляется крайне медленно.

Единственной коллективно разрабатываемой во всесоюзном масштабе темой является «Диалектологический атлас тюркских языков СССР».

Ближайшими задачами, выдвинутыми рядом тюркологических конференций и совещаний и отвечающими насущным потребностям дальнейшего развития отечественной тюркологии, являются:

1. Совершенствование методов и приемов описательного, исторического, сравнительно-исторического, сопоставительного исследования фонетики, грамматики, лексики тюркских языков.

2. Создание «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Совершенствование методов изучения и собирания диалектных материалов.

3. Совершенствование методов лексикологической и лексикографической работы.

4. Изучение закономерностей развития тюркских литературных языков и процессов взаимодействия тюркских языков между собой и с неродственными языками.

5. Разработка проблем классификации и исторической периодизации тюркских языков.

6. Совершенствование практических алфавитов, орфографии и орфоэпических норм.

*
*
*

Президиум Академии наук СССР, учитывая, что «за последние годы все большее значение и масштабы приобретают работы советских ученых в области тюркологии», постановил «в целях улучшения координации научных исследований в области тюркологии, а также усиления международных контактов и научного сотрудничества с тюркологами зарубежных стран...организовать при Отделении литературы и языка АН СССР Советский комитет тюркологов».

Поставленные перед Советским комитетом тюркологов ответственные задачи, без сомнения, будут выполнены объединенными усилиями советских тюркологов, сознающих свой высокий долг перед отечественной наукой.

¹ Т. К. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование), ч. I. Фрунзе, 1968, 191 стр.; С. Б. Садыхов. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1968, 19 стр.; М. А. Раимбекова. Длительность гласных в казахском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1968, 20 стр.; Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка. Очерк по экспериментальной фонетике и фонологии. Алма-Ата, 1970, 178 стр.; А. К. Орусбаев. Опыт экспериментально-фонетического исследования киргизского ударения. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4, стр. 111—120; С. Куренов. Долгие и краткие гласные в туркменском языке (экспериментально-фонетический очерк). Ашхабад, 1971, 162 стр. (на туркм. яз.); С. Р. Ибраев. Фонетические особенности подражательных слов казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971, 32 стр.; М. М. Исабеков. Количественные характеристики гласных звуков в современном киргизском литературном языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1971, 23 стр.; Б. Дж. Тайлакбаев. Экспериментально-фонетическое исследование шумных смычных согласных казахского языка (и сопоставление их переходных участков с соответствующими локусами аналогичных согласных английского языка). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1972, 29 стр.; А. Джунисбеков. Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Алма-Ата, 1972, 94 стр.; А. Нурмухамедов. Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1974, 38 стр.

² А. К. Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971, 96 стр.; Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1971, 192 стр.; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, 251 стр.; Т. Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972, 98 стр.

³ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, 204 стр.

⁴ А. Р. Махмудов. Основы сопоставительной фонетики современного русского и азербайджанского языков и ее теоретическое и практическое значение. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, 107 стр.; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Опыт сопоставительного анализа анатомо-физиологических особенностей гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском и казахском литературных языках. Алма-Ата, 1968, 108 стр.

⁵ А. Демирчизаде. Основы орфоэпии азербайджанского языка. Баку, 1969, 83 стр. (на азерб. яз.); «Фонетика казахского языка», I. (Сб. статей). Алма-Ата, 1969, 167 стр.; «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР». (Сб. статей). М., 1972, 237 стр.; «Орфография тюркских литературных языков». М., 1973, 302 стр.

⁶ Э. В. Севортян. Вопросы грамматики и наклонения глагола в тюркских языках». «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 307—330; его же. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 35—45; «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». (Материалы совещания 17—20 января 1962 г. в Баку). Баку, 1968, 230 стр.; И. В. Кормушин. Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, 21 стр.; Г. Ф. Благова. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 81—97; Б. Чарыяров. Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1969, 351 стр. (на туркм. яз.); Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, 307 стр.; Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1970, 42 стр.; А. Ходжаев. Недостаточный глагол. Ташкент, 1970, 262 стр. (на узб. яз.); Ф. Р. Зейналов. Вспомогательные части речи в современных тюркских языках. Баку, 1971, 312 стр. (на азерб. яз.); Н. Ордабаева. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1971, 75 стр.; М. А. Хабицев. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971, 302 стр.; Ф. А. Гачиев. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань, 1973, 40 стр.; А. Ходжиев. Глагол. Ташкент, 1973, 192 стр. (на узб. яз.); Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики). Автореф. докт. дисс. М., 1974, 22 стр.

⁷ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, 408 стр.; И. А. Андреев. Структура простого предложения чувашского языка. Автореф. докт. дисс., 79 стр.; Н. Базарбаева. Сложные словосочетания в тюркских языках (на материале казахского и узбекского языков). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970, 43 стр.; Э. Шадманов. Слова-предложения в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970, 29 стр.; Г. А. Гайдаржи. Гагаузский синтаксис. Кишинев, 1973, стр. 92; М. Д. Шахназарова. Синтаксис причастия в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 51 стр.; А. С. Сафаев. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1969, 61 стр.; Дж. Мухтаров. История развития причастных форм в узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1971, 52 стр.; Н. К. Турниязов. Определительные придаточные предложения в узбекском и французском языках. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 23 стр.; У. К. Юсупов. Сравнительный анализ английских и узбекских сложноподчиненных предложений с придаточными условными. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 29 стр.; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, 351 стр.; М. Аvezов. Сложноподчиненное предложение в каракалпакском языке и его структура. Нукус, 1972, 110 стр. (на каракалп. яз.); Р. Амиров. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Алма-Ата, 1972, 180 стр.; М. А. Черосов. Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке. Якутск, 1972, 112 стр.; Р. Чойбеков. Безличные предложения современного немецкого языка и их эквиваленты в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1973, 26 стр.; К. Сарыев. Словосочетания в туркменском литературном языке (именное словообразование). Автореф. докт. дисс. Ашхабад, 1974, 54 стр.

⁸ П. А. Азимов. Вопросы туркменского языка. Ашхабад, 1969, 263 стр. (на туркм. яз.); М. Хамзаев. Вопросы морфологии и синтаксиса туркменского языка. Ашхабад, 1969, 269 стр. (на туркм. яз.); «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, 380 стр.; М. З. Закиев, Х. Р. Курбатов. Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1971, 311 стр.; Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1969, 104 стр.; «Грамматика туркменского языка, ч. I. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, 503 стр.; «Грамматика азербайджанского языка. Фонетика, морфология, синтаксис». Баку, 1971, 413 стр.; «Исследования по каракалпакскому языку». Нукус, 1971, 302 стр. (на каракалп. яз.).

⁹ Подробнее см.: «Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель, 1918—1962». М., 1966, стр. 129—162. Из изданных в последние годы двуязычных словарей следует отметить: Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. Около 33000 слов. М.,

1968; «Туркменско-русский словарь». Около 40000 слов. М., 1968; «Русско-чувашский словарь». 40000 слов. Чебоксары, 1971; «Тувинско-русский словарь». Около 22000 слов. М., 1968; «Кумыкско-русский словарь». Около 13000 слов. М., 1969; «Русско-татарский словарь». Около 50000 слов. Казань, 1971; «Русско-татарский словарь сельскохозяйственных терминов». Включает около 15000 терминов. Казань, 1971; Б. М. Хохлов. Турецко-русский военный словарь. М., 1968; А. А. Федосов. Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний. Около 43000 слов. М., 1971; И. А. Киссен. Словарь наиболее употребительных слов современного узбекского литературного языка (высокочастотная лексика подязыка художественной прозы). Ташкент, 1972, 112 стр.; Э. М.-Э. Мустафеев, В. Г. Щербинин. Русско-турецкий словарь. 47700 слов. М., 1972; «Якутско-русский словарь». 25300 слов. М., 1972; «Гагаузско-русско-молдавский словарь». 11500 слов. М., 1973.

¹⁰ «Тюркизмы в восточно-славянских языках». М., 1947, 300 стр.; Л. А. Кубанова. О тюркизмах русской диалектной лексики. Черкесск, 1967, 40 стр.; Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, 367 стр.; Б. И. Татаринцев. Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1968, 26 стр.; З. С. Шеломенцева. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971, 136 стр.; Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1970, 349 стр.; С. Н. Иванов. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973, 61 стр.

¹¹ Г. С. Амиров. Язык Тукая. (Лексика и фразеология). Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1968, 72 стр.; Г. А. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970, 161 стр.; С. Джафаров. Современный азербайджанский язык. (Лексика). Баку, 1970, 235 стр. (на азерб. яз.); Дж. В. Каграманов. Лексика «Дивана» Насими. Баку, 1970, 568 стр. (на азерб. яз.); Р. Г. Ахметьянов. Этимологические основы лексики татарского языка. Казань, 1970, 49 стр.; Э. А. Умаров. Фразеологический словарь «Хазойин ул-маоний» Алишера Навои. Ташкент, 1971, 140 стр.; Г. К. Багиров. Лексико-семантическое развитие глаголов в азербайджанском языке. Баку, 1971, 160 стр. (на азерб. яз.); С. М. Исхакова. Лексика сибирских татар (к вопросу о взаимоотношении татарского и узбекского языков). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970, 28 стр.; Я. Чунгаев. Лексикология современного туркменского языка. Ашхабад, 1972, 204 стр. (на туркм. яз.); М. Садыкова. Русско-узбекский фразеологический словарь. Ташкент, 1972, 192 стр.

¹² «Топонимика Востока. Исследования и материалы». М., 1969, 239 стр.; Т. Нафасов. Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, 24 стр.; Т. Жанузакоев. Казахская антропонимика. Алма-Ата, 1971, 218 стр. (на казах. яз.); Г. Ф. Саттаров. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970, 87 стр.; Д. Исаев. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972, 22 стр. В г. Уфе 21—24 сентября 1971 г. состоялась 3-я Поволжская конференция по ономастике. См.: «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 126—130.

¹³ М. Ш. Ширалиев. Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 3—9; Я. Г. Гулямов. Грамматика Ташкентского говора, ч. I. Морфология. Ташкент, 1968, 162 стр.; Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. докт. дисс. М., 1969, 50 стр.; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, 359 стр.; А. Тургунов. Фонетическая структура Балыкчинской группы говоров узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, 30 стр.; Б. Бекетов. Казахский говор Южной Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969, 30 стр.; М. М. Мирзаев. Бухарская группа говоров узбекского языка. Ташкент, 1969, 153 стр. (на узб. яз.); Б. Джураев. Узбекские говоры Верхней Кашка-Дарьи. Ташкент, 1969, 168 стр. (на узб. яз.); Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Очерк фонетики, тексты и словарь. Алма-Ата, 1970, 263 стр.; Ж. Болатов. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1970, 103 стр.; Дж. Амансариев. Туркменская диалектология. Ашхабад, 1970, 380 стр. (на туркм. яз.); Р. Бердыев, С. Курепов, А. Шамуратов, С. Аразкулов. Очерки диалектов туркменского языка. Ашхабад, 1970, 404 стр. (на туркм. яз.); Б. М. Юнусалиев. Киргизская диалектология. Фрунзе, 1971, 292 стр. (на кирг. яз.); Ю. Джуманазаров. Узбекский литературный язык и южный хорезмский диалект. Ташкент, 1971, 76 стр. (на узб. яз.); А. Туракулов. Лексика кокандской группы говоров. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 28 стр.; «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках» (сборник статей). Фрунзе, 1971, 195 стр.; «Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы». Абакан, 1973, 159 стр.; Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев (Куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972, 279 стр.; Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968, 104 стр.; «Диалектологический словарь татарского языка». Казань, 1969, 643 стр.; «Сло-

варь башкирских говоров», т. I—II. Уфа, 1970; «Словарь узбекских народных говоров». Ташкент, 1971, 408 стр.; Ж. Мукамбаев. Диалектологический словарь киргизского языка, т. I. Фрунзе, 1972, 712 стр.; А. П. Векилов. Турецкая диалектология, I. Л., 1973, 103 стр.

¹⁴ Отчет о VI региональной конференции см.: «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 134—138, о VII — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 117—125. В последнем номере публикуется и ряд докладов VII конференции.

¹⁵ 900-летию «Кутадгу билиг» была посвящена IV Тюркологическая конференция в Ленинграде (2—4 июня 1970 г.); информацию о конференции и ее материалы см.: «Советская тюркология», 1970, № 4 (специальный номер). 900-летие «Словаря» Махмуда Кашгарского отмечалось в Фергане (7—9 октября 1971 г.); информацию о ней и материалы конференции см.: «Советская тюркология», 1972, № 1 (специальный номер).

¹⁶ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, 203 стр.; Э. И. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Ташкент, тт. I, II, 1969, 1971; *его же*. Древние памятники и язык А. Навои. Ташкент, 1969, 87 стр. (на узб. яз.); *его же*. Фрагменты неизвестного старотюркского памятника. Ташкент, 1970, 70 стр.; А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, 103 стр.; З. Б. Мухаммедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973, 237 стр.; А. Есенгулов. Словообразовательные аффиксы в языке древнетюркской письменности (на материале орхоно-енисейских и таласских памятников). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969, 25 стр.; У. Мирзакаримова. Морфологические особенности «Кисас-и Рабгузи». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, 39 стр.; Н. А. Расулова. Исследование языка «Китаб ал-идрак ли-л-исан ал-атрак» Абу Хайяна. Автореф. канд. дисс., 1969, 32 стр.; А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старотюркского письменного памятника XIII в. «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, 234 стр.; *его же*. Язык старокипчакских письменных памятников XIII—XIV вв. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1973, 58 стр.; М. А. Ахметов. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970, 25 стр.; Х. Г. Нигматов. Морфология тюркского глагола по материалам Словаря Махмуда Кашгарского. Автореф. канд. дисс. Л., 1970, 24 стр.; Ш. Шукуров. Из истории глагола. Форма наклонений и времен в языке древнетюркских памятников. Ташкент, 1970, 107 стр.; Ж. Лапасов. Морфология языка поэмы «Йусуф-у-Зулейха» Дурбека. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 20 стр.; К. Мухитдинов. «Санглах» Мирзы Мухаммеда Мехдиана. (Исследование, комментарий, транскрипция). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 17 стр.; Ч. Джумагулов. Язык сиротюркских (неисторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971, 163 стр.; И. А. Батманов, О. В. Субракова. Древние письмена Хакасии, вып. I. Абакан, 1970, 52 стр.; И. А. Батманов. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, 65 стр.; К. Каринов. Юсуф хос-ходжиб. Кутадгу билиг. Транскрипция ва хозирги ўзбек тилига тавсиф. Ташкент, 1971; Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, 175 стр.; Х. Назарова. Бабури и узбекский литературный язык. Ташкент, 1971, 40 стр. (на узб. яз.); *ее же*. Краткий словарь по произведениям Захириддина Бабура. Ташкент, 1972, 191 стр. (на узб. яз.); К. Махмудов. «Хибатул хакайик» А. Югнаки. Ташкент, 1972, 300 стр. (на узб. яз.); М. Т. Зияева. Исследование памятника XIV в. «Китаб ат-тухфат уз-закийя фил-лугат ит-туркийя». (Лексика, морфология). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972, 29 стр.; Х. Данияров. А. Навои и узбекский литературный язык. Ташкент, 1972, 61 стр. (на узб. яз.); П. Шамсиев, С. Ибрагимов. Словарь Навои. Ташкент, 1972, 782 стр. (на узб. яз.); Г. Абдурахманов, Ш. Шукуров. Историческая грамматика узбекского языка (учебное пособие для вузов). Ташкент, 1973, 320 стр. (на узб. яз.).

¹⁷ П. Шамсиев. Научно-критический текст «Хамсы» Алишера Навои и принципы его подготовки. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1970; *его же*. Алишер Навои. Хамси. Хайрат ул-абрар. Научно-критический текст. Ташкент, 1970; Ш. Ишанходжаев. Научно-критические тексты произведений Алишера Навои. — «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 9, стр. 42—46; Дж. В. Каграманов. Научно-критический текст и лексика произведений Имадеддина Насими. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, 70 стр.; *его же*. Сочинения Имадеддина Насими. Критический текст, тт. I—II—III. Баку, 1973; А. Мамедов. Текстологическое исследование и научно-критический текст произведений Шах Исмаила Хатаи. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970, 51 стр.; Нурмухаммед Андалиб. Юсуп-Зулейха. Критический текст. Составил Гельды Назаров. (Текст, стр. 1—291; Введение на туркменском языке, стр. 6—42). Ашхабад, 1973; З.-М. Бабури. Мухтасар. Издание подготовил С. Хасан. Ташкент, 1971 (на узб. яз.).

¹⁸ Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1969; А. С. Тверитинова. Коллекция Института рукописей Академии наук Грузинской ССР. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, стр. 236—237; А. Фатхиев. Рукописи татарских писателей и ученых. 3-я часть. Казань, 1968, 84 стр. (на

татар. яз.); Л. В. Дмитриева. Древнейуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения Академии наук СССР. — «Страны и народы Востока», вып. VIII, 1969, стр. 222—228; К. М. Муниров, А. Насыров. Рукописи произведений А. Навои в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1970 (на узб. яз.).

¹⁹ В. Х. Хаков. Образование и развитие татарского национального литературного языка. Казань, 1972, 223 стр.; А. М. Аннануров. Развитие туркменского языка за советский период. Ашхабад, 1972, 36 стр.; Ш. Ч. Саг. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл, 1973, 194 стр.

²⁰ Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, 151 стр.; «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, 404 стр.; «Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, 362 стр.; «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, 276 стр.

²¹ Б. М. Данциг. Изучение Ближнего Востока в России (XIX—начало XX вв.). М., 1968, 212 стр.; *его же*. Ближний Восток в русской науке и литературе. (Доктябрьский период). М., 1973, 434 стр.; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969, 383 стр.; «Развитие филологических и исторических наук в Татарии (к 50-летию ТАССР)». Казань, 1969, 139 стр.; Н. И. Ашмарин—основоположник чувашского языкознания (сб. статей). Чебоксары, 1971, 272 стр.; М. Мамедов. Нариман Нариманов и родной язык. Баку, 1971, 81 стр. (на азерб. яз.); И. Исмаилов. Уйгуроведение и уйгурские ученые в СССР. Ташкент, 1969, 82 стр. (на узб. яз.); А. М. Курбанов, Б. М. Ибрагимов. Азербайджанские языковеды. Баку, 1970, 135 стр. (на азерб. яз.); Х. Узаков. Узбекские лингвисты. Ташкент, 1972, 286 стр. (на узб. яз.); Н. А. Мазитова. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (1-я половина XIX в.). Казань, 1972, 225 стр.; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, 267 стр.; В. Д. Аракин. Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). М., 1972, 87 стр.; А. П. Базиянц. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, 224 стр.; О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“. Материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов». Якутск, 1973, 238 стр.; Э. Фазылов, Н. Расулова. Языкознание в Узбекистане за последние годы. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 82—89; М. Ш. Ширалиев. Развитие азербайджанского языкознания за последние годы. — «Вопросы языкознания», 1972, № 5, стр. 113—118; С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Казахское языкознание за пятьдесят лет. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная», 1972, № 5, стр. 20—34. (То же. «Вопросы языкознания», 1973, № 3, стр. 99—108); Б. Чарыяров. О развитии туркменского языкознания. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 93—100; М. З. Закиев. Успехи татарского языкознания за 50 лет. — В сб.: «Вопросы тюркологии», Казань, 1970, стр. 3—9; Г. М. Исхаков, О. Ж. Жамалдинов, К. К. Тохтамов. Уйгуроведение в советскую эпоху. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная», 1972, № 5, стр. 51—60 (на казах. яз.); Д. С. Насыров. Развитие каракалпакского языкознания за годы Советской власти. — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 104—112; «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов». Под редакцией и с введением А. Н. Кононова (в печати).

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. К. АЛЕКПЕРОВ

О СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ ПОДХОДЕ К ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Системно-структурный аспект рассмотрения лексического значения слова требует серьезного обсуждения ряда узловых вопросов онтологического, методологического и терминологического характера. Дело в том, что то или иное понимание частного вопроса лексической семантики в конкретном языке на любом уровне лингвистического анализа семасиологического явления неизбежно предполагает наличие определенного взгляда на важнейшие теоретические вопросы, непосредственно связанные с сущностной природой предмета исследования¹. Так, например, вопросы полисемии или синонимии вряд ли могут быть разрешены без четкого уяснения статуса центральной семасиологической категории — отдельного лексического значения слова². В свою очередь определение значения словесного знака в знаковой ситуации как опосредованное данной языковой системой и «зафиксированное адресатом... специфическое отношение знака к предмету обозначения»³ — требует привлечения семиотического аппарата⁴.

Не подлежит сомнению тот факт, что язык есть система. Этим обусловлено стремление некоторых ученых подключиться к так называемой «общей теории систем». М. С. Караева, например, считает, что противоречивость взглядов на сущность понятия системы языка и взаимосвязанного с ним понятия структуры языка в современном языкознании «является отражением недостаточной разработанности системно-структурной теории в методологии наук в целом»⁵. Но весь вопрос в том, существует ли такая «теория», и вообще каковы перспективы ее создания? На этот вопрос мы можем найти аргументированный ответ в обобщаю-

¹ Сложившаяся в семасиологии ситуация может быть охарактеризована следующими словами Д. Н. Шмелева: «По сути дела, каждый исследователь, приступающий к семантическому анализу той или иной области лексики, вынужден обосновывать свои исходные теоретические позиции и методологические принципы» (Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 8).

² См.: Stephen Ullmann. Grundzüge der Semantik (Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht). Berlin, 1967, стр. 1, 5, 31, 70 и др.; В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, стр. 39—42, 115—117.

³ Л. А. Абрамян. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965, стр. 58, 71.

⁴ В. А. Звегинцев даже склоняется к определению семиотики как математики гуманитарных наук (см.: В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, стр. 215).

⁵ М. С. Караева. К конкретизации понятия «система языка». — «Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова», серия XII (язык и литература), 1972, № 2, стр. 37.

щем монографическом исследовании И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина⁶, в котором содержится обстоятельный гносеологический и методологический анализ проблем системно-структурного подхода к миру действительности, а также роли системных идей и принципов в современном научном знании. Авторы пишут, в частности, что «методологический подход как таковой, в том числе, конечно, и системный подход, может вполне успешно функционировать в науке, не выступая в форме теории»⁷; и далее: «если ...иметь в виду общую теорию систем в собственном смысле слова, то по отношению к ней до сих пор сохраняет свою силу вопрос о самой ее возможности, сформулированный В. А. Смирновым еще в 1959 г.»⁸. Общий же вывод, к которому приходят авторы, таков: «... по крайней мере в ближайшие годы системный подход, вероятно, сможет выполнять свою методологическую роль в качестве именно подхода, не развиваясь в теорию в строгом смысле слова, а оставаясь методологическим направлением, т. е. не очень жестко организованной совокупностью методологических принципов и понятий»⁹.

В знаковой природе языка также не приходится сомневаться. Однако в правильной, на наш взгляд, формулировке: «Естественный человеческий язык есть система знаков особого рода» — у некоторых лингвистов вызывает недовольство именно видовой признак — «особого рода» (*sui generis*), выделяемый в целях спецификации этой системы знаков. Между тем естественный язык, несомненно, является знаковой системой особого рода уже хотя бы по одному такому существенному отличительному признаку, как «прозрачность для значения», который в качестве специфического свойства словесных знаков особенно подчеркивал А. Шафф, ссылаясь при этом на Делакруа (1924), Оссовского (1926), Рубинштейна (1946), Урбана (1951)¹⁰.

Следует отметить, что широко известные идеи трехступенчатости (в противоположность соссюрговской дихотомии «язык—речь») структурных уровней языка: схема—норма—узус (Л. Ельмслев), система—норма—речь (Э. Косериу) и т. п. навеяны как раз прямой аналогией с семиотической тройственностью: синтактика—семантика—прагматика¹¹. Продолжением и развитием этих идей является, в частности, разграничение М. С. Караевой трех функциональных уровней языковой системы (помимо нулевого уровня эмпирической данности): 1) структурного (уровень внутренних зависимостей элементов); 2) субстанционального (уровень единиц, способных передавать отношение к объективной действительности); 3) коммуникативного (уровень целостности, целенаправленности актуальных единиц)¹². Необходимо указать, что в таких трехступенчатых построениях наименее четко очерченными оказываются промежуточные уровни (ср.: семантика, норма и т. д.). Хотя внутри отдельных ярусов и категорий языка можно наблюдать эту тройственность (например: согласные—сонорные—гласные; лексико-семантическое—грамматическое—эмотивное в слове или полнозначные, служебные и междометно-подражательные части речи и др.), однако в общем и целом соссюрговский

⁶ И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

⁷ Там же, стр. 86.

⁸ Там же, стр. 90.

⁹ Там же, стр. 91.

¹⁰ См.: А. Шафф. Введение в семантику. М., 1963, стр. 202—203.

¹¹ Подробнее см.: Ю. С. Степанов. О предпосылках лингвистической теории значения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 5, стр. 71—72.

¹² Ср.: М. С. Караева. Функциональные уровни синтаксической подсистемы языка. (К постановке вопроса). — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1972, № 3, стр. 87.

системно-структурный лингвистический механизм языка-речи движется двойственным путем вокруг дихотомических противопоставлений—принципа экономии и избыточности, дискретного и недискретного, парадигматики и синтагматики, регулярного и нерегулярного, мотивированного и немотивированного, синхронии и диахронии, темпорально-территориального и нормативно-узусального и др. Проявляя равную терпимость к асимметрии и непоследовательностям, язык, опирающийся на речь, уклоняется от жестких предписаний «правил» и «законов» в терминах причинно-следственных закономерностей¹³. Поэтому в лингвистике содержательный анализ не может быть построен на логико-математической аксиоматике.

В современном языкознании термины «система» и «структура» не более разноречивы в реальном употреблении, чем, скажем, такие основополагающие термины, как «уровень»¹⁴ или «функция»¹⁵. И все же именно этим терминологическим понятиям был посвящен в последнее время ряд сводных статей и специальных исследований¹⁶. Однако и после этих работ вопрос об унификации данных терминологических понятий на базе «общенаучного» понимания соответствующих терминов остается открытым. Казалось бы, взаимоисключающие, на первый взгляд, позиции А. С. Мельничука и Г. П. Мельникова — с точки зрения диалектической логики оказываются вполне оправданными: в одном случае оспаривается конструктивность для структуры сети «чистых» отношений¹⁷, а в другом — берутся «сетевые» характеристики структуры с ее значимостными узлами¹⁸.

Таким образом, понятие «элемент» в системе связывается с субстанцией, субстантной характеристикой или субстанциальными свойствами объекта, а понятие «элемент» в структуре выступает как место пересечения связей объекта с другими объектами (например, в структуре объекта более высокого яруса)¹⁹. Но если вещи познаются через свои свойства, а свойства — не иначе, как через отношения, то все дело сводится лишь к цепи взаимопереходов на пути восхождения от конкретного к абстрактному и, собственно говоря, к разграничению знаков двух типов, которыми оперируют семантические теории: десигнаторов, имеющих субстанциональную природу означающего и означаемого, и форматоров, или «логических» знаков, охватывающих различные операторы, дейктические знаки, кванторы разного типа и др.²⁰ Что же касается возможности

¹³ Ср. другие основания этого тезиса в книге: С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 49—50.

¹⁴ См.: Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии. — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 149 (сноска 12); «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 92.

¹⁵ Ср. высказывание О. Лешки: «... если к числу результатов новейшего развития лингвистики следует отнести понятийную очерченность термина «структура», то понятие функции остается до сих пор еще весьма расплывчатым» (О. Лешка. Несколько замечаний о задачах изучения проблемы языковых ярусов. — В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 245).

¹⁶ Укажем некоторые важнейшие из них: А. С. Мельничук. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. — В кн.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970; В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971; Г. П. Мельников. Системный подход в лингвистике. — В сб.: «Системные исследования». М., 1972, стр. 184—205; Е. С. Кубрякова, Г. П. Мельников. Глава «О понятиях языковой системы и структуры языка». — В кн.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972.

¹⁷ См.: А. С. Мельничук. Указ. раб., стр. 49.

¹⁸ См.: Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 184.

¹⁹ Там же, стр. 184—185.

²⁰ Подробнее см.: У. Веинрейх. О семантической структуре языка. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. V. М., 1970, стр. 166, 172.

считать всякого рода процессы (предметы и явления, свойства и отношения) элементами, то следует подчеркнуть, что внутренним содержанием любого элемента выступают как раз эти свойства и отношения: «...под элементами мы подразумеваем любые явления, процессы, образующие в своей совокупности данное явление, данный процесс, а также любые свойства явлений, образующие в своей совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отношения, образующие в своей совокупности некое новое отношение»²¹. Тот же автор, определяя структуру как «характер, способ, закон взаимосвязи элементов», указывает также на возможность понимания «структуры как единства элементов и их структурной связи, т. е. способа их взаимодействия», как «соотношения пребывающих и сменяющихся процессов»²².

Считаем необходимым выразить наше отношение также и к вопросу о предпочтительности того или иного понимания системы и структуры.

Так, например, Б. Г. Таирбеков связывает научное понимание рассматриваемых понятий с общей картиной материалистической диалектики. Называя системой целостный объект, элементами — взаимосвязанные части целого, а структурой данной системы — «сплетение связей и взаимодействий», Б. Г. Таирбеков заключает: «Такое понимание системы, ее элементов и структуры... наиболее плодотворно»²³.

Советскими учеными-философами глубоко исследованы гносеологические и методологические основы системно-структурных идей и принципов в тесной связи с такими категориями диалектического материализма, как часть и целое, количество и качество, содержание и форма, сохранение и изменение и т. д. Безусловно, каждый из этих аспектов системной проблематики имеет свое значение. Когда же речь идет о важнейшей методологической функции и наибольшей плодотворности понятий, специалисты признают таковыми целостность системы (И. В. Блауберг) и инвариантность структуры (Н. Ф. Овчинников): «Определяя структуру как инвариантный аспект системы, мы хотим тем самым подчеркнуть, что понятие структуры выражает устойчивость системы, ее сохранение...»²⁴ (на уровне элементов, на уровне связи элементов, на уровне целостности). Так, например, при изучении закономерностей функционирования языка в центре внимания исследователя стоит проблема тождества, устойчивости, инвариантности языковых единиц вопреки различиям в проявлении и вариативности каждой из них. Но и исследование закономерностей развития языка предполагает анализ в первую очередь проблемы стабилизации исторических процессов в ходе необратимой эволюции языковых явлений, приводящей к сдвигам, прерывам постепенности. В известном смысле такие понятия, как структура, строй, организация и т. п., призваны компенсировать недостаточность аспекта целостности системы, ибо последний не в состоянии обеспечить общность разъединенных во времени и пространстве объектов. И в самом деле, мы можем говорить о системе, например, фоном только какого-либо одного из тюркских языков в определенный исторический период, тогда как вполне правомерно утверждать, что существует единство, скажем, морфологической структуры тюркского слова, безотносительно к пространственно-временному континууму. Если же искать фундаментальную и глобальную закономерность в языке — действительности соз-

²¹ В. И. Свидерский. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962, стр. 13.

²² Там же, стр. 10—11.

²³ Б. Г. Таирбеков. Еще раз о системе и структуре. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы», 1973, № 1, стр. 16.

²⁴ Н. Ф. Овчинников. Принципы сохранения. М., 1966, стр. 268.

нения, отражающего объективный мир, то таковую, по-видимому, следует связывать именно с тем, в чем В. И. Ленин видел ядро, суть диалектики как изучения противоречия в самой сущности предметов, как познания «раздвоения единого на взаимоисключающие противоположности»²⁵ и взаимоотношений противоречивых частей целостного процесса.

Вне зависимости от того или иного определения терминологических понятий системы и структуры наблюдения над действительным употреблением их в лингвистических трудах показывают, что обычно понятие системы используется для обозначения оппозитивных отношений одноплановых, однопорядковых, одноуровневых и вообще в какой-то степени однородных элементарных (на данном ярусе) языковых единиц, в противоположность понятию структуры, предполагающему в таких случаях контрастные связи разноплановых, разнопорядковых, разноуровневых и вообще разнородных в каком-либо отношении линейных или симультанных элементов в составе сложного образования. Для наглядности приведем несколько примеров:

а) «Отношения оппозитивности создаются релевантными чертами одноплановых единиц, связывая между собой элементы системы...»²⁶;

б) «Определить семантическую структуру слова означает... выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения... смысловых элементов в слове...»²⁷;

в) «Под описанием языка как системы я понимаю описание его как совокупности классов некоторых однородных (характеризующихся общими признаками) внутри одного класса элементов в некоторый момент времени...»²⁸;

г) «Форма и значение должны определяться друг через друга, поскольку в языке они членятся совместно. Их отношение... заключено в самой структуре уровней и в структуре соответствующих функций, которые мы называли «конститутивной» и «интегративной». Когда мы сводим языковую единицу к ее конституентам, то тем самым мы сводим ее к ее формальным элементам..., как это происходит всякий раз, когда некоторое целое разлагается на составные части»²⁹.

Считая такую трактовку системных отношений классов единиц и структурных связей элементов в сложном целом наиболее целесообразной (с точки зрения задач лингвистического анализа) и вполне адекватной онтологической природе языковых явлений, мы хотели бы внести в рассмотрение интересующего нас вопроса некоторые терминологические уточнения, связанные, во-первых, с максимальной лексико-семантической единицей синхронного описания, а во-вторых, с синтагматикой и парадигматикой при системно-структурном подходе к проблеме лексического значения слова. При этом важно отметить следующее обстоятельство. Каждый отдельно взятый язык принадлежит не только к определенной родственной семье языков, но и к типологически родствен-

²⁵ В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 29. Философские тетради. М., 1963, стр. 317.

²⁶ Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. — В сб.: «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 100.

²⁷ А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 91.

²⁸ П. С. Кузнецов. О языке и речи. — «Вестник Московского государственного университета», сер. VII, 1961, № 4, стр. 60.

²⁹ Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 443.

ном у языковому союзу, да и к единству человеческого языка вообще³⁰. По глубокому и меткому замечанию В. И. Абаева, «барьер между языками создают в первую очередь различия материального выражения и грамматического строя и лишь отчасти различия лексико-семантической организации»³¹. Следовательно, языки мира должны обладать действительными лингвистическими универсалиями скорее в сфере лексико-семантических закономерностей. Мы полностью разделяем также мнение Г. П. Мельникова о том, что «основанием, позволяющим надеяться, что... в области тюркологии возможно сделать те обобщения о семантической природе языка, которые еще не сделаны в общем языкознании, служит своеобразие строя тюркских языков»³² (имеется в виду так называемый «эффект осязаемости семантики» благодаря структурному параллелизму между членениями значимых единиц в плане выражения и в плане содержания).

Как известно, важнейшая семасиологическая проблема «полисемия — синонимия» связана с отсутствием в языке однозначного соответствия имени, звучания, формы словесного знака и его значения, смысла, содержания, то есть с принципом «асимметричного дуализма» языковых знаков, сформулированным С. О. Карцевским³³. Моносемичное слово характерно в основном для терминологии, которая, как и ономастика, «занимается специальным лексическим сектором»³⁴, преломляющим и преобразующим обычные для естественного языка семасиологические и ономастиологические³⁵ явления. Поскольку разграничение отдельных значений полисемантического слова и установление границ синонимического ряда связаны с задачей четкого выделения основной и предельной для данного состояния языковой системы лексико-семантической единицы, постольку совершенно очевидно необходимость закрепления за этой единицей специального термина. А. Мартине, говоря о расчленении высказывания на минимальные двусторонние значимые единицы (монемы), проводил различие между грамматическими и лексическими монемами: первые — морфемы, вторые — лексемы³⁶. А. А. Холодович, также пользуясь термином «лексема» (как сокращением понятия «лексическая морфема»), указывал, что «если лексема как элемент класса имеет несколько значений, то для теории класса удобнее... омонимизировать эти значения»³⁷. От таких лексем и классов эквивалентных лексем отталкивался и Ю. Д. Апресян, применяя в структурной лексикологии дистрибутивный и трансформационный анализ значений слов³⁸. Мы придерживаемся той точки зрения, что лексема характеризуется инвариантным лексическим значением с единым понятийным ядром. Лексема как абстрактная сущность (конструкт) реализуется, или репрезентируется, в вариантах, тождественных по своему содержанию, модифицируемому вследствие раз-

³⁰ Ср.: Г. Шухардт. Баскский язык и языкознание. — В кн.: Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 141, 144—146.

³¹ В. И. Абаев. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В кн.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 253.

³² Г. П. Мельников. Семантика и проблемы тюркологии. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 6.

³³ См.: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 133, 130.

³⁴ А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973, стр. 12.

³⁵ См. об этом подробнее в кн.: Heinz Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952, стр. 72.

³⁶ А. Мартине. Основы общей лингвистики. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 451—452, 471.

³⁷ А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов. — «Вопросы языкознания», 1960, № 1, стр. 33.

³⁸ См.: Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 145.

личного контекстного употребления. Лексико-семантическая структура многозначного слова, например глагола движения (перемещения) или фактитивного действия (*ajug-, at-, ač-, bas-, vug-* и т. п.), является в сущности исторической категорией, закрепленной в слове как *вокабуле*, то есть словарной единице в лексикографической практике. Подобное семейство лексем, скрепленное единством лишь внешней и внутренней формы, иначе говоря, идентичностью фонемного состава, с одной стороны, и этимологической мотивации³⁹ — с другой, но не обладающее реальным общим сигнификативным значением, а следовательно, имеющее только историко-этимологический статус, — можно было бы назвать «глоссемой». Глоссема, таким образом, является абстрактной единицей не семасиологии, а лексикографии и лексикологической этимологии. За понятием же «слово», пожалуй, рациональнее всего оставить свободу нематаязыкового функционирования в каждом из естественных языков.

При определении лексем следует, очевидно, руководствоваться как содержательно-концептуальными соображениями, касающимися внутренней, имманентной лексико-семантической природы самих лексем, то есть виртуальных значений как таковых, независимо от их актуальных предметно-денотативных обозначений⁴⁰, — так и системно-структурными критериями их выделения и разграничения, исходя в первую очередь из материалов толкового словаря данного языка⁴¹ (второе место после толковых словарей по значимости для семасиологических исследований занимают, по-видимому, синонимические словари). Е. Курилович «одним из важнейших принципов языковедения» считал следующий: «...из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии)»⁴². Так, например, азербайджанская базисная (непроизводная) глагольная глоссема *sal-* имеет следующую главную (первичную) лексему: «направить один предмет в сферу другого предмета». Варианты этой лексемы, или *лексы*, можно проиллюстрировать следующими материалами картотеки «Толкового словаря азербайджанского языка»:

а) произвольным движением субъекта действия один физический объект включается в пространство другого физического объекта: *Чамалы јорған-дөшәјә салдылар* (Э. Абасов) 'Джамала уложили в постель'; *Кәлдијев ... кибрит чөпүнү ... зәрфләрин бөјрүндән салыр, бура-бура ачырды* (Мир Чәлал) 'Гельдиев ... спичку ... просовывал сбоку (с краю) конвертов, вращая, открывал (распечатывал)'; *сијаһыја салмаг* 'включить в список'; *...өз элинлә боғазына ип салма!*.. (Ч. Чаббарлы) '...не накидывая петлю собственной рукой на свою шею!..'; *сүфрә салмаг* 'постлатъ скатерть'; *Әлими чибимә салдым* 'Я засунул руку в свой карман'; *Чајыма гәнд салмышам* 'Я положил в свой чай сахар'; *Гадын чијнинә шал салды* 'Женщина накинула на свои плечи шаль'; *Өзүнү варлы јерә салды* 'Он устроился в богатом месте';

³⁹ О понятиях внутренней формы и этимологической мотивации см.: Н. Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969, стр. 69—71.

⁴⁰ Ср.: С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.

⁴¹ Ю. Д. Апресян отмечает, что хотя «не существует единства взглядов на то, что является главной задачей теоретической семантики», однако в определении источников («инструментов») семантической теории мнения семасиологов не расходятся: «один из главных инструментов своей теории представители самых различных школ семантики считают специальные толковые словари» (Ю. Д. Апресян. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1969, т. 28, вып. 1, стр. 11).

⁴² Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 240.

б) произвольно, как бы исподволь физический или психический процесс включается в сферу какого-либо предмета: *Ағач көлкә салыр* 'Дерево бросает тень'; *Мејлини сәнәтә, билијә салды* (С. Вургун) 'Он сосредоточил свои интересы на искусстве, знаниях'; *Хәстәлији салды мәнә...* 'Заразил меня болезнью...'; *...мәһәббәтими бу күлләрә, чичәкләрә салмышдым* (Ә. Нагвердијев) «...свою любовь я обратил на эти цветы»; *Ешиг атәшин чанымыза салмадыг* (Вагиф) 'Пламени любви не заронили мы в свою душу';

в) в результате активного воздействия субъекта объект перемещается с зафиксированной точки сверху вниз (падает, низвергается и т. п.): *вуруб салмаг* 'сбить'; *Күләк јарпағлары будагдан будага салырды* 'Ветер ронял листья с ветки на ветку';

г) объект падает произвольно: *Бошгабы әлимдән јерә салдым* 'Я уронил тарелку на пол'; *...ғыз сәһәнкини салыб ғырмышды* (С. Нүсәјн) '...девушка, уронив, разбила свой кувшин'; *...телләри...саларсыз дүзә, дурналар!* (Вагиф) '...перья...уроните в степь, журавли!'

Таким образом, всякого рода фразеологически связанные или переносные значения, укладываемые в определенную дефиницию, не должны выводиться за пределы соответственного варианта лексем. Достаточно различать и упорядочивать семантическую и лексическую сочетаемость. Как указывает Ю. Д. Апресян, «под семантической сочетаемостью понимается способность данного слова синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит определенный семантический признак», а «под лексической сочетаемостью понимается способность данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного списка»⁴³, то есть существительные должны быть заданы списком. Что же касается синтаксической сочетаемости, то, по мнению Ю. Д. Апресяна, различие между любыми двумя релевантными лексическими значениями, то есть лексемами как лексическими инвариантами, выражается как раз на синтаксическом уровне анализа с последовательным применением дистрибутивного и трансформационного методов структурной лингвистики⁴⁴. И действительно, лексема *sal-* в значении «заложить, основать, проложить, соорудить и т. п.», сочетающаяся с существительными *шәһәр* 'город', *јол* 'дорога', *көрпү* 'мост', *јурд* 'обиталище', *јува* 'гнездо', *мәскән* 'родной край', *бағ* 'сад', *бостан* 'огород', *шитиллик* 'рассадник' и другими, с синтаксической точки зрения может быть охарактеризована как глагольный предикат с «внутренним объектом»⁴⁵. В ряде других случаев глагольную лексему *sal-* следует рассматривать просто как каузатив⁴⁶ от соответствующей глагольной лексемы *düş-*; ср.: *далынча дүш-* 'отправиться

⁴³ Ю. Д. Апресян. Толкование лексических значений..., стр. 20.

⁴⁴ Ю. Д. Апресян. К вопросу о структурной лексикологии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 38—40, 42.

⁴⁵ О глаголах с «внутренним объектом» на материале азербайджанского языка см.: «Труды Института литературы и языка им. Низами», серия языкознания, т. VIII, 1957, стр. 129—130.

⁴⁶ По мнению И. А. Мельчука, формально «кататься» сложнее, чем «катать», однако по смыслу отношение между ними как раз обратное, ибо «катать» = «каузировать кататься» (см.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. — «Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка», 1967, т. 26, вып. 4, стр. 352). Этот проблематичный вопрос соотношения более сложной формы с более элементарным смыслом в супплетивных формах каузации, безусловно, будет решаться в пользу большей смысловой сложности каузатива, то есть так же, как, скажем, в случаях типа *gül-* 'смеяться', *güldür-* 'смешить'. Ограничимся сказанным, отметив, что в тюркологии теоретические проблемы словообразования, а также категорий активности/инактивности, транзитивности/интранзитивности и залоговых отношений обстоятельно и убедительно освещены в трудах Э. В. Севортяна (см., например: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 94—95, 448 и сл.).

вслед' — *далынча сал-* 'отправить вслед'; *бәләја дүш-* 'попасть в беду' — *бәләја сал-* 'ввергнуть в беду'; *күчдән дүш-* 'обессилеть' — *күчдән сал-* 'обессилить'.

Предлагаемый подход (независимо от разработки и применения тех или иных формализованных логико-математических процедур дистрибутивного и трансформационного анализа, классическими образцами которого следует считать в первую очередь работы З. Хэрриса⁴⁷ и Н. Хомского⁴⁸) позволяет раскрыть диалектику лексической семантики. Иногда эта диалектика может быть вскрыта до конца и без каких-либо особых «инструментов». Проиллюстрируем нашу мысль.

В подготовленном к печати II томе «Толкового словаря азербайджанского языка» у глагола *daуul-* выделено двенадцать значений. Если учесть, что в любом толковом словаре можно найти множество примеров неоправданного дробления значений слов и сократить это число в три-четыре раза, то и в этом случае рассматриваемый глагол будет оставаться многозначным, имея по крайней мере три-четыре отдельных значения. Тем не менее мы осмеливаемся утверждать, что здесь представлена всего лишь одна глагольная лексема с двумя лексами.

Значение лексемы *daуul-* сводится к идее нарушения аддитивного (суммативного) или органического единства некоторого целого. Это значение реализуется двояко:

а) разбеднением однородных элементов совокупного множества: «рассыпаться» (*мунчуғ* 'бусы', *ун* 'мука'), «разлиться» (*суд* 'молоко'), «рассеяться, улетучиться» (*думан* 'туман', *умид* 'надежда'), «разбредстись, разойтись» (*нахыр* 'стадо', *гонағлар* 'гости', *мәчлис* 'собрание'), «оказаться разбросанными» (*китаблар* 'книги');

б) разрушением индивидуальной целостности сложного единства разнородных элементов: «разрушиться» (*ев* 'дом', *көрпү* 'мост', *тәсәррүфат* 'хозяйство'), «порваться, разноситься» (*ајағгабы* 'обувь', *палтар* 'одежда'), «разбиться, уничтожиться» (*аилә* 'семья', *дүнја* 'мир'), «разориться, обанкротиться» (*ташир* 'купец').

Однако аналогичная идея разрушения (причем только целостности, да и то лишь физически твердого предмета), заключенная в глагольной лексеме *гуг-*, реализуется уже в пяти вариантах, причем каждый из них связан с особой природой объекта: если это однородное вещество (*одун* 'дрова', *гәнд* 'сахар'), то имеем лексу «разрубить, расколоть»; если физическое или психическое свойство (*шахта* 'мороз', *ирадә* 'воля') — «сокрушить, сломить»; если артефакт (*габ* 'посуда', *күзкү* 'зеркало', *күрсү* 'стул', *масә* 'стол') — «разбить, сломать»; если живое (одушевленное) существо (люди, животные, птицы, рыбы, насекомые) — «истребить, перебить»; если же это одномерное (линейное) тело или связь двух тел, осуществляемая (реально или символически) линейным путем (*ун* 'веревка', *мәфтил* 'провода', *зәнчир* 'цепь', *дүймә* 'пуговица', *алағә* 'связь', *сөз* 'слово') — «разорвать, прервать, оторвать и т. п.». В I томе «Толкового словаря азербайджанского языка»⁴⁹ словосочетания *алағәни гырмағ*, *мәфтили гырмағ*, *сөзүнү гырмағ* совершенно справедливо объединены под одним значением глагола *гуг-*. Вместе с тем как раз на фоне такого объ-

⁴⁷ З. С. Хэррис. Метод в структуральной лингвистике. — В кн.: «История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях», ч. II. М., 1960. Интересно отметить, что здесь синонимизируются термины «порядок расположения», «дистрибуция», «распределение», «аранжировка», «совокупность окружений», «сумма позиций» (см. стр. 154, 163 и др.).

⁴⁸ Н. Хомский. Синтаксические структуры. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962.

⁴⁹ «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лүғәти», I чилд (А—Г). I чилдин тәртибчиси Ә. Ә. Оручов. Бақы, 1966.

единения резче бросается в глаза непоследовательность в подаче первых двух значений словарной статьи, когда *габлары гырмаг* и *дашы гырмаг* квалифицируются как оттенки одного и того же значения, а примеры типа *одун гырмаг* выделяются в самостоятельное значение. С нашей точки зрения, глагол гуг- имеет единое значение, реализуемое в пяти указанных выше оттеночных смыслах, мотивированных именно разбиением вещей, свойств и связей на пять подклассов *ad hoc*⁵⁰.

В трудах Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой и других советских сема-сиологов особенно подчеркивается необходимость как синтагматического, так и парадигматического исследования значения слова. Этот важнейший методологический принцип возводится даже в ранг системно-структурного подхода Лондонской лингвистической школой, ставшей во главу угла теорию значения, поскольку здесь «системы устанавливаются в результате абстракции наблюдаемых отношений на парадигматическом уровне, структуры — в результате абстрагирования на уровне синтагматики»⁵¹. В определении парадигматики и синтагматики наиболее удачной представляется нам формулировка Т. В. Булыгиной, согласно которой парадигматический способ организации «предполагает выбор определенных единиц»⁵², а синтагматический — «их сочетание в единицы высшей степени сложности». Такое понимание находится в полном соответствии с изложенной выше трактовкой системы и структуры. Оно перекликается также с концепцией Р. Якобсона (селекция и комбинация)⁵³. Кстати, не в одном только английском структурализме система приравнивалась к обобщению парадигматических отношений, а структура — к обобщению синтагматических связей. Как известно, в глоссематической теории представлены функции между элементами текста, то есть синтагматики (реляция: *и — и*), и между элементами системы, парадигматики (корреляция: *или — или*)⁵⁴.

Фердинанд де Соссюр, отмечая тесную взаимосвязь языка и речи, взаимно предполагающих друг друга, указывал, в частности, что «речь... необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку»⁵⁵. Следовательно, парадигматические отношения в системе языка предполагают синтагматические связи в структуре речи. В. М. Солнцев справедливо указывает, что синтагматические отношения, то есть отношения между элементами линейной последовательности в речевой цепи, реализующие главную — коммуникативную функцию языка, порождают парадигматические отношения, ибо образование классов (парадигм) «происходит путем постановки на одни и те же места речевой цепи разных элементов» — членов парадигматического класса, «заменяющих друг друга в одной и той же позиции»⁵⁶. Таким образом, «элементы объединяются в классы или парадигмы, по их способности занимать одни и те же позиции (каждый класс одну или ряд определенных

⁵⁰ О важности коммуникативного принципа при анализе значения предикативного слова см.: Н. Д. Арутюнова. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. — «Вопросы языкознания», 1973, № 1, стр. 121—124.

⁵¹ Е. С. Кубрякова. Из истории английского структурализма. (Лондонская лингвистическая школа). — В кн.: «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 328.

⁵² «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 153.

⁵³ Ср.: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. — В кн.: «Основные направления структурализма», стр. 94.

⁵⁴ Подробнее см.: В. П. Мурат. Глоссематическая теория. — Там же, стр. 147—148.

⁵⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. (Извлечения). — В кн.: «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков». М., 1956, стр. 333—334.

⁵⁶ В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 67.

позиций) в речевой цепи»⁵⁷. Если понимать под функцией элемента его значимость, то тождество или различие позиций будет свидетельствовать как раз о тождестве или различии самих функциональных значений.

Было бы, однако, по существу неверным механистически сводить парадигматику к системе и синтагматику к структуре. Между ними существуют гораздо более сложные взаимоотношения. Образно говоря, они как бы взаимно «контролируют» друг друга, взаимопроникая друг в друга. Известно, что оппозитивно-парадигматические отношения лексем в минимальной паре сводятся главным образом к синонимическим, гипонимическим видовым и антонимическим (или же конверсивным) отношениям. В азербайджанском, как и в других тюркских языках, эти парадигматические отношения как бы лежат на поверхности — благодаря исключительно широкому распространению в речи парных слов. Парадигматика здесь «зримо» подкрепляется системной по своей сути синтагматикой; например: *Әһли-аләм арајыб ахтарыр еј чан сәни!* (М. Ә. Сабир) 'Весь мир ищет тебя, душенька!'; ... *Һәр бир сөзүнү өлчүб-бичмәји бачарырды* (Н. Мейди) '...он умел взвешивать каждое свое слово'; ... *бир ајдыр кәлиб кедирәм* (М. Ибраһимов) '...целый месяц хожу'⁵⁸.

Такую нашедшую в речевой цепи свое воплощение парадигматику можно назвать парадигматикой.

С другой стороны, синтагматически реализуемые валентностные субъектно-объектные отношения глагольной лексемы входят в ее эпидигматическую⁵⁹ структуру: компонентный анализ (метод семантических множителей⁶⁰ как элементарных дифференциальных признаков), составляющий в настоящее время один из перспективных структурных методов семасиологических исследований⁶¹, предполагает в первую очередь учет этих субъектно-объектных отношений. В данной связи для нас особый интерес представляет следующее суждение М. С. Караевой: «...валентностные и парадигматические связи оказываются в тесной взаимообусловленности. Возникая на основе валентностных связей (парадигма вычленяется как таковая в силу общности некоторых валентностных признаков ее членов на фоне их различных валентностных потенциалов в целом), парадигматические отношения, в свою очередь, определяют вариационную потенцию валентностных связей...»⁶². И в самом деле, словарные дефиниции глагольных лексем, если только они не сводятся к синонимическим рядам, обычно включают в качестве существенных своих компонентов именно эти сочетаемостные признаки, формулируемые в обобщенном виде; ср. толкования отдельных значений и приводимый к ним иллюстративный материал, например, в словарной статье *галмаг*: *Бир әдәди бир әдәддән чыхдыгдан сонра һасил олмаг — Беһдән үч чыханда ики галыр. Бир јердә унудулуб бурахылмаг, јаддан чыхарылмаг — Портфелим трамвајда галды. Көзлүјүм евдә галыбдыр.*

⁵⁷ В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование, стр. 72.

⁵⁸ См.: А. К. Алекперов. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1961, стр. 15—17.

⁵⁹ По терминологии Д. Н. Шмелева эпидигматическое измерение охватывает систему значений многозначного слова (см. об этом в кн.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 499). Мы употребляем данный термин в том же самом методологическом смысле.

⁶⁰ См.: Ю. Д. Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963, стр. 122—124.

⁶¹ См.: «Основы компонентного анализа». М., 1969, стр. 5, 7 и др.

⁶² М. С. Караева. Функциональные уровни синтаксической подсистемы языка.., стр. 88.

*Бир хала дүшмәк, бир вәзијјәт ичәрисинә дүшмәк — Пис вәзијјәт-дә галмаг. Ајаг үстә галмаг. Јухусуз галмаг и т. п.*⁶³

И, на наш взгляд, прав В. А. Звегинцев, считающий, что «в плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова»⁶⁴. При этом автор, конечно, проводит различие между значением слова (лексико-семантическим вариантом, названным им впоследствии моносемой)⁶⁵ и его «употреблением» (индивидуальным, профессиональным, специальным и т. д.)⁶⁶. Другими словами, он разграничивает исходные, внутренние системно-структурные значения слов и дополнительные, внешние для лексико-семантического статуса элементы, обусловленные контекстом (по терминологии Е. Куриловича — первичные и вторичные функции⁶⁷). Между тем Л. О. Резников не соглашается с точкой зрения В. А. Звегинцева на том основании, что такой «имманентно-структурный анализ... сочетаний языковых знаков... недостаточен», ибо в языковой системе «значения должны характеризоваться в их отношении к предметной действительности»⁶⁸. Аналогичного мнения придерживается и Д. Н. Шмелев, который пишет, что семасиология, «будучи наукой о значениях слов,... тем самым неизбежно обращена к внеязыковой действительности, так как совершенно ясно, что значение слова не может быть определено безотносительно к тому предмету или явлению, для обозначения которого это слово используется»⁶⁹.

Здесь необходимо сделать ряд уточнений. Прежде всего следует заметить, что «чисто лингвистический план» — не то же самое, что «имманентно-структурный анализ». Ясно, что лексическое значение в чисто лингвистическом плане будет отличаться от лексического значения, рассматриваемого в предметно-понятийном плане и соотносительного с внеязыковой действительностью. Далее, слово «определяется» в формулировке В. А. Звегинцева имеет смысл: «детерминируется, обуславливается (внутрисистемно), лимитируется, устанавливается». И наконец, что очень важно, процесс понимания значения языкового знака (словесного знака), как справедливо указывает В. Дорошевский, «по существу своему диахроничен»: «понять значит узнать, отнести к какому-то пережитому опыту»⁷⁰. Другой вопрос — каким образом люди различают отдельные значения слов. В этой связи О. Л. Каменская⁷¹ приводит примечательное высказывание М. Мастерман (1959): люди это делают а) с помощью жестов; б) с помощью поясняющих (описательных) предложений; в) путем указания ситуации употребления слова; наконец, г) посредством синонимических рядов. Не приходится сомневаться, что эти приемы и входят в собственно лингвистический аспект проблемы лексического значения слова (ср. методику обучения языку⁷², практику тол-

⁶³ См.: «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лүғәти», I чилд. Бақы, 1966.

⁶⁴ В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 123.

⁶⁵ См.: В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. стр. 41, 116.

⁶⁶ См.: В. А. Звегинцев. Семасиология, стр. 226.

⁶⁷ См.: Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. (К теории частей речи). — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 59—61.

⁶⁸ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семантики. Л., 1964, стр. 53.

⁶⁹ Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 6.

⁷⁰ В. Дорошевский. Знак и означаемое (десигнат). — «Вопросы языкознания», 1963 № 5, стр. 17.

⁷¹ О. Л. Каменская. Некоторые вопросы лексической синонимии. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1970, № 2, стр. 71.

⁷² О роли контекста и ситуации в данной связи см. также: В. Н. Волосинов. Марксизм и философия языка. (Основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1929, стр. 83.

кования значений слов и т. п.). Если учесть, что жест и ситуация в письменной форме языка по необходимости заменяются вербальным указанием и «широким контекстом» (то есть текстом как фактором речевой ситуации, в противоположность конструктивному «узкому контексту», или собственно контексту⁷³), то оказывается, что значение слова устанавливается благодаря его связям с другими словами или отношениям к другим словам.

Итак, системно-структурный подход к лексической семантике, с учетом парадигматико-синтагматических параметров лексем в зависимости от исходного разграничения языка и речи⁷⁴, можно представить в следующей схеме:

А. От речи к языку:

Комбинация (речь)	Синтагматика	→ Структура	
	Паратагматика	← Система	
Селекция (язык)	Эпидигматика	← Структура	
	Парадигматика	→ Система	

Б. От языка к речи:

Селекция (язык)	Парадигматика	→ Система	
	Эпидигматика	← Структура	
Комбинация (речь)	Паратагматика	← Система	
	Синтагматика	→ Структура	

Перед нами — абстрактная зеркальная симметрия (энантиоморфизм) как идеальная модель⁷⁵. В целостном образовании «язык-речь» понятия системы и структуры оказываются центральными, связующими и конструктивными, осуществляя единое, однонаправленное движение: а) по часовой стрелке — «синтагматика → структура — эпидигматика» и «парадигматика → система → паратагматика»; б) против часовой стрелки — «парадигматика → система → паратагматика» и «синтагматика → структура → эпидигматика». При этом сохранение существенных инвариантных отношений проявляется в том, что первичными контражными понятиями, обуславливающими структуру и систему, выступают именно крайние — верхние и нижние звенья, то есть синтагматика и парадигматика.

⁷³ См.: Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 30.

⁷⁴ Во взаимосвязанности языка с речью В. А. Звегинцев справедливо усматривает «самое главное отличие естественного языка от всех формализованных языков», существующих вне речи (см.: В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория, стр. 158).

⁷⁵ Глубокое обоснование общего научного принципа симметрии как единства сохранения и изменения, инвариантности и вариативности, как весьма общей закономерности природы и познания, выявляемой путем исследования внутренних и внешних, тождественных и различающихся моментов целостного объекта, — дано в кн.: Н. Ф. Овчинников. Принципы сохранения. М., 1966, стр. 170—232.

А. ЧАРИЕВ

К ИЗУЧЕНИЮ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В ПРИТЯЖАТЕЛЬНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Хотя вопрос о научном изучении синтаксиса тюркских языков и, в частности, об изучении синтаксических связей слов был поставлен еще в известной грамматике М. А. Казем-Бека¹, более или менее полное освещение он получил лишь в работах советских тюркологов; однако мнения последних в этом вопросе далеко не всегда совпадают. Так, говоря о характере синтаксической связи в предикативных сочетаниях, некоторые ученые утверждают, что компоненты этих сочетаний, то есть подлежащее и сказуемое, согласуются между собой в лице и частично в числе², другие — отрицают наличие согласования³. По мнению Н. А. Баскакова, в тюркских языках показатели лица и числа являются единственной формой выражения грамматической связи подлежащего и сказуемого, которую он предлагает называть координацией, или соответствием⁴.

Особенно заметны разногласия в определении характера синтаксической связи существительных в сочетаниях, получивших в специальной литературе наименование тюркского изафета. Сущность этих разногласий заключается в признании или отрицании возможности установления согласования.

Квалификация синтаксической связи между компонентами изафетных конструкций как согласования подверглась резкой критике в докладе А. Б. Шапиро на совещании по вопросам составления описательных грамматик языков народов СССР (Уфа, 27—30 августа 1957 г.). Однако сам А. Б. Шапиро не предложил иного решения, ограничившись следующим замечанием: «В описаниях грамматического строя языков народов СССР (а также зарубежных языков) широко используются русские синтаксические термины «согласование», «управление» и «примыкание». Но

¹ М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. 2. Казань, 1846, стр. 342—376.

² Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке. — В сб.: «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962, стр. 101—158; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 205; А. Ф. Фуломов, М. А. Асқарова. Хозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент, 1965, стр. 24; Ф. Абдуллаев, Ш. Раҳматуллаев. Ўзбек тилидаги грамматик алоқанинг баъзи турлари ҳақида. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1968, № 5, стр. 31; «Хозирги ўзбек адабий тили», II. Синтаксис. Тошкент, 1966, стр. 14; Р. Ю. Халилов. Согласование в современном азербайджанском языке. — «Труды Института литературы и языка им. Низами», 14. Баку, 1960, стр. 112—124; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 42—46.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 379; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 344.

⁴ См.: текст выступления Н. А. Баскакова. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 47.

так как в трудах по синтаксису русского языка в этой области далеко не все обстоит благополучно, то вполне естественно, что в работах по синтаксису других языков ошибочных точек зрения, неясностей и расхождений очень много... откуда все это большей частью и переходит в грамматики других языков»⁵. Аналогичные мысли неоднократно высказывались и тюркологами⁶.

Что же представляет собой согласование с точки зрения специалистов по русскому языку?

По мнению Ф. И. Буслаева, «согласованием называется такое сочетание слов, в котором одно слово уподобляет свое окончание окончанию другого»⁷. А. М. Пешковский, считая согласование одним из видов подчинения, утверждает, что оно «есть подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому именительному падежу существительного, к которому он относится»⁸. В новой академической грамматике русского языка согласование рассматривается как разновидность подчинительной связи, при которой формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени предопределены формами рода, числа и падежа подчиняющего имени⁹.

В изложенную выше интерпретацию согласования тюркологи внесли некоторые изменения, четко выраженные И. А. Батмановым. «Под согласованием, — пишет он, — мы разумеем, понятно, не столько совпадение формальных признаков зависимых членов предложения, сколько логическую связь их грамматических признаков, выражаемых у каждой части речи различно»¹⁰. Все, кто воспринимает связь между компонентами изафетной конструкции как согласование, считают неважным, какой компонент принимает грамматическую форму другого. «Важно, чтобы в сочетающихся членах была общность грамматических категорий, причем в одном из них эти грамматические категории были бы „отголоском“, „эхом“ таковых же в другом»¹¹.

В тюркологической литературе обычно выделяются три типа изафетных сочетаний, и для каждого из них устанавливается особый тип синтаксической связи.

По вопросу о характере связи в первом типе, где оба компонента не имеют связующих морфологических показателей, тюркологи высказывают единое мнение, называя эту связь примыканием.

Иначе обстоит дело с определением синтаксической связи во II и III типах изафетной конструкции. Как полагает А. Н. Кононов¹², для иза-

⁵ А. Б. Шапиро. Простое предложение как проблема описательной грамматики. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 19, 24.

⁶ См.: текст выступления М. З. Закиева. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», стр. 39; *его же*. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 96—97; С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 17—18.

⁷ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1869, стр. 22.

⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 61.

⁹ «Грамматика современного русского литературного языка». Под редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 1970, стр. 488.

¹⁰ И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940, стр. 7.

¹¹ А. А. Коклянова. Нормы согласования в современном узбекском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961, стр. 74.

¹² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 377, 379; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 343—344.

фетной конструкции II типа характерно управление, для изафетной конструкции III типа — согласование. Н. К. Дмитриев¹³, пользующийся термином «определятельная группа существительных», указывает, что компоненты конструкции типа баш. *һинең атың* 'твой конь' (*досл.* 'твой конь твой'), тат. *минем атым* 'мой конь' (*досл.* 'мой конь мой') связываются по способу согласования¹⁴. Н. А. Баскаков, рассматривающий данный тип как притяжательно-определятельное словосочетание, считает, что компоненты конструкции связаны между собой либо согласованием¹⁵, либо управлением и согласованием вместе¹⁶. М. Г. Гусейнзаде в специальном исследовании на материале азербайджанского языка отмечает, что компоненты II типа сочетания связаны между собой по способу примыкания-управления, а в III типе — согласования-управления¹⁷. А. П. Поцелуевский, сопоставляя II тип изафета с III типом в плане оформленности и по содержанию, называет первый из них синтезирующим, а второй — анализирующим¹⁸ и в обоих случаях квалифицирует связь между компонентами как управление, так как, по его мнению, определение в этой конструкции является дополнением по отношению к определяемому¹⁹. С точки зрения И. А. Батманова, определение и определяемое в притяжательных сочетаниях согласуются между собой²⁰, и, следовательно, «падеж принадлежности» необходимо «отнести не к числу управляемых, а к числу согласуемых форм, так как употребление его не зависит от сказуемого»²¹. Все же в некоторых случаях И. А. Батманов колеблется и склонен видеть в сочетаниях типа *Пушкин кңчаси, мактаб биноси* скорее примыкание, чем согласование (если выражено отношение — примыкание, если же выражается принадлежность — согласование)²². А. Н. Баскаков, признающий в притяжательно-определятельных конструкциях согласование, отмечает, что в зависимости от наличия или отсутствия форманта родительного падежа у определяющего члена оно может подразделяться на полное и неполное²³. М. А. Хабичев считает, что в изафетных конструкциях I и II типа определение сочетается с определяемым способом примыкания, а в изафетных конструкциях III типа — способом управления²⁴. У А. К. Боровкова II тип изафета называется соприложением, причем выделяются две разновидности его: «прямое» соприложение и «обратное» соприложение. «Прямое» соприложе-

¹³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 223—227.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис, стр. 40; *его же*. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 361.

¹⁵ См.: Н. А. Баскаков. Упомянутое выступление, стр. 47; *его же*. Словосочетания в каракалпакском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис, стр. 50.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 78.

¹⁷ М. Г. Гусейнзаде. Определятельные словосочетания в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 14—16.

¹⁸ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, стр. 27.

¹⁹ Там же, стр. 24.

²⁰ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 11—13.

²¹ Там же, стр. 14.

²² Там же, стр. 14—15.

²³ А. Н. Баскаков. Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1972, стр. 13.

²⁴ М. А. Хабичев. Карачаево-балкарский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 229.

ние переводится на русский язык как сочетание определения с определяемым, ср. *ўзбек қизи* 'узбекская девочка'. При «обратном» сопряжении мы имеем дело не с определением, а с дополнением, ср. *мактаб қурилиши* 'школьное строительство'²⁵. Наличие у компонентов изафетной конструкции синтаксических функций определения и определяемого, дополнения и дополняемого отмечалось также С. С. Майзелем²⁶. У. Б. Алиев подчеркивает необходимость «заниматься изучением не того, каким членом является зависимый компонент изафета — определением или дополнением, а того, в чем заключается внутренняя смысловая сочетаемость компонентов изафета и как она выражается внешне, грамматически»²⁷. Он обращает особое внимание на то, что изафет в тюркских языках является таким словосочетанием, «в основе которого лежит единство управления и согласования: определяющий компонент, выраженный формой родительного падежа, управляется, определяемый компонент, выраженный именем существительным, согласуется с определяемым в лице и числе»²⁸.

Большое разнообразие мнений по вопросу о характере синтаксической связи в изафетных конструкциях (в притяжательных сочетаниях) наблюдается и в работах узбекских языковедов. А. Г. Гулямов отмечает наличие в III типе изафета согласования и управления: *менинг дафтарим, сенинг дафтаринг, унинг дафтари*²⁹. Мнение А. Г. Гулямова разделяют Ф. Абдуллаев и Ш. Рахматуллаев, пользующиеся, однако, термином *бошқарувли мослашув* («управляемое согласование»)³⁰. А. С. Сафаев полагает, что в определительных сочетаниях связь компонентов осуществляется способами примыкания и комбинированного согласования. Под последним подразумевается такое согласование, когда опорный компонент «принимает особые морфологические показатели — выражители категории лица и числа, уподобляя их значению категории лица и числа определяющего, то есть логически зависимого компонента»³¹. А. А. Азизов говорит только об управлении³². Мнения других исследователей узбекского языка принципиально не отличаются от изложенных выше. Так, например, А. А. Коклянова, Х. Камилова и Х. Халияров признают наличие согласования в тех случаях, когда определяемый компонент притяжательно-определятельной конструкции снабжен аффиксами принадлежности, то есть, иначе говоря, констатируют наличие соответствующей синтаксической связи между компонентами как второго, так и третьего типа изафетной конструкции³³.

Составители новой академической грамматики узбекского языка выделяют два типа притяжательно-определятельных словосочетаний:

²⁵ А. К. Боровков. Природа турецкого изафета. — В сб.: «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 174.

²⁶ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 11.

²⁷ У. Б. Алиев. Указ. раб., стр. 62.

²⁸ Там же, стр. 40.

²⁹ А. Г. Гулямов, М. А. Асқарова. Указ. раб., стр. 24, 133, 137.

³⁰ Ф. Абдуллаев, Ш. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 32; Ф. Абдуллаев. Сўз бирикмалари синтаксисининг айрим масалалари. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1969, № 1, стр. 39.

³¹ А. С. Сафаев. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968, стр. 33.

³² А. А. Азизов. Тилшуносликка кириш. Тошкент, 1963, стр. 110.

³³ А. А. Коклянова. Нормы согласования в современном узбекском языке, стр. 100; Х. Камилова. Гапда сўзларнинг боғланиши. Тошкент, 1955, стр. 21; Х. Халияров. Именные словосочетания в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1966, стр. 15—19. Ср.: Х. Мамадов, А. Бердиалиев. Сўз бирикмаларида мослашув ҳодисаси борми? — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1973, № 3, стр. 64—66.

1) синтаксические словосочетания (*синтактик сўз бирикмалар*); 2) лексико-синтаксические словосочетания (*лексик-синтактик сўз бирикмалар*). Определяя первый тип как полный, а второй — как неполный, они утверждают, что в первом из них выражается абсолютная принадлежность (*мутлоқ эгалик, тегишлилик*), тогда как во втором — относительная (*нисбий эгалик*)³⁴. Неполный тип сочетания подразделяется на два подтипа: а) заменяемый полным типом: *пахта устаси — пахтанинг устаси, сўз тартиби — сўзнинг тартиби, тоғ этаги — тоғнинг этаги, меҳнат қонуни — меҳнатнинг қонуни, давлат банкаси — давлатнинг банкаси* и др.; б) незаменимый полным типом: *Тошкент области, Тошкент шаҳри, Муқимий кўчаси, шаҳар Совети, рус халқи, ўзбек миллати, лаб товушлари* и др. Незаменяемость полным типом составители грамматики объясняют тем, что эти сочетания часто лексикализуются³⁵. В полном типе и в первом подтипе неполного типа устанавливается согласование, во втором подтипе — примыкание³⁶. Основным аргументом для подобного разграничения служит ссылка на то, что, с одной стороны, аффиксы принадлежности во втором подтипе утрачивают посессивное значение, с другой стороны, сочетания второго подтипа могут заменяться сочетаниями, компоненты которых не имеют связующих морфологических показателей, например: *Тошкент шаҳри — Тошкент шаҳар, ғишт заводи — ғишт завод*³⁷.

Из-за несоответствия термина «согласование» специфике синтаксических связей в тюркских языках, особенно в притяжательно-определяющей конструкции, некоторые тюркологи пользуются другими терминами. Так, А. М. Щербак, называя II тип притяжательно-определятельных сочетаний неполным изафетом, а III тип — полным, рассматривает синтаксическую связь в первом случае как частичное, а во втором — как полное сопряжение³⁸. Е. И. Убрятова пользуется термином «изафет», ограничив его значение особым приемом выражения синтаксической связи определения с определяемым при помощи аффиксов принадлежности³⁹. М. Б. Балакаев и его последователи называют связь в притяжательно-определятельных конструкциях соподчинением⁴⁰. «Соподчинение, — отмечает К. З. Ахмеров, — отличается от управления тем, что в управлении подчинение является односторонним, а в соподчинении — двусторонним»⁴¹. Если в «согласовании, — пишет М. Б. Балакаев, — зависимое слово принимает форму того слова, от которого оно зависит, то в соподчинении, наоборот, независимое слово принимает форму того слова, которое подчиняет себе»⁴². Отказ от традиционной схемы мы находим также в работах татарских языковедов, различающих три типа подчинительной связи: предикативную, конкретизирующую и уточнительную⁴³. В. Г. Карпов, Г. Ф. Бабушкин, Г. И. Донидзе выделяют во II

³⁴ «Ҳозирги ўзбек адабий тили», II. Синтаксис. Тошкент, 1966, стр. 20—21.

³⁵ Там же, стр. 21.

³⁶ Там же, стр. 20, 22.

³⁷ Там же, стр. 22.

³⁸ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 212—215.

³⁹ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М., 1950, стр. 37—55, 204—214.

⁴⁰ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959, стр. 14, 27—32; К. З. Ахмеров. Исследования по синтаксису башкирского языка. Доклад, обобщающий содержание работ, представленных к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 1962, стр. 9—11; Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, стр. 241.

⁴¹ К. З. Ахмеров. Указ. раб., стр. 10.

⁴² М. Б. Балакаев. Указ. раб., стр. 14.

⁴³ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 81; см. еще: «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971, стр. 72—73, 75—77.

и III типах изафетной конструкции притяжательную связь⁴⁴, Ш. Ч. Сат предлагает следующую характеристику этой связи: «Притяжение—способ выражения связи с помощью родительного падежа при определении и аффикса принадлежности при определяемом слове...»⁴⁵ Большой интерес представляет трактовка связи во II и III типах изафета В. А. Аврориным, имеющая отношение к тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам. В. А. Аврорин называет ее отражением и указывает, что способ отражения хотя и имеет известные черты сходства как с синтетизмом, так и с согласованием, все же не может считаться тождественным ни тому, ни другому. От согласования он отличается тем, что связь выражена в форме подчиняющего, а не подчиненного слова, и для этого используются специальные форманты⁴⁶.

Итак, одни исследователи объединяют II тип изафета с III типом и называют связь в той и другой конструкции соподчинением, отражением, притяжением, комбинированным согласованием, управляемым согласованием, изафетом и т. д.; другие определяют связь в первом из них как управление, согласование, примыкание, частичное сопряжение, а во втором — как согласование, управление, полное сопряжение.

Мы считаем, что при определении синтаксической связи в притяжательно-определятельной конструкции возможны два подхода: формально-синтаксический и семантико-синтаксический.

С формально-синтаксической точки зрения связь в рассматриваемой конструкции не является ни примыканием, ни управлением, ни согласованием. Как известно, примыкание имеет место при отсутствии специальных морфологических средств выражения связи, управление — при наличии обусловленности формы одного компонента формой другого компонента, входящей в иной парадигматический ряд. Что же касается согласования, то это такая синтаксическая связь, которая осуществляется путем формального воспроизведения грамматической категории опорного компонента в составе зависимого. В притяжательно-определятельной конструкции тюркских языков оформлены оба компонента (изафет III) или один (изафет II), но таким образом, что определение, независимо от того, оформлено оно или нет, как бы отражается в определяемом⁴⁷. В образовании притяжательно-определятельной конструкции участвуют морфологические показатели двух категорий: категории падежа (в первом компоненте) и категории принадлежности (во втором компоненте)⁴⁸. Ср.: узб. *йқувчининг дафтари*. Утверждение, что опорный компонент согласуется с зависимым, не соответствует действительности и противоречит принципам традиционной грамматики.

⁴⁴ В. Г. Карпов. Хакасский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 441; Г. Ф. Бабушкин, Г. И. Донидзе. Шорский язык. — Там же, стр. 479.

⁴⁵ Ш. Ч. Сат. Тувинский язык. — Там же, стр. 399.

⁴⁶ В. А. Аврорин. Особый способ выражения синтаксической связи. — В кн.: «Вопросы грамматики». Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 33—34, 39.

⁴⁷ В связи с этим А. М. Щербак ставит под сомнение возможность выделения в тюркских языках родительного падежа и рассматривает компонент с аффиксом *-нің* ~ *-нің* ~ *-нің* как форму сопряженного состояния (А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 112—115; *его же*. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 86).

⁴⁸ По мнению Ф. Абдуллаева и Ш. Рахматуллаева, показателем родительного падежа является не только аффикс *-нинг*, но и аффикс принадлежности (Ф. Абдуллаев. Ш. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 32; см. еще: Ш. Рахматуллаев. Ҳозирги ўзбек тили келишикларини таснифлаш ҳақида. — «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина». Вопросы русского и узбекского языкознания, вып. 359. Ташкент, 1969, стр. 79).

В семантико-синтаксическом плане притяжательно-определятельная конструкция представляет собой сочетание субординативного типа, выражающее значения посессивности, партитивности и т. д. О том, что связь в притяжательно-определятельной конструкции является субординативной, свидетельствует возможность последовательного исключения ее компонентов⁴⁹. Ср.: *Мунавварнинг юзининг ўти чиқиб кетди* (С. Анорбоев) 'Лицо Мунаввар запылало'; ... *юзининг ўти чиқиб кетди* 'лицо запылало'; ... *ўт чиқиб кетди* 'запылало'. В сложных (трехчленных) типах⁵⁰ первый компонент притяжательно-определятельной конструкции с родительным падежом может иметь сложное синтаксическое содержание. Так, например, в предложении *уларнинг ўтирган уйлари совуқ* (С. Анорбоев) 'комната, в которой они живут, холодная' первый компонент (*уларнинг*) является исполнителем действия, выраженного вторым компонентом (*ўтирган*) и обладателем объекта, обозначенного третьим компонентом (*уй*); второй компонент (*ўтирган*) выражает признак первого компонента и вместе с тем выступает в роли причастного определения третьего компонента (*уй*).

Именно в семантико-синтаксическом плане проявляется основное различие между двумя разновидностями притяжательно-определятельной конструкции: с односторонним (изафет II) и двусторонним (изафет III) оформлением. Первая из них служит целям квалификации опорного компонента как родового понятия с видовым признаком, вторая характеризует предмет со стороны его принадлежности, качественного или какого-либо иного отношения к другому предмету⁵¹. Иначе говоря, употребление формы родительного падежа в притяжательно-определятельной конструкции имеет особое целевое назначение. В работах некоторых тюркологов справедливо отмечается, что показатель родительного падежа близок к определенному артиклю западноевропейских языков. Главное, что их сближает, — наличие выделительной функции. Не случайно П. М. Мелиоранский, описывая разные случаи употребления родительного падежа, отмечал, что имена нарицательные, когда они берутся в полном объеме своего родового значения, или когда берется из целого рода какой-нибудь один определенный предмет, становятся «определенными»⁵². Следовательно, сочетания типа узб. *колхоз бағи* 'колхозный сад' передают общие абстрактные понятия, тогда как сочетания типа *колхознинг боғи* 'сад колхоза' выражают конкретизированные понятия, понятия конкретных предметов или явлений, выделенных из соответствующего класса⁵³.

При семантико-синтаксическом подходе к определению характера синтаксической связи в притяжательно-определятельной конструкции учитываются как значения грамматических форм обоих компонентов, так и, в известной мере, их лексическое содержание⁵⁴. Подобный подход,

⁴⁹ О методе эксперимента см.: Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 368; А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 219; А. Б. Левинене, А. М. Мухин. Предложения с конструкцией *for + n/pr + inf* как объект лингвистического анализа. — «Kalbotuga», XXII (3). Вильнюс, 1972, стр. 33—43.

⁵⁰ См. о структуре трехчленной конструкции: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967, стр. 5—10.

⁵¹ А. М. Щерба. Грамматический очерк., стр. 87—88.

⁵² П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, II. Синтаксис. СПб., 1897, стр. 8.

⁵³ Иная точка зрения выражена в работе: Н. Ражабов. Ўзбек диалектологиясида очерклар. Самарканд, 1971, стр. 23—24.

⁵⁴ А. Ф. Фуломов, М. А. Асқарова. Указ. раб., стр. 134.

вскрывающий глубинную структуру притяжательно-определятельной конструкции, способствует более четкому выявлению особенностей ее функционирования. Оказывается, что параллельное употребление двух разновидностей не означает возможности свободного варьирования, так как на глубинном уровне они различаются. Ср.: узб. *бола йиғиси* 'детский плач' (квалификативно-агентивное отношение), *боланинг йиғиси* 'плач ребенка' (посессивно-агентивное отношение); *кўприк қурилиши* 'мостостроительство' (квалификативно-объектное отношение), *кўприкнинг қурилиши* 'строительство моста' (посессивно-объектное отношение); *баҳор шамоли* 'весенний ветер' (квалификативно-темпоральное отношение), *баҳорнинг шамоли* 'ветер весны' (посессивно-темпоральное отношение); *Тошкент студентлари* 'ташкентские студенты' (квалификативно-локативное отношение), *Тошкентнинг студентлари* 'студенты Ташкента' (посессивно-локативное отношение); *одам суяги* 'человеческая кость' (квалификативное отношение), *одамнинг суяги* 'кость человека' (посессивное отношение) и т. д. Во втором типе (изафет III) первый компонент конструкции свободно заменяется личным, вопросительным и другими местоимениями в форме родительного падежа⁵⁵, тогда как в первом типе (изафет II) — такая замена исключена. Ср.: *ўқувчининг дафтари* 'тетрадь ученика' → *унинг дафтари* 'его тетрадь' → *кимнинг дафтари* 'чья тетрадь'; *пахтанинг устаси* 'мастер-хлопкороб' → *унинг устаси* 'его мастер ~ мастер его' → *ниманинг устаси* 'мастер чего' (сочетания же типа *у дафтари*, *ким дафтари* недопустимы).

⁵⁵ Н. Қ. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 227.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ТЮРКИЗМЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ *

(К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ПРОТЕТИЧЕСКОГО
СОГЛАСНОГО *v-* В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ)

В тюркологии считается общепринятым, что соответствие чувашского анлаутного *v-* с последующим (обычно нелабиализованным) гласным простому анлаутному лабиализованному гласному других тюркских языков возникло в результате развития протетического согласного на чувашско-булгарской почве¹. О достаточно позднем расщеплении начального лабиализованного гласного на лабиальный согласный *v-* и (обычно нелабиализованный) последующий гласный свидетельствует отражение известного с IX века этнонима *русь* > казах. *oɣys*, татар. *uɣys*, чуваш. *vugäs*, причем форма с протетическим гласным *o-* > *u-* должна быть старше чувашской формы с протетическим *v-*². С другой стороны, булгарские заимствования в венгерском языке, проникшие в него не позднее IX в., в некоторых случаях имеют начальный согласный *v-*: *vályú* 'корыто' < чуваш. *valak* 'желоб' ~ чагат. *oɣluq*; *váj-* '(из)рыть, долбить, промывать' < чуваш. **vāj-* ~ туркм. *ōj-* 'долбить, выдалбливать'. Правда, в большинстве венгерских булгаризмов, исследованных З. Гомбоцем, «протетический» *v-* отсутствовал, поэтому ученым было высказано предположение о развитии чувашского начального *v-* из анлаутных лабиализованных гласных лишь после прекращения венгерско-чувашских языковых контактов³.

Такое противоречивое представление о хронологии булгарской протезы возникло лишь потому, что не был достаточно глубоко исследован не только материал самого чувашского языка, но и, что особенно важно, материал прочих тюркских языков. Если недостаточная ясность показаний чувашского материала объясняется плохой его изученностью, то данные прочих тюркских языков не привлекали внимания исследователей в силу идентичности их показаний. Более того, показания тюркских

* Статья вторая. Первую см.: «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 81—92.

¹ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 76—77, 120, 167. Однако в примечаниях Н. А. Баскакова с известной долей осторожности высказывается иная точка зрения, согласно которой чувашский начальный *v-* должен рассматриваться как реликт глубокой старины (стр. 214, 216). Ср. также: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 54—55. Обзор литературы см.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 179—181.

² Ср. более новое, вероятно, русское заимствование с простой делябиализацией протетического гласного *ästel* (чаще *sästel* < русск. *стол*, ср., однако, татар. *östäl* 'стол', казах. *üstel*).

³ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912 (MSFOu, 30), стр. 146.

языков большей частью совпадают с показаниями монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Выход же за пределы этих языков позволяет в некоторых случаях внести соответствующие коррективы в устоявшуюся точку зрения.

Рассмотрим несколько примеров, показывающих, как данные внешнего сравнения (с материалом других языковых семей) позволяют восстановить для алтайского праязыка начальный губной спирант, сохранившийся в чувашском языке, но утраченный в других языках этой семьи.

Чуваш. *vatĕ* 'старый', эвенк. *utu* 'старый, дряхлый', монг. *ötegü* 'старик' [алт. **öt*Λ] — [и.-е. **uet* — 'старый год'], греч. *Γέτος* 'год', лат. *vetus* 'старый', др.-русс. *ветѣхъ* 'старый'; [?с.-х. **w/t/* 'год'] бербер.: туарег. *awetai*, мзаб. *t-ūt* — ностратич. **w/e/t*Λ 'год'⁴.

Чуваш. *vĕj* 'сила', др.-тюрк. *u* 'мочь' [алт. **u(j)*] — [урал. **wōje* 'мочь, быть в силах'], коми-зыр. *oĵas* устар. 'сила', фин. *voima* 'сила'; [и.-е. **ueiH* 'сила, преследовать'] — ностратич. **woj/H/*Λ 'сила'⁵.

Чуваш. *vil-* 'умирать', др.-тюрк. *öl-* [алт. **öl*(Λ) 'умирать'] — [урал. **w/e/l*Λ 'убивать'], коми-зыр. *vi-*пу, венг. *öl-*; [и.-е. **uel-* 'кровопролитие, ранить, убивать']; [драв. **vel-* 'побеждать, убивать'] — ностратич. **wel*Λ 'сражать(ся)'⁶.

Др.-тюрк. *ıy* (*Räsänen*, 365: *ory*) 'сын; мальчик, юноша; мужское потомство' [?алт. **ıy*] — [и.-е. **uīros*] — [урал. **/wy/ra-*] [?картв. **xwir-*] — [с.-х. **w*(H)г] — ностратич. **wi*(H)гΛ 'самец' (Иллич-Свитыч. Материалы, 362).

Др.-тюрк. *öl* 'влажный' — [и.-е. **uelg-*, **uelk-*] — [урал. **wi*Λ 'сок дерева'] — [с.-х. **wlh* 'влажный, орошать'] — [алт. **öl* или ?**rōl* 'влажный'] — ностратич. **wi*Λ 'влажный'⁷.

Обращение к внешнему сравнению помогает выяснить причину загадочного исчезновения начального согласного *b-* в огузском вспомогательном глаголе *ol-* 'быть', соответствующем форме *bo-* в других тюркских языках⁸. Неожиданная двойная рефлексация ностратического **w* объясняется какими-то условиями синтаксической фонетики, в которых оказывался вспомогательный глагол **woy*Λ 'быть' > алт. **ol*/**bo-* 'быть, стать', урал. **wole-* 'быть', с.-х. **w*l 'проводить время, быть', ? драв. **ul* (l) 'быть, иметься'⁹.

Следовательно, внешнее сравнение отдельных алтайских корней показывает, что алтайские начальные лабиализованные гласные восходят в некоторых случаях к сочетанию анлаутного **w-* с последующим (обычно) нелабиализованным гласным.

⁴ Сюда же относится уральск. (фин.-уг.) **wote*. См.: В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 59 (далее — Лыткин—Гуляев). См. также: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 47 (далее — Егоров); В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В сб.: «Этимология 1965». М., 1967, стр. 337; *его же*. Соответствия смычных в ностратических языках. — В сб.: «Этимология 1966». М., 1968, стр. 319.

⁵ Егоров, 48; Иллич-Свитыч. Материалы, 364; М. *Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969 (далее — *Räsänen*), стр. 510; Лыткин—Гуляев, 204.

⁶ Егоров, 53—54, *Räsänen*, 371, Лыткин—Гуляев, 57, Иллич-Свитыч. Материалы, 367.

⁷ Иллич-Свитыч. Материалы, 333; Лыткин—Гуляев, 112 (йöв 'молоко'); *Räsänen*, 371.

⁸ М. Рясänen. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, стр. 147.

⁹ Иллич-Свитыч. Материалы, 332; Лыткин—Гуляев, 67; *Räsänen*, 79, 360.

Впрочем, в некоторых случаях обнаруживаются и другие соответствия чувашскому анлаутному *u-*, в частности алтайско-индоевропейское название огня, восстанавливаемое на ностратическом уровне с начальным ларингалом **/H/otA* 'огонь': и.-е. **H^(u)et-* 'огонь, очаг' (ср. авест. *atarš* 'огонь', ирл. *áith* 'печь', алб. *vorër* 'очаг', укр. *ватра* 'огонь'), алт. **otA* 'огонь, очаг' (туркм. *ot* 'огонь', ? эвенк. *otū* 'огонь, очаг', но чуваш. *vut*)¹⁰.

Чувашское чередование анлаутных согласных в названии быка, вола *vəGəg* ~ *təGəg* указывает, по нашему мнению, на древность этого явления; здесь, как известно, предполагается наличие древнего алтайского **p- > *h- > ø*¹¹. Следовательно, древний чувашский начальный лабиальный согласный может иметь различное происхождение. Следует, однако, иметь в виду, что венгерский булгаризм *ökög* 'вол' указывает на отсутствие какого-либо согласного в начале соответствующего древнечувашского слова.

Не менее показателен материал заимствованных слов, вошедших в тюркские языки. Достаточно сослаться хотя бы на казахские слова *oba* 'холера', *obaŋ* 'обидно', устар. 'грех', *oraŋ* (в сочетании *oraŋ bolıw* 'скончаться'), *ösijet* 'завещание, завет, наставление', *otaŋ* 'родина', восходящие к арабскому источнику: *wabā* 'чума, холера, эпидемия', *wabāl* 'нездоровый климат, нездоровые условия', 'зло, беда', 'вред, пагубность, губительность; тяжесть', *wafā(t)* 'кончина, смерть', *wasijja(t)* 'завещание, завет', 'воля, распоряжение, приказание', *waŋaŋ* 'родина; отечество'. Однако такие языки, как узбекский, фонетика которых подверглась большому влиянию арабских книжных слов, сохранили начальный согласный. Ср. приведенные слова в узбекском языке: *vābā* 'холера', перен. 'зараза, чума', *vāfāt* книжн. 'кончина, смерть', *vāsijāt* 'завещание', 'завет, заповедь', *vātāŋ* 'родина, отечество, отчизна', разг. 'жилище, кров'.

В отдельных словах казахский язык обнаруживает колебания: *ökil* и *wäkil* 'представитель' (из араб. *wakīl* 'доверенный, уполномоченный', 'агент', 'помощник, заместитель'); *oquŋa* и *waquŋa* (совр. орфография: *оқиға* и *уақиға*) 'событие, происшествие, случай' (из араб. *wāqī'a(t)* 'событие, факт, случай, происшествие', 'сражение, битва'). Впрочем, в некоторых словах начальный согласный сохраняется устойчиво: *waqt*, реже *waq* 'время, срок, момент, пора' (из араб. *waqt* 'время, период; момент; сезон, пора'; ср. узб. *vaqt* 'время, пора, период').

Г. Д. Санжеев указал автору на аналогичный процесс в монгольском языке, где санскритское *vaṣga*, отраженное в старомонгольском языке как *vaŋig* [ср. также древнеуйгурск. *vaŋg*, *vaŋig* 1) 'алмаз', 2) 'жест, скипетр (магический атрибут божества)']¹², дало в современном монгольском *oŋig* 'перун, символ могущества' (*oŋig almas* 'алмаз').

Начало рассматриваемого процесса отмечено уже в древнетюркских текстах, где китайский титул *van* *waŋ* передается в виде *oŋ* (ДТС), в монгольских языках наряду с формой, близкой к тюрк. *oŋ*, встречаются также формы более близкие к китайскому оригиналу: *oŋ*, *baŋ*, *waŋ* 'ван (вторая степень княжеского достоинства); князь, король'. Впрочем, формы *van* 'князь', *vaŋ* 'наследственный князь' известны уйгурам Синьцзяна¹³.

¹⁰ Иллич-Свитыч. Материалы, 352; Соответствия, 319.

¹¹ *Räsänen*, 370.

¹² «Древнетюркский словарь». Л., 1969 (далее — ДТС), стр. 631.

¹³ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, стр. 102; G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II. Wiesbaden, 1965, стр. 164—165.

Весьма показательна в этом отношении судьба среднеперсидского *vāṣār* 'базар', которое на тюркской почве дало формы с начальным гласным: у Абу Хайяна, Ибн Муханны встречаем *oṣār* (в изданиях *uṣār*), чагатайск. *oṣār*, кумык. *oṣār*, *uṣār* 'торг'¹⁴. В современном «Кумыкско-русском словаре» (М., 1969) значение этого слова толкуется менее определенно: *oṣār* 'место, где мужчины проводят свой досуг (обычно на лавочке или на камнях у стен на улице)'; его семантическая деградация вызвана, по-видимому, взаимодействием с проникшим позже в кумыкскую лексику (как и во многие другие языки) новоперсидским континуантом *bāzār* того же самого среднеперсидского *vāṣār*. Через болгарское посредство это же среднеперсидское слово вошло в венгерский язык, где его звучание не подверглось существенным фонетическим изменениям (венг. *vásár* 'ярмарка, базар; покупка; сделка'), если не считать весьма обычного для болгаризмов венгерского языка отражения тюркского *ṣ* в виде *š* (в венг. графике *s*). Следовательно, начальный согласный в венгерском *vásár* — это не протетический согласный, а переданный через болгарское посредство среднеперсидский исконный (этимологический) звук.

Итак, в приведенных выше примерах в целом ряде случаев соответствие анлаутного лабиализованного гласного во многих тюркских (более того, в алтайских) языках болгарско-чувашскому сочетанию начального *u-* с последующим гласным возникло не в результате развития протетического *u-* на чувашской почве, а напротив, как следствие устранения звука *u-* в абсолютном начале слова с последующей лабиализацией начального гласного, становящегося анлаутным.

Однако имеются примеры и обратного развития, то есть возникновения протетического *u-* на чувашско-болгарской почве.

Вообще среди тюркизмов русского и других славянских языков имеется некоторое количество болгарских по происхождению слов с начальным *u-*, которые в современном чувашском языке не сохранились или представлены в несколько иной форме, отражающей особенности других диалектов.

Древнерусское *ватаманъ*, впоследствии в результате перераспределения предложно-падежных форм с предлогом *в* давшее *атаман*, отражает неизвестное чувашскому языку болгарское соответствие ногайскому *odaman* 'старший; старость', кумыкскому *odaman* 'бригадир чабанов'. Татарское *utaman* диал. 'заводила, главарь в играх', возможно, отражает чувашскую перегласовку *uḌaman* — русского *атаман*, рано вошедшего в чувашский язык. В случае генуинности татарской лексемы её чувашское соответствие следует рассматривать как татаризм.

Несохранившаяся болгарская форма **vataṣ*, которая соответствует др.-тюрк. *otaṣ*, *otaq* 'шатер, жилище', отражена в русском *ватага* (с XII в.); последнее нашло распространение в ряде языков народов СССР¹⁵.

Укр. *ватэг* 'предводитель', болг. *ватах*, *ватаф* и связанные с ними румынско-молдавские формы типа *vătaf*, *vătav*, *vătaș* с широким кругом значений восходят к преобразованной на славянской почве болгарской форме **vataGi*, воспринятой как множественное число, в связи с чем возникла и соответствующая форма единственного числа. Болгарскому **vataGi*, **vataxi*, которое в чувашском языке, кажется, не сохранилось.

¹⁴ Räsänen, 66, 357.

¹⁵ И. Г. Добродомов. Атаман и гетман. — «Русская речь», 1972, № 5, стр. 110—114; G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II, стр. 66—69.

точно соответствует казахское *отарасы*, употребляющееся в настоящее время как форма вежливого обращения к старшему.

Обнаруживающие поразительное сходство русские названия рыбы *уклейка*—*баклейка*—*ваклея* можно возвести к единому источнику, если учесть, что в болгарской группе тюркских языков начальному лабиализованному гласному других тюркских языков (*о, и, ö, ü*) обычно соответствует лабиальный согласный с нелабиализованным гласным: казах. *özek* 'речка' — чуваш. *vaṛak*, казах. *ögiz* 'бык, вол' — чуваш. *văGăg, măGăg*. Это предположение тем более вероятно, что формы с начальным губным согласным известны только русским говорам Поволжья и близлежащих районов, где могло проявиться давнее болгаро-чувашское влияние на русский язык пограничных районов. Можно предположить, что ряд русских слов произошел от тюркского названия проруби, полыньи *ökü, ögü* (чагатайск., ср. чуваш. *vak, vaGă*)¹⁶. Путем присоединения к этому слову суффикса *-li* (по аналогии с образованием названия жителей местности) возникло название «рыбы, живущей вблизи от проруби» и его болгарский вариант с начальным *va-*, соответствующим гласному *ö-* в других тюркских языках.

По фонетическим особенностям следует отнести к болгаризмам русск. *войлок* (др.-русс. также *воилукъ* с XVI в.), однако обычно приводимый русскими этимологическими словарями его татарский первоисточник *ojluk*¹⁷ 'покрывало, покров' в словарях татарского языка не зафиксирован, хотя его возможное существование косвенно подтверждается древнетюркским существительным *ojta, iĭta* 'войлок, из которого делают обувь', соотносительным с глаголом *uj-* 'трамбовать, укладывать' (ДТС, стр. 365, 607). В пользу болгарского происхождения русского *войлок* говорит и ударение, не нарушающее акцентологических правил чувашского верхового наречия. Впрочем, тюркскому *ojta* находят не только внутриалтайские, но и уральские соответствия, позволяющие на основании закона Г. И. Рамстедта—П. Пельо восстановить в начале слова загадочный алтайский *p-*. Ненецкое соответствие тюркскому *ojta* проникло в русский язык как наименование разновидности обуви: *пимы* (ед. число *пим*)¹⁸. В связи с потенциально урало-алтайским характером древнетюркского слова *ojta, iĭta* нельзя с уверенностью предложить его внутритюркскую этимологию.

Получивший интернациональный характер сербский болгаризм *vampir* (ср. чуваш. *vuVăg, диал. văVăg* при однокорневом *vupkăp*) при наличии небулгарского русского тюркизма *упырь*, возможно, указывает на присутствие анлаутного *v-* в языке балканских болгар орды Аспаруха, а также на первичный характер этого звука в анлауте (ср. марийск. *vueŕp*)¹⁹.

¹⁶ О тюркских названиях *проруби* см.: M. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu, 48), стр. 370 и 118.

¹⁷ Как татаризм помечено польское *wojłok* в Словаре С. Б. Линде. Ср.: Я. К. Грот. Филологические разыскания, 4-е изд. СПб., 1899, стр. 298, особенно 326: «Для уяснения вопроса об имени *войлок* я обращался к академику Б. А. Дорну, и он указал мне на татарское слово *ojlik*, как единственное, которое и по значению и по звуку могло бы дать начало нашему *войлок*. *Ойликъ* означает: что служит к покрытию чего-либо, для покрытий же кибиток исстари употреблялся у татар войлок. Вот возможное соотношение обоих слов, которое, однако ж, не выдается за несомненное». Ср. нем. *Wojlok, Woi-lach* из русского или польского.

¹⁸ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, I. Хельсинки, 1959, стр. 143—147 с перечнем литературы.

¹⁹ На болгарский характер русского слова указал М. Рясänen. См.: M. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter... стр. 124.

На сохранение старого начального *v*- указывает совпадение *анлау*-та в венгерском глаголе *váj*- 'рыть, изрывать, выдалбливать' и в южнославянском *ваяти* (отсюда русск. *ваять*), болгарское происхождение которых доказано, что подкрепляется и географией слова в славянских языках. Не сохранившийся в чувашском языке корень **vaj*- соответствует древнетюркскому глагольно-именному корню *oj*- 1) 'яма, углубление'; 2) 'долбить, делать углубление' (ДТС, стр. 365; о соответствиях в других тюркских языках см.: Räsänen, 358—359)²⁰. Эвенкийск. *hōj* 'сфагновое болото, тундра' (из значения «впадина, низина»?), вероятно, может указывать на алтайский *анлаутный p*- и непротетический характер согласного в рефлексах не сохранившегося болгарского слова.

Доказательства шведского лингвиста Х. Шёльда²¹, подтверждающие иранское происхождение восточнославянского слова *ворс*, *ворса* (ср. авест. *varəsa* 'волос', ср.-перс. *vars*, новоперс. *gurs*, соотносимое с генуинным русским *волос* < праслав. **volъs*), нуждаются, однако, в отыскании промежуточного звена, объясняющего переход гласного *a* в *u* и далее в *ѡ*, к которому возводится гласный *o* восточнославянского *ворс(a)*. Таким промежуточным звеном мог быть болгарский язык, характеризующийся подобным изменением вокализма. Было высказано мнение, что результаты такого изменения имелись в языке болгар уже в IX веке, а возможно, и раньше — после прекращения венгерско-болгарских контактов²².

Булгарским посредством в заимствовании греческих слов восточными славянами можно объяснить существование таких весьма своеобразных форм, как русск. *варган* [«простонародное музыкальное орудие, зубанка; железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль по середине стальным язычком» (Даль I, 165)]; укр. *варган* [«музыкальный инструмент, на котором играют губами» (Гринченко I, 126)]. В толковании украинской формы отражено народноэтимологическое сближение с *варга* 'губа', ср. также *вірган*, *вігран* 'орган' (там же, I, 203, 239) и *орган* 'орган' (там же, III, 62), отклоняющиеся от нормальной рефлексии греческого

первоисточника этих слов (*οργانون*). С восточнославянскими перекликается чешская форма *varhany* (мн. число) 'орган', начальный согласный которой сильно смущал В. Махека²³. Известная уже в древнерусском языке форма *арганъ* (там же, II, 704—705) объясняется как результат предположного переразложения древней формы *варганъ* (Срезневский I, 227), подобного переразложению *атаман* < *ватаманъ*, а не как результат обычно усматриваемой ассимиляции гласных. Вообще история отражения гре-

ческого *οργانون* в языках Восточной и Центральной Европы требует специального рассмотрения, причем к обычному кругу соответствий²⁴ следует добавить гиперцерковнославянизм русских памятников *ерганъ* (Срезневский I, 830).

²⁰ K. H. Menges. Altaische Kulturwörter im Slavischen. — «Ural-Altische Jahrbücher». Bd XXXIII (1961), стр. 114—116. Ср. возражения: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 188—190 (здесь не учтена география славянского слова).

²¹ Hannes Sköld. Lehnwörterstudien. Lund, 1923, стр. 18.

²² См.: И. Г. Добродомов. К периодизации болгаро-чувашского вокализма (о хронологии уканы-оканы). — «Тезисы докладов и сообщений совещания по вопросам диалектологии и истории языка (Кишинев, 10—12 ноября 1971 г.)». М., 1971, стр. 59—62. Ср. также сб. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 354.

²³ V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 555.

²⁴ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III. Греческие заимствования в русском языке. (Сборник ОРЯС, 86, № 1). СПб., 1909, стр. 136; см. также в его «Этимологическом словаре русского языка» под словами *варган* и *орган*.

Не вполне ясно происхождение начального согласного в немецком слове *Werm-ut* 'попынь' (ср. русск. *вермут*), ставшем интернациональным наименованием вина, которое уже Н. И. Ашмарин сравнивал с чувашским *agəm uDi, armuDi*, егѣт 'попынь'. Венгерск. *űrōt* (вин. падеж *űrmöt*) не вполне согласуется с тюркскими формами типа татар., башк. *ägəm* 'попынь', но лабиализованный анлаутный гласный венгерского слова указывает на возможность протезы, хотя делабиализация прочих тюркских слов неясна²⁵.

Несмотря на то, что в вопросе возникновения анлаутного соответствия между чувашско-булгарским сочетанием губного согласного с гласным и с лабиализованным анлаутным гласным прочих тюркских языков много неясного, некоторые русские и славянские булгаризмы (*ватага, ватаг, ватаманъ* > *атаман, ваять, вампир*, возможно, также и *вор, войлок*) подтверждают выдвинутый венгерским лингвистом М. К.-Палло и оспариваемый Б. А. Серебренниковым тезис о существовании в этом процессе ступени *va-*, *vä-*²⁶. Во всяком случае, решение проблемы так называемого «протетического» тюркского согласного *v-* следует искать вне тюркских языков. С этой целью следует обратиться либо к методу внешнего сравнения тюркских и алтайских данных в пределах ностратических языков (хотя слишком большая глубина подобного сравнения таит в себе опасность схематизма в построениях), либо к изучению заимствований из разных тюркских языков (особенно булгаризмов) в нетюркских языках, учитывая при этом, что подобные заимствования могли сохранить промежуточные ступени, восстановить которые классическими приемами сравнительно-исторического метода не всегда возможно.

Материалы заимствований (обычно данные финно-угорских языков, особенно их булгарский пласт) и ранее привлекались для тюркологических разысканий. Изучение тюркизмов финно-угорских языков в трудах Х. Паасонена, Ю. Вихмана, З. Гомбоца, М. Рясненна, А. Каннисто много дало и для тюркского языкознания.

Если булгарские элементы венгерского и пермских языков полностью восходят к далекому прошлому и хронологически ограничены, так как отражают особенности булгарских памятников определенного времени (хотя и широкого диапазона), то булгаризмы в восточнославянских языках заимствовались на протяжении гораздо более длительного времени, а в русских говорах Чувашии они возникают и в настоящее время. В связи с этим для восточнославянских булгаризмов чрезвычайно важной представляется их хронологическая стратиграфия; аналогичная проблема актуальна и для изучения булгаризмов марийского языка.

Изучение булгарских заимствований в русском, белорусском и украинском языках будет способствовать расширению наших сведений о древних булгарских диалектах, а хронологическая (хотя бы в плане относительной хронологии) стратиграфия восточнославянских булгаризмов даст дополнительный фактический материал по чувашско-булгарскому языкознанию. Правда, многие восточнославянские (и даже общеславянские) булгаризмы представляют собой так называемые «бродячие слова», культурные термины, распространенные во многих территориально близких языках, поэтому весьма желательно рассматривать их в единстве, учитывая данные всех языков, заимствовавших эти слова. Таким пу-

²⁵ См.: Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваш. Казань, 1902, стр. 111.

²⁶ М. К.-Palló. Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Prothese. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XII (1961), fasc. 1—3; Б. А. Серебренников. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen. — Там же, XIX (1965), fasc. 1.

тем можно будет отграничить ранние заимствования от более поздних «вторжений» отдельных «бродячих слов». Издаваемый в настоящее время «Словарь русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин) вводит в научный обиход весьма интересный материал, который во многом поможет решению вопроса о так называемой булгарской протезе, представленной губным согласным *у-*. Географические пометы в словаре (Казан., Нижегород., Волог.) при глаголе *варить* — ‘сильно стегать, бить; наказывать розгами’ и семантическая близость к нему чувашского *văg-* ‘бросать с силой и быстро, метать, швырять, кидать; бить, ударять’, соотносимого с тюрко-монгольским глаголом *ug-* ‘бить’ (см.: Räsänen, 515), заставляют предполагать гетерогенность приведенного значения глагола *варить* в русских говорах. Это рефлекс соответствующего болгаро-чувашского глагола на русской почве. Совершенный вид *варнѹть* (Алт., Волог.) ‘ударить кого-либо, стегнуть’ получил также переносное значение «поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-либо; обмануть» (Волог.). Ярославское *вальнѹть* ‘ударить’ отражает сближение с другим русским корнем. Тюркская форма взаимно-совместного залога легла в основу белгородского *варсанѹть* ‘с силой ударить чем-либо острым, пырнуть’ и более распространенного (Влад., Твер., Моск., Ряз., Свердл.) *варѹз(з)нѹть* ‘сильно ударить’ (с озвончением $\acute{s} > s > z$). Здесь обнаруживается также промежуточная ступень *ва-*. Любопытно, что турецкий язык имеет этот корень с консонантным началом *vug-* ‘бить’. Брянское *вурган* ‘синяк’, легко выводимое из кыпчакского причастия **vurgan* ‘ударенное’, позволяет предположить существование такого варианта корня и у кыпчаков²⁷.

К булгарским диалектам восходит древнейший слой тюркизмов в славянских языках. Исчезновение же этих древнейших диалектов и неизученность в прошлом чувашского языка — единственного живого потомка этих диалектов — привели к тому, что булгарское наследие в славянских языках не только не выделялось из общего состава тюркизмов славянских языков, но зачастую даже в этот состав не включалось, ибо долгое время ставилась под сомнение принадлежность чувашского языка к тюркской семье.

Почти полное отсутствие древних памятников (вернее, их крайняя ограниченность) булгарских диалектов и слабая разработанность довольно запутанной истории чувашского языка заставляет постоянно прибегать к реконструкции булгарских архетипов на основе тюркского и славянского материалов. Это позволяет выделить в чувашском языке затемняющие его историю сравнительно новые напластования, возникшие под влиянием близкородственных огузских и кыпчакских языков. Установление булгарских архетипов должно способствовать созданию исторической фонетики чувашского языка, в которой найдут свое объяснение различного рода исключения из общих правил.

Заимствованный лексический материал должен привлекаться как можно шире и из различных языков. С этой точки зрения было бы полезно изучить тюркские лексические элементы в арабском языке. В последнем также можно наблюдать отдельные случаи появления губного согласного *у-* перед гласным, что соответствует вокалическим началам слов в большинстве тюркских языков. Ср. араб. *wuṣāq* ‘очаг, отопительная печь’, *wuṣāqlıj* истор. ‘янычар’; *witāq* ‘палатка’ при более новом *ūda* ‘комната’ (явный османизм). Этим словам соответствуют древнетюрк-

²⁷ Русские диалектные формы даны по «Словарю русских народных говоров», вып. 4-5.

ские формы о^vа^vq, о^vс^vq, о^vт^vс^vq 'очаг, печь' (ср. чуваш. ви^vЗах 'очаг'), о^vта^vq, о^vта^vq 'шатер, жилище' (чувашско-булгарская форма сохранилась в виде русск. *ватага*). Только отсутствие дополнительных сведений о наличии булгарских слов в арабском языке заставляет воздержаться от характеристики арабских слов wiṣāq и wiṭāq как прямых булгаризмов. Следует, однако, заметить, что мамелюкско-кыпчакские словари (прежде всего словарь 1245 г., изданный М. Т. Хаутсмой) содержат несколько случаев анлаутного *ш*- в соответствии с вокалическим началом слов в прочих тюркских языках и даже в более поздних памятниках половецкого языка: wiṣāq 'очаг', wiṣaq 'серп, коса', wiḡ- 'бить, ударять', причем последний пример, повторяющийся также в словаре «Булгат ал-муштāк фи лугат ат-турк ва-л-кифджāк» (изд. А. Зайончковский), имеет аналогию в современном турецком языке: wiḡ- 'бить, ударять, стучать, убивать' при древнетюркском иḡ.²⁸

Если не видеть в этих примерах глубокие фонетические архаизмы, сохранившие анлаутный согласный старокыпчакского языка, то указанные слова следует отнести к булгарским вкраплениям, вошедшим в половецкий язык еще в период пребывания половцев в южнорусских степях.

Материалы мамелюкско-кыпчакских словарей дают основание считать появление начального *ш*- в арабских тюркизмах связанным с тюркской почвой, а не с арабской, ибо в народном арабском языке известны факты возникновения в некоторых словах «протетического» *ш*-, ср., например, литературное арабское 'udn 'ухо' и народное wiḡn 'ухо'.²⁹

Данные внешнего сравнения тюркских (и шире — алтайских) языков в пределах ностратической общности показывают, что в отдельных случаях булгарскому анлаутному *ш*-, который обычно рассматривается как протетический, соответствует аналогичный анлаутный звук в других ностратических языках. Любопытно, что в этих случаях гласный после такого *ш*- не обнаруживает лабиализованности, что было отмечено М. К.-Палло при анализе древних булгарских заимствований венгерского языка.³⁰

Изучение истории заимствований с анлаутным сочетанием типа *ш*а- в других (помимо булгарского) тюркских, а также монгольских языках позволило обнаружить в них образование анлаутных лабиализованных гласных из сочетаний типа *ш*а-. Подобные новые лабиализованные анлаутные гласные совпали в этих языках с аналогичными начальными гласными, ставшими анлаутными в результате отпадения начальных согласных, в соответствии с законом П. Пельо—Г. И. Рамстедта и т. д. Следовательно, в алтайских языках произошло количественное усиление вокалического лабиального анлаута за счет анлаута консонантного. Единственное исключение составляет булгаро-чувашская языковая область, в которой наблюдается противоположное явление — развитие лабиальной протезы перед анлаутными лабиализованными гласными и, как результат этого, количественное усиление консонантного анлаута за счет вокалического. Возможно, что многообразие чувашских гласных первого слога после лабиального анлаутного *ш*- связано с гетерогенностью последнего. Однако этот вопрос требует специального изучения.

²⁸ Следует заметить, что в издании А. К. Курышжанова (*А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в.—«Тюркско-арабского словаря»*. Алма-Ата, 1970) эта особенность словаря почему-то не учтена и слова с начальным *ш* (*ш*-) помещены в словаре на букву *и*. Ср., однако, первое издание

М. Т. Хаутсмы: *M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar*. Leiden, 1894.

²⁹ См.: Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. Изд. 3-е. М., 1962, стр. 34, 1119.

³⁰ Margit K.-Palló. Zur Frage der tschuwaschischen *ш*-Prothese.

Хронология возникновения тюркских анлаутных лабиализованных гласных на месте сочетаний типа *ua-* определяется тем фактом, что этому процессу подверглись арабские слова, проникшие в тюркские языки вместе с распространением ислама. Булгарский протетический согласный *u-*, вероятно, возник после прекращения болгарско-венгерских языковых контактов, как предполагал уже З. Гомбоц. Те же немногочисленные случаи, когда венгерский язык обнаруживает наличие *u-* (*vásár* 'базар', *váj* 'рыть, долбить', *vályú* 'кормушка, колода, корыто' при чуваш. *valak*, *vu-lak* 'желоб', *vék* 'прорубь' при чуваш. *vak*, *vaGə*), следует рассматривать как сохранение старого начального *u-*, вызвавшего в других тюркских языках лабиализацию начального гласного. Славянские заимствования из чувашского источника обнаруживают развитие начального *u-* там, где венгерский язык еще имеет вокальный анлаут. Особенно показательно в этом отношении соответствие венг. *og*, *ogv* — русск. *вор* — чуваш. *vəGə* — др.-тюрк. *oγu* — хакас. *oγyγ*³¹.

³¹ О последней группе слов см. специально: И. Г. Добродомов. К этимологии слова *вор*. — В сб.: «Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения)», вып. 2. Чебоксары, 1973, стр. 75—86. Автор сожалеет, что не смог использовать в данной статье интересные сообщения Маргит К.-Палло о связи протезы с другими явлениями в истории чувашского языка. См.: М. К.-Palló. Die mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandels *d > δ > r*. — «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd 43. Wiesbaden, 1971.

Ф. Б. АСТЕМИРОВА

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из условий проникновения иноязычного слова в систему того или иного языка является фонетическое освоение этого слова. Характеризуя процесс заимствования, Л. И. Крысин высказывает мысль о необходимости «принципиально различать фонематическую субституцию (т. е. передачу иноязычного слова фонемными средствами заимствующего языка), которая неизбежна при лексическом заимствовании, и фонетическое освоение заимствованного слова, приспособление его к фонетической системе языка-заимствователя, которое наблюдается уже в процессе функционирования иноязычного элемента в речи и не является признаком, характеризующим всякое заимствованное слово»¹.

В основе такого различия, надо полагать, лежат два аспекта исследования данного фонетического явления: синхронный и диахронный. Если фонематическая субституция — это единовременный акт, то фонетическое освоение — длительный исторический процесс. Однако и фонематическая субституция, и фонетическое освоение — тесно связанные явления, составляющие неотъемлемую часть процесса лексического заимствования, в результате которого иноязычное слово «подгоняется» под особенности фонетической системы заимствующего языка. Причем способы фонетического приспособления заимствований могут быть различными, что обусловлено особенностями механизма передачи иноязычных слов. С одной стороны, заимствования, попадая в новую среду, освобождаются от всего чуждого заимствующему языку и наделяются особенностями, связанными со спецификой последнего; с другой стороны, заимствования, проникая в чужой язык, могут вносить в него отдельные фонетические особенности языка-источника.

Так, например, в русском языке согласные перед гласным [э] в одних иноязычных словах смягчаются, в других же сохраняют твердое произношение, ср. *текст* [т'экст], *сейф* [с'э́йф], *демон* [д'эмън] и *тент* [тэ́нт], *сервис* [сэ́рв'ис], *денди* [дэ́нд'и] и т. п.

Цель настоящей статьи — раскрыть некоторые закономерности процесса фонетического освоения русских слов в кумыкском языке.

Исследование способов передачи русских слов в кумыкском языке показывает, что механизм фонетического приспособления может быть различным, и в зависимости от характера преобразования процессы фонетического освоения можно сгруппировать следующим образом: 1) освоение, ведущее к фонетической деформации заимствований; 2) освоение, вызывающее некоторые изменения в фонетической системе ку-

¹ Л. П. Крысин Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 36.

мыкского языка. В первом случае заимствования преобразуются в соответствии с особенностями кумыкской фонетической системы, во втором — сохраняют свой фонетический облик.

Степень изменения звукового облика заимствованных слов зависит от трех факторов: времени заимствования, способа заимствования и сферы употребления.

До установления Советской власти, когда кумыки были сплошь неграмотными и печатное слово не имело широкого распространения, заимствования из русского языка проникали в кумыкский главным образом через устную речь. Усвоение слов на слух приводило к серьезным изменениям их фонетического облика в соответствии с особенностями звуковой системы кумыкского языка: чуждые для кумыкского языка звуки и звуковые сочетания передавались имеющимися средствами кумыкской фонетики. В результате происходили: замена некоторых звуков, отверждение согласных, комбинаторные изменения. Остановимся на этом вопросе подробнее.

1. Замена звука [f] звуком [p].

Подобному изменению подвергались слова арабско-персидского происхождения, а также заимствования из русского языка раннего периода: *rajda* 'польза', *pes* 'феска', *pikru* 'мысль', *kanpet* 'конфета', *kar-tor* 'картофель', *iškar* 'шкаф' и др.²

В заимствованиях же, проникших в кумыкский язык в советское время, в подавляющем большинстве случаев такой замены не происходит. Более того, в кумыкской периодической печати конца 20-х и начала 30-х годов, когда кумыкское правописание еще не было нормировано, встречаются слова, в написании которых отразилось произношение [f] вместо [v]: *sprafka*, *koopratif*, *kollektiŋlešdirmek* 'коллективизировать'³.

Подобное написание, соответствующее русскому произношению, а не орфографии, позволяет утверждать, что эти слова были заимствованы на слух, и поэтому произносимый в них звук [f] не заменялся на требуемый орфографией [v], хотя он и представлен в кумыкской фонетике. Следовательно, звуковой системой кумыкского языка была заимствована и освоена фонема [f]. Критериями освоения фонемы можно считать овладение ее артикуляцией и образование фонологической оппозиции в заимствованных и исконных словах (например, [fon] — [ton] 'шуба')⁴.

2. Замена звука [c] звуком [s].

В ранних заимствованиях из русского языка (в дореволюционный период и первые годы Советской власти), как правило, аффриката [c] заменялась звуком [s], что и отразилось на письме: *kansaral* 'канцелярия', *kupes* 'купец', *sigan* 'цыган', *sement* 'цемент', *sosialism* 'социализм' и др.

В конце 20-х годов в прессе, наряду с употреблением в русских словах буквы [s] вместо [c], отмечается обозначение этой аффрикаты сочетанием букв *ts*⁵: *tsement* 'цемент', *sotsalism* 'социализм', *agitatsija* 'агитация', *mototsiklet* 'мотоциклет' и др.

² Фонетическое оформление данных слов нашло свое отражение и в кумыкской орфографии. См.: З. З. Баммитов, А. Г. Магомедов. Къумукъ тилни орфография сёзлюгю. Махачкала, 1970.

³ «Елдаш», 17.X.1929 г., 10.X.1929 г., 21.VIII.1931 г.

⁴ См.: Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968, стр. 283.

⁵ С 1929 г. по 1938 г. кумыки пользовались латинской графикой, и знак *ts* соответствовал русской букве ц.

Этот факт позволяет предположить, что по мере закрепления в кумыкском языке заимствований, в состав которых входит звук [с], происходит усвоение произношения аффрикаты и включение ее в фонетическую систему кумыкского языка.

В современном кумыкском литературном языке возможна только одна фонетическая и орфографическая форма слов с [ц]: *цех, цирк, центр, агитация, революция, цемент, станция, милиция* и т. п.

3. Замена начальных [в], [v] звуком [р].

В ранний период фонетического освоения некоторых русских слов в кумыкском языке происходила замена [в], [v] в начале слова звуком [р]: *pumažnik* 'бумажник', *radis* 'батист', *paranza* 'борозда', *pedire* 'ведро' и др.

В этом процессе отразилась сущность фонологической структуры кумыкского языка как одного из тюркских языков, в которых «на более ранних этапах развития согласные фонемы... более последовательно противопоставлялись по месту образования ... и менее последовательно по способу образования: а) шумности и сонорности, б) глухости и звонкости, в) проточности и смычности»⁶.

Заимствования советского времени осваиваются с сохранением произносительной формы прототипа: *butka, bulka, bomba, balkon, bant* и др.

4. Отверждение конечных согласных.

Фонетическому преобразованию могли подвергаться слова из русского языка, имеющие конечные мягкие согласные. Отверждение конечных согласных в живом произношении происходило в том случае, когда им предшествовали гласные непереднего ряда: *karavat*⁷ 'кровать', *rol* 'роль', *panar* 'фонарь', *medal* 'медаль' и др.

Эти изменения связаны с особенностями фонетической системы кумыкского языка, в котором палатальный сингармонизм охватывает как гласные, так и согласные.

Заметим, что в советский период рассмотренное явление утрачивает свой регулярный характер в связи со сближением орфографических и орфоэпических норм кумыкского языка с нормами русского в части заимствований.

5. Комбинаторные изменения в начале слова.

В живом разговорном языке заимствования подвергаются целому ряду комбинаторных изменений, вызываемых особенностями кумыкской фонетики.

Так, собственно кумыкские слова не могут начинаться с сочетания согласных, и поэтому в заимствованиях с необычным для кумыкского языка стечением согласных наблюдаются следующие комбинаторные изменения:

а) протеза, или присоединение гласного звука к началу слова, обычно при стечении согласных.

В качестве протетических гласных в кумыкском языке могут выступать [i], [u], [o]. Гласный [i] присоединяется, если заимствования начинаются с сочетания глухих согласных [st], [sk], [sp], [šk]. В случаях

⁶ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 129.

⁷ Произношение этого слова закрепилось в орфографии. См.: З. З. Бамматов, А. Г. Магомедов. Указ. раб.

же, когда слово начинается с сонорного [г], употребляются гласные [у], [о]. Например: *istakan*, *istol*, *istaršina*, *istalovoj*, *isklad*, *ispisok*, *ispička*, *iskap*, *urumka*, *uručka*, *orus*;

б) эпентеза, то есть вставка гласного звука между двумя согласными в начале слова: *karavat* 'кровать', *puruž* 'плюш';

в) метатеза, или перестановка согласного и гласного звуков: *pir-kašik* 'приказчик', *puržun* 'пружина', *pilta* 'плита', *kuržuba* 'кружева', *kurpa* 'крупа', *pirsidatel* 'председатель', *birgadir* 'бригадир'.

Как видно из приведенных примеров, разрядке путем вставления гласного или перестановки звуков подвергаются сочетания шумного и сонорного согласных: [pl], [kr], [br], [pr].

6. Комбинаторные изменения в середине слова:

а) синкопа, или выпадение звука внутри слова: например, в слове *dovernis* 'доверенность' выпал второй гласный [e], в слове *pirsidatel* 'председатель' — согласный d;

б) метатеза: например, в слове *kansaral* 'канцелярия' произошла перестановка [г] и [л], в слове *masriskoj* 'мастерская' — перестановка гласного [i] и плавного согласного [г].

7. Комбинаторные изменения в конце слова:

а) апокопа — устранение звука в конце слова; явление, широко распространенное при усвоении русских заимствований в кумыкском языке дореволюционного периода.

Объектом апокопы могли быть как согласные, так и гласные звуки, причем чаще утрачивался безударный гласный, сохраняясь лишь в фонетически измененном виде в тех случаях, когда конечному гласному предшествовало сочетание согласных. Например: *arend*, *aptek*, *anket*, *gazet*, *kas*, *katlet*, *kaš*, *kanpet* 'конфета', *kantor*, *mašin*, *minut*, *adial* 'одеяло', *ram*, *sekund*, *telegramm*, *padis* 'батист', *poč* 'почта', но: *kapusta* 'капуста', *počke* 'бочка', *zakuska* 'закуска', *semičke* 'семечко', *šotke* 'щетка', *spičke* 'спичка', *marli* 'марля', *kuxni* 'кухня'.

Явление апокопы в кумыкском языке, как нам представляется, находится в прямой зависимости от качества безударных звуков русского языка и законов словесного ударения в кумыкском языке.

Как известно, в русском языке гласные [о], [а], [е] в заударном слоге редуцируются. Кумыкскому же языку редукция не свойственна, и безударные гласные произносятся и слышатся довольно отчетливо. Поэтому конечный заударный [а] в приведенных словах, усваиваемых на слух, будучи редуцированным в русском языке, кумыками не произносится и, таким образом, устраняется.

Этому процессу способствуют и законы кумыкской акцентуации, по которым в кумыкских словах ударение падает на последний слог. В словах с отпавшим конечным гласным, приведенных выше, ударение, приходившееся в русском языке на предпоследний слог, в кумыкском языке оказывается на последнем;

б) эпитеза, то есть появление гласного в исходе слова.

Она возникает при необходимости разрядки трудно произносимых сочетаний согласных в конце слова: *produkta* 'продукт', *nerva* 'нерв', *otpuska* 'отпуск', *učastka* 'участок', *desatka* 'десяток'.

В словах «участок» и «десяток» явление эпитезы связано с тем, что в кумыкском языке, как уже отмечалось выше, безударные гласные не редуцируются, и поэтому редукция [о] в заударном слоге воспринимается как отсутствие гласного, это, в свою очередь, вызывает необходимость

устранить стечение труднопроизносимых согласных прибавлением гласного в конце слова по аналогии со словами *продукт, отпуск* и т. п.

Фонетическому переоформлению конечной части слова в заимствованиях из русского языка, несомненно, способствует и тот факт, что для кумыкского языка, не обладающего категорией рода, наличие или отсутствие конечных гласных не имеет грамматической значимости;

в) переход конечного безударного [е] в [а]:

При усвоении русских существительных среднего рода на *ие* в кумыкском произношении происходит изменение конечного безударного [е] в [а]. Такое произношение нашло свое отражение и на письме: *страхования* (газ. «Елдаш», 15.X.1929 г.), *предприятия* (газ. «Ленин ёлу», 21.X.1959), *общежития* (Там же, 1.V.1962), *управления* (Там же, 22.V.1969), *правления* (Там же), *собрания* (Аткай. Къумукъ тюзде. Махачкала, 1953, стр. 72), *задания* (А. Магъаммадов, Сайламлы йырлары. Махачкала, 1958, стр. 113), *лезвия* («Дослукъ», 1960, № 3, стр. 8).

Как показывают наши наблюдения, в речи даже наиболее образованных кумыков, владеющих как родным, так и русским языком, русские существительные на *ие* всегда переоформляются, а в косвенных падежах принимают аффиксы, гласные которых по законам сингармонизма согласуются с последним гласным корня [а] (для кумыкского языка корнем является целиком русское слово, включая и окончание); например: *obšežitijalar* 'общежития', *sobranijada* 'на собрании', *predprijatijada* 'на предприятии'.

Следовательно, переход [е] в [а] в безударных окончаниях русских существительных среднего рода закономерен. Это изменение связано с особенностями фонетической системы кумыкского языка и его грамматики и определяется главным образом различным характером безударных звуков русского и кумыкского языков.

В русском языке, в беглой речи, произношение [е], [а] в конечном заударном слоге в результате редукции этих звуков часто совпадает. Кумыкскому же языку, как уже отмечалось, не свойственна редукция гласных, поэтому окончания русских существительных среднего и женского рода, различные на письме, но не дифференцированные в русском произношении, кумыками усваиваются в одном звучании. Этим звуком оказывается [а] (не [е]) и, надо полагать, потому, что в русском языке [е], как и [а], после мягких согласных в конечном заударном слоге произносится как малоотчетливый ненапряженный гласный, который Л. Б. Щерба называет «Э-образным» *a*⁸.

Изменению окончания у подобных слов не препятствует и морфологическая система кумыкского языка. Русские существительные среднего рода с безударным окончанием *е*, попадая в кумыкский язык, осознаются такими же нейтральными в отношении рода, как и собственно кумыкские, и воспринимаются одинаково с русскими словами женского рода на *а*.

В последние десятилетия в результате интенсивного проникновения в кумыкский язык целых пластов русской лексики происходит сближение кумыкских норм произношения и правописания заимствованных слов с русскими, а это, в свою очередь, ведет к определенным изменениям в фонетической системе кумыкского языка, важнейшими из которых являются следующие:

1. Звуковой состав кумыкского языка пополнился новыми звуками [f], [c].

⁸ См.: «Грамматика русского языка», т. I. М., 1960, стр. 61—62.

2. Появились нехарактерные для кумыкского языка сочетания согласных: [pl], [kr], [pr], [st], [sk], [šk] и др.

3. Утрачивается последовательный характер сингармонизма.

Кумыкский язык характеризуется обязательной нёбной и ограниченной губной гармонией. В собственно кумыкских словах сингармонизм выдерживается последовательно в корнях и аффиксах.

В заимствованных же словах закон сингармонизма нарушается, однако в кумыкских аффиксах, присоединяемых к заимствованиям, принцип гармонии гласных сохраняет регулярный характер: гласные аффикса согласуются с последним гласным корня. Например: *kommunist*—*kommunist-ler* 'коммунисты', *kommunist-ni* 'коммуниста', *kommunist-ge* 'коммунисту' и т. д.; *partija* — *partija-ly* 'партийный', *partija-lyk* 'партийность', *partija-dyz-ya* 'нашей партии' и т. д.

4. Нарушается всеобщий характер качественной неизменяемости безударных гласных в кумыкском языке.

В заимствованиях качественная неизменяемость гласных в безударном положении, характерная для кумыкского вокализма, нарушается.

В кумыкском языке произношение [a] на месте безударного [o] и [i^e] на месте безударного [e] объясняется усвоением на слух русского произношения слабых гласных фонем в заимствованиях; причем для кумыкского языка эти чередования позиционно не обусловлены, то есть не зависят от места безударного гласного по отношению к ударному слогу, как в русском языке. Это явление нашло свое отражение и на письме. Так, на страницах газет и художественной литературы встречаются слова, в написании которых отмечаются отступления от русской орфографии, что позволяет судить об их произношении. Например: *Savet* (газ. «Елдаш», 3.VI.1923), *Savnarkom*, *kalxoz*, *daklad*, *kallektiv*, *sčitavod* (Там же, 10.X.1929), *pamešik*, *zasidanija*, *diligat* (Там же, 21.VIII.1931), *пагон*, *пирма* 'ферма', *тилпон* 'телефон' (Аткай. Къумукъ тюзде. Махачкала, 1953).

Более того, звуковая форма с измененными безударными гласными настолько закрепились в произношении, что для некоторых слов из русского языка стала единственно возможной в кумыкской орфографии. Например: *адиял* 'одеяло' («Русско-кумыкский словарь». М., 1960), *карзинка*, *катлет*, *пагон*, *шикалат* («Къумукъ тилни орфография сѣзлюгю»).

5. Под влиянием заимствований из русского языка в кумыкском языке изменяется система словесного ударения.

Закономерным для всех исконных кумыкских слов является ударение на последнем слоге основы, а с присоединением к основе аффиксов ударение перемещается на последний слог словоформы. Например: *giši* 'человек', *gišibiz* 'наш человек', *gišibizgê* 'нашему человеку' и т. д.; *jaxšy* 'хороший', *jaxšylár* 'хорошие', *jaxšylýk* 'хорошее' и т. д.

В словах же, заимствованных из русского языка или посредством русского языка, обычно место ударения не меняется, например: *лѣкция*, *выставка*, *чайник*, *учитель*, *политика*, *профѣссор*, *брига́да*, *писа́тель*, *коммуни́ст*, *совхо́з*, *судо́б* и т. д.

Однако при изменении заимствований путем наращивания кумыкских аффиксов законы кумыкского ударения распространяются на подобные словоформы, и ударение перемещается на последний слог. Например: *lěkcija*, но *lěkcijayá* 'на лекцию'; *výstavka*, но *vystavkalár* 'выставки'; *politika*, но *politikabýz* 'наша политика'; *brigáda*, но *brigadalár* 'бригады'; *brigadalarybýz* 'наши бригады', *brigadalarybyzdá* 'в наших бригадах'.

Таким образом, наблюдения над фонетическим освоением русских заимствований позволяют сделать следующие выводы:

1. Степень приспособления звукового облика русизмов к требованиям фонетической системы кумыкского языка зависит от времени и способа их усвоения.

2. Более ранние заимствования, вошедшие в словарный состав кумыкского языка главным образом устным путем, претерпевали фонетические изменения, приспособляясь к особенностям фонетической системы кумыкского языка.

3. В советский период под влиянием школы, радио, телевидения, кино, печати усвоение русских заимствований происходит в основном с соблюдением орфоэпических и орфографических норм русского языка.

4. Под влиянием заимствований из русского языка кумыкский звуковой состав обогащается новыми фонемами, изменению подвергаются некоторые особенности кумыкской фонетической системы.

5. Несмотря на массовое усвоение слов из русского языка, кумыкская фонетическая система в целом не утрачивает своей специфики, развитие кумыкского языка происходит по его внутренним законам.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. КОРОГЛЫ

ПРОЗА ИЛИ ПОЭЗИЯ?

(О «КНИГЕ МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»)

«Китаби дедем Коркут» (в дальнейшем «Китаби»), будучи главным образом прозаическим произведением, включает немало инкорпорированных стихотворных партий, то есть проза здесь постоянно перемежается с поэзией. Поэзия «Китаби», как и всех позднейших дастанов туркмен, азербайджанцев и турок, представлена в форме обращения к кому (чему)-либо и монолога героя, обращенного к самому себе. В прозе «Китаби», как и в стихах, ярко выражена экспрессивность речи. Эмоциональная окраска языка «Китаби» связана с ее апологетическим содержанием и в наибольшей степени проявляется в огромном количестве стихов, которые не всегда имеют соответствующее внешнее оформление. Этим обстоятельством и объясняется то, что первый переводчик эпоса академик В. В. Бартольд не выделил стихи из в целом прозаического контекста.

Академик В. М. Жирмунский высказал мысль, что «при отсутствии строгого изосиллабизма (равенства слогов в стихе) и наличии рифмы во многих прозаических кусках выделение это не может не иметь в ряде случаев субъективного характера»¹. Данное замечание было адресовано турецким и азербайджанским издателям «Китаби», которые по многим (как нам представляется, убедительным) соображениям сочли целесообразным отделить композиционно стихи «Китаби» от прозы, дав им, так сказать, структурную автономию.

Основываясь на закономерностях логической и эмоциональной речи, сопоставим прозаическую часть «Китаби» со стихотворной и рассмотрим их общие и различительные особенности.

Как известно, логическая речь, даже эмоционально окрашенная, дает объективное отражение явлений и характеров. Приведем пример:

Dirsäxan diši ählining söziylä ulu toj ejlädi
hažät dilädi atdan ajyır dävädän buyra
kojundan koç kyrdyrdy ič oyuз taş oyuз
bäg'lärin üstünä jyynak etdi až g'örsä tojurdy
jalıng g'örsä tonatdy boržlujy boržundan kurturdy
däpä g'ibi ät jydydy g'öl g'ibi kymyz saydyrdy
äl g'ötürdilär hažät dilädilär²

¹ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». — «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1958, стр. 242—243.

² «Dede Korkut Kitabı» (в дальнейшем — DKK), т. I. Istanbul, 1958, стр. 81 (D 15, V 8). В скобках дается указание на факсимиле Дрезденской (D) и Ватиканской (V) рукописей.

Дирсехан по слову своей жены устроил великий пир, вознес молитву о предмете своего желания, он велел зарезать жеребцов, верблюдов-самцов и баранов, созвал к себе на пир беков внутренних огузов и внешних огузов, если видел голодного — кормил его, если видел нагого — одевал его, если видел обремененного долгами — выкупал его; наложил мяса, как холм, велел надоть кумысу, как озеро. [Все] подняли руки, произнесли молитву³.

Этот отрывок характеризуется лаконизмом, интонационным своеобразием, многозначными паузами, он содержит даже элементы рифмы, ассонансов и аллитераций.

В то же время сквозь повествование явственно проступает образ самого повествователя, речь которого носит характер авторской. Экспрессивная интонация, равно как и эмоциональная окрашенность речи, служит средством для наиболее выразительного изображения сюжетных и психологических ситуаций, и отнюдь не доминирует. Здесь нет еще основного элемента эмоциональной речи — экспрессивной интонации субъекта, отсутствует «эмоция... первый и единственный источник всей поэзии»³, речь ритмически не организована.

В стихотворных же партиях «Китаби», напротив, ритм и эмоциональная интонация выступают явственно и в неделимом единстве как доминанты речи; например:

Xan kyzy jerimdän turajunmy
 Jakangla boyazungdan tutubäni
 Kaba öngcäm altyna salajynmy
 Kärä polat öz kylyžym älämä alajynmy
 Öz g'ödäk'dän bašungy k'äsäjinmi
 v
 Zan tatiusyn sanga bildiräjinmi
 Alaža kanung jer jüzinä dök'äjinmi
 Xan kyzy säbäbi nädür dig'il mängä
 Käli kätzäb edäräm šimdi sängä⁴

‘Ханская дочь, встать ли мне с места?
 Схватить ли тебя за ворот и горло?
 Бросить ли тебя под мою сильную пятю?
 Взять ли мне в руку свой вороненый булатный меч?
 Срубить ли голову с твоего тела?
 Заставить ли тебя познать сладость жизни?
 Пролить ли на землю твою алую кровь?
 Ханская дочь, в чем причина, скажи-ка мне,
 Жестокой каре подвергну теперь тебя’.

Эта тирада Дирсехана состоит из семи синтаксических рядов с единой конечной рифмой, выраженной глагольным окончанием первого лица единственного числа настоящего времени *ين* in (يم im). Дополняют эту рифму основы глаголов, большинство которых также рифмуются между собой: tuga, tuta, sala, ala. Сквозной повтор вопросительной частицы *mi* подчеркивает как ритм, так и паузу.

Последние два рифмующихся стиха как бы завершают, резюмируют основную мысль стихотворения. По форме все стихотворение напоминает *таркиббанд*.

Но основная особенность цитируемого стихотворного отрывка — эмоционально окрашенная речь конкретного персонажа Дирсехана, изливающего свой гнев и обиду.

Все без исключения стихотворные партии в «Китаби» носят аналогичный характер. Таким образом, этот пример хорошо демонстрирует принципиальное различие между внешне рифмованной прозой и стихотворными включениями, хотя анонимный автор дрезденской рукописи

³ R. Watz. La creation poétique. Paris, 1953, стр. 57.

⁴ DKK. т. I, стр. 80 (D 13, V 7).

стихи структурно и не выделил. Переписчик же (или анонимный автор) ватиканской рукописи сделал попытку выделить отдельные стихотворные партии, давая разрядку между стихами, а на стр. 86 факсимиле (стр. 58 Приложения)⁵, пропустив, по-видимому случайно, семь стихов из контекста, он расположил их на полях в виде бейтов.

Подобные инкорпорированные стихотворные партии исполнялись в сопровождении музыки. Два обстоятельства убедительно подтверждают этот факт: во-первых, песенные партии, как это принято в эпосе тюркоязычных народов, предворяются в тексте определенным эпическим клише: *g'örälim hanum nä sojlamyş* 'посмотрим-ка, хан мой, что поет'. Глагол *sojlamak* в аналогичной сюжетной ситуации, очевидно, нельзя воспринимать в значении *söjlämäk'* 'сказать'. Во-вторых, в некоторых сказаниях герой, прежде чем начать свой вокальный монолог, требует свой *копуз*; так, например, когда Казана заставляют хвалить своих врагов (XI), он говорит: *Märä k'afyrlar kopuzum g'ätürüng öngäjin* 'Эй гяуры, подайте мой копуз, я восхваляю вас'. Далее рассказчик продолжает: *Älinä alub burada sojlamyş g'örälim hanum nä sojlamyş* 'Взял в руки и тут же начал петь, посмотрим-ка, о чем он запел'. Совершенно ясно, что в подобной ситуации глагол *سولمق sojlamak* имеет значение «петь».

Приведем еще один пример. В III сказании, описывая встречу купцов с Бейреком, озан говорит:

*Ol g'ün k'afirlärin ayyr g'ünlärijdi här biri
jemäk'dä iëmäk'dä idi Bejräg'i däxi g'ätürüb
kopuz çaldyryrlardy Bejräk' jüžä çartakdan
bakdy bazarg'anlary g'ördi bunlary g'ördig'indä
xäbärläşdi g'örälim hanym nä xäbärläşdi*⁶

'Тот день был великим праздником гяуров, каждый наслаждался едой и питьем; они призвали и Бейрека, заставили его играть на копузе. Бейрек посмотрел с высокого навеса, увидел купцов; увидя, он стал их расспрашивать... Посмотрим, хан мой, о чем он расспрашивал'.

Далее приводятся песни озана, обращенные к купцам. Иногда вместо *sojlamyş* употребляется форма *ajdyr*⁷ от инфинитива *ajtmaq*, который в современном туркменском языке означает «говорить»; однако в «Китаби» и этот глагол имеет значение «петь» (в современном туркменском языке сохранилось имя существительное *ajdum* 'песня').

Таким образом, совершенно очевидно, что инкорпорированные стихи «Китаби» являются ничем иным, как песенными партиями, которые исполнялись в музыкальном сопровождении. Это находится в полном соответствии с бытующими у тюркских народов традициями устной передачи эпоса. Так же как и много веков назад, нынешний туркменский бахши, азербайджанский и турецкий ашуг, аккомпанируя себе на дутаре или сазе (огузские озаны пользовались музыкальным инструментом копузом), исполняют древний эпос и возникшие позднее на его основе народные дастаны.

Стихотворные партии «Китаби» в принципе мало чем отличаются от аналогичных фрагментов дастанов. Стихи дастанов, созданные позднее бахши и ашугами, имеют более четко организованную форму, в них значительно легче прослеживаются все элементы народной поэтики. Стихи дастанов, так же как и «Китаби», являются силлабическими. Стихи в дастанах имеют строфическую композицию, тогда как стихи «Китаби»

⁵ ДКК, т. I, стр. 36—40 (приложение), 74—77 (факсимиле) и др.

⁶ Там же, стр. 236 (D 277).

⁷ Там же, стр. 133 (D 95, V 35).

внешними признаками не выделены из контекста и имеют форму тирады. Характерно, что часто один и тот же герой последовательно исполняет по две, три и более песни-тирады, каждая из которых начинается одним и тем же эпическим клише *Bir dāxi sojlamyş* 'Еще одну [песню] спел'. В дастанах стихотворные партии за редким исключением имеют изосиллабическую структуру, при которой количество слогов в каждом стихе строго определено — от 7 до 15; самыми распространенными являются восьми- и одиннадцатисложники.

Стихи «Китаби», будучи также силлабическими, отличаются широким варьированием числа слогов в строке даже в пределах одной стихотворной партии — от трех- до шестнадцатисложников; например:

Märä Kazan
Dünlüg'i altun ban ivüngi g'ätürmişiz
Bizimdür
Kyrk inžä billü kyzla bojy uzun Burla xatyny g'ätürübdiriz
Bizimdür
Kyrk jig'idlän oylung Uruzy g'ätürmişiz
Bizimdür⁸

'Эй Казан,
Вчера златоверхое жилище твое мы унесли:
Оно наше.
Сорок стройных дев с рослой Бурла-хатун мы увели:
Они наши.
Сорок джигитов с твоим сыном Урузом мы увели:
Они наши'.

Аналогичный строй стиха отмечает В. А. Гордлевский в турецкой народной поэзии:

Делимолла дедиклери бир гүйүджүк ушак, (14 слогов)
Дургутда беслемиш он йеди ушак. (11 слогов)
«Он йеди даха истерим» дир Делимолла. (13 слогов)
Делимоллам сени ёлдүрдүлөрми? (11 слогов)
Ганыны бекмезе ёдндүрдүлөрми? (11 слогов)
Имамсыз галдырдылармы? (8 слогов)
«Гафылин алдырдым келлеи» дир Делимолла⁹ (14 слогов)

'Так называемый Дели-молла, крохотный паренек,
В Дургуте вырастил семнадцать молодцов.
«Я хочу еще семнадцать», — говорит Дели-молла.
О, мой Дели-молла, так они тебя убили?
Обратили твою кровь в *пекмез*?¹⁰
Похоронили ли без имама?
«Э-эх, я по своему легкомыслию потерял свою голову», —
говорит Дели-молла'.

Наши наблюдения над стихами «Китаби» полностью совпадают с замечанием В. А. Гордлевского, относящимся к песенному творчеству турак: «Впрочем, ни в одной песне, по крайней мере записанной г. Гизе, они и не приведены со всей строгостью, и, может быть, свидетельствуют об испорченности песенной традиции»¹¹. Приведем пример:

Salkum, salkum tang jelläri äsdig'indä
Sakkallu boz aź turaj sajrakdukda
Sakaly uzun tat äri bangladukda
Bädävi altar essini görüb okradukda

⁸ ДКК, т. I, стр. 111 (D 58).

⁹ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 231.

¹⁰ *Пекмез* — вареный виноградный или тутовый сок.

¹¹ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 231.

Ayly kārālī sečilān çayda
 G'ök'si g'özäl kaba taylara g'ün däg'ändä
 Bäg' jig'itlär žyłasunlar bir birinä kojulan çayynda¹²

'Когда утренние прохладные, прохладные ветры повеяли,
 Когда бородатый серенький голодный жаворонок запел,
 Когда длиннобородый тат-муж провозгласил призыв к молитве,
 Когда породистые скакуны, завидя хозяина, заржали,
 Когда стали различимы белое и черное (рассеялись сумерки),
 Когда солнечные лучи упали на прекрасные склоны гор,
 Когда молодцы-беки бросились друг на друга...'

В этих стихах рифмуется главным образом флексия местного падежа отглагольного имени -dukda (в трех строках) с -nda (в двух строках) и с союзом çayda (в двух строках). Как и в большинстве стихотворных партий «Китаби», важным здесь является повтор — характерный элемент экспрессивной речи. Глагольные основы с окончанием на -a (sajga-, bangla-, okga-) соответственно усиливают основные рифмующие элементы.

Тирана в «Китаби» часто имеет и внутреннюю рифму, как в пределах одного синтаксического ряда, так и в границах параллельных синтаксических рядов:

Bärü g'äl'g'il başum baxti ävüm täxti
 Ävdän çykub jörjändä sälvi bojlum
 Topuunda sarmaşanda kārā saçlum
 Kurlu jaja bängzär çatma kaşlum
 Koşa badām syymajan tar ayyzlum
 G'öz almasyna bäng'zär al jangaklum
 Kavunum viräg'im düläg'im
 G'örürmisin nälär oldy¹³

'Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища,
 Когда [ты] выходишь из дома, моя [красавица],
 станом похожая на кипарис.
 Ты, моя [красавица], чьи косы обвиваются вокруг лодыжек,
 Ты, моя [красавица], чьи соединенные брови подобны
 натянутому луку,

Ты, моя [красавица], чьи уста тесны для пары миндалей,
 Ты, моя [красавица], чьи алые щеки подобны осенним яблокам,
 Моя дынька, незрелая дынька моя,
 Знаешь ли ты, что случилось?'

Здесь в первом стихе рифмуются baxti и täxti; их дополняют предшествующие им ассонансы başum—ävüm. Имеется и сквозная рифма (которую скорее можно назвать ассонансом), состоящая из суффиксов обладания и принадлежности -lu- в сочетании с энклитическим местоимением первого лица -m (-lum). К этим синтаксическим рядам примыкает и рифма предпоследнего стиха -m (-g'im), поскольку основной компонент заканчивается гласным звуком. Наконец, окончание последнего стиха ассонансно с окончанием первого стиха oldy—täxti. Внутренняя рифма прослеживается также в двух последовательных синтаксических рядах: -ndä (-nda) — в словах jörjändä (второй стих) и sarmaşanda (третий стих).

В «Китаби», как и во всяком произведении народного творчества, простейшей формой организованной речи являются пословицы и поговорки, состоящие, как правило, из двух частей, построенных на синтаксическом параллелизме и рифмующихся между собой.

В литературе, посвященной тюркскому стихосложению, простейшей, наиболее древней формой стиха считается семисложник. Однако

¹² DKK, т. I, стр. 78 (D 11, V 6).

¹³ Там же, стр. 69 (D 12, V 7).

некоторые ученые отрицали наличие семисложников, например, в туркменском народном поэтическом творчестве. Известный исследователь тюркского стиха Ф. Е. Корш писал: «О туркменских песнях, как это ни досадно, и как это ни стыдно, мы, кажется, ничего не знаем, если не считать тех османских песен, которые слывут за туркменские, вероятно, по месту их происхождения, но не могут считаться такими по языку. Эти песни сложены другими размерами, но большей частью специально османскими. Но между ними нет плясовых, а в таких-то и можно ожидать 7-сложного стиха»¹⁴.

Ф. Е. Корш, действительно, не знал о наличии у туркмен семисложников, поскольку свой труд он написал по материалам В. В. Радлова, в которых туркменские песни отсутствовали¹⁵.

Между тем в фольклоре туркмен, как и других потомков огузских племен (азербайджанцев и турок), семисложник представлен весьма широко и встречается в самых разных жанрах устно-поэтического творчества: *лелелер* (девичьи песни), *хувдүлер* (колыбельные), *ырымлар* (заговоры), *санавачлар* (детские игровые песни), *монжугатды* (календарные девичьи песни), *той айдымлары* (свадебные песни), *агылар* (заплачки). Те же жанры представлены, например, и в азербайджанских баяты: *лајлалар* (колыбельные), *агылар* (заплачки), *васфи халлар* (девичьи песни) и т. п.

О турецкой народной поэзии В. А. Гордлевский говорит, что она «...построена главным образом на семисложном и одиннадцатисложном стихе, на сочетании рифмованных двух семисложных или одиннадцатисложных стихов. Это архаичный вид народной поэзии, когда, стало быть, правила стихосложения были еще просты»¹⁶. В. А. Гордлевский имеет в виду турецкий семисложник *мани*, который по форме и содержанию аналогичен азербайджанско-туркменским семисложникам.

Почти те же жанры семисложников встречаются и в «Китаби», например пословицы:

Azäldän jazylmasa	7 (3+4)
Kul başyna kâza g'älmâz	7 (1+3+2+2)
‘Если на роду не написано, Раба [божьего] беда не постигнет’.	
Ölän adam dirilmöz	7 (2+2+3)
Şuhan žan g'erü g'älmâz	7 (2+1+2+2)
‘Умершему человеку не ожить, Покинувшей (тело) душе не вернуться’;	
K'ül dâräžük' olmaz	6 (1+3+2)
Jad oylu oylul olmaz	7 (3+2+2)
‘Из золы холма не будет, Зять сыном не станет’;	
Ask'i panbuk bez olmaz	7 (2+2+1+2)
Kary düşmân dost olmaz ¹⁷	7 (2+2+1+2)
‘Старый хлопок тканью не станет, Старый враг другом не станет’.	

Пословицы с глагольной рифмой *olmaz*, представленные в «Китаби» в немалом количестве, имеют параллели у туркмен, азербайджанцев и турок.

¹⁴ Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909, стр. 13.

¹⁵ В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, тт. I—VIII, СПб., 1866—1896.

¹⁶ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 231.

¹⁷ ДКК, т. I, стр. 73—74 (D 3, V 2, 3).

Туркменские пословицы:

Aýyýzdan suýan sözi	7 (3+2+2)
Dolanyp alyp olmaz	7 (3+2+2)
'Слово, сорвавшееся с уст, Обратно не возвратишь';	
Aýysyz ölüm bolmaz	7 (3+2+2)
Ejkesiz toj [bolmaz]	7 (3+2+2)
'Смерть не бывает без оплакивания, Свадьба — без веселья'.	

Азербайджанско-туркменская пословица:

Akyl jaşda (b) olmaz	7 (2+2+3)
...başda (b) olar ¹⁸	5 (. . . 2+3)
'Ум не в возрасте, ... а в голове'.	

В последней пословице второй член сокращен за счет выпадения подлежащего — подлежащее *akyl* является общим для обоих предложений.

Семисложник представлен в «Китаби» и более организованными синтаксическими рядами:

Jüžälärdän jüžäsin	7 (4+3)
Kimsä bilmáz nižäsin	7 (4+3)
Äziz tängri	4
Sän anädän tuymadyng	7 (4+3)
Sän atadan olmadýng	7 (4+3)
Kimsä rizkin jemädüng	7 (4+3)
Kimsäjä güž etmädüng	7 (4+3)
Kamu jerdä ähädsing	7 (4+3)
Sän allahu sämädsing	7 (3+4) ¹⁹

'Ты выше всех высот,
Никто не знает каков ты,
Милый боже!
Ты не от матери родился,
Ты не рожден отцом,
Ничьей пищей не питался,
Ни над кем не совершал насилия.
Всюду ты — един,
Ты — бог всемогущий'.

Эта тирада имеет парную рифмовку *аа, бб, сс ...*, напоминающую месневи квантитативной системы аруз (первая пара с рифмой: *jüžä—nižä*, вторая пара с рифмой *tuymadyng—olmadýng*, третья пара имеет рифму — вариант второй пары: *ähad—sämad* и т. д.).

Впрочем вряд ли здесь следует усматривать влияние арабо-персидской поэзии. Еще Б. Фабо отмечал, что основным типом песенной поэзии у тюрков является двустопное²⁰. Подтверждением этому может служить множество примеров из «Китаби», в том числе и анализируемый семисложник. Даже вклинившийся четырехсложник вписывается в общую композицию как рефрен и не звучит диссонансом. Помимо развитой рифмы для этого семисложника характерны аллитерация, ассонанс, однако главным его достоинством является более высокая ритмическая организация, усиленная системой четких пауз. Восьми- и одиннадцатисложники в туркменском народном творчестве встречаются реже и большей частью в народных дастанах или творчестве шахиrow.

¹⁸ «Туркмен халк шахырана дередижилиги». Ашхабад, 1956, стр. 150.

¹⁹ ДКК, т. I, стр. 204 (D 209—210, V 90).

²⁰ B. Fabo. Rhythmus und Melodie der Turkischen Volkslieder. — «Revue Orientale pour les études ouraloaltaïque». Budapest, 1906 (VII), I, стр. 123.

Как отмечалось многими тюркологами²¹, одиннадцатисложник в сущности является тем же семисложником с повторением ямбической части последнего в начале или в конце. Действительно, преобладающее большинство одиннадцатисложных стихотворений имеет следующую цезурную схему: 4+4+3, 4+7 или 7+4; и если учесть, что семисложник, в свою очередь, может быть разделен цезурой на 4+3, то фактически для всех случаев одиннадцатисложный стих будет иметь схему: 4+7 или 7+4. Иногда ямбическая часть стиха связывается с семисложником чисто механически и может быть отделена от основной части без всякого ущерба для содержания стихотворения.

Например:

*Мен нейлейин, ашна ярым ят болды,
Йузи гара ракып гүлди, шат болды,
Бир сөз билен янды багрым от болды,
Гулак салгыл бу афгана гелемен²².*

‘Как мне быть, друзья-знакомые чужими стали,
Черноликий соперник засиял, возрадовался,
От одного слова душа моя в огне пылает,
Прислушайся-ка [вот почему] я так стенаю’.

Если отбросить первые четыре слога, то получится следующий семи-сложник:

*... ашна ярым ят болды,
... ракып гүлди, шат болды,
... янды багрым от болды,
... бу афгана гелемен²³.*

‘... друзья-знакомые чужими стали,
... соперник засиял, возрадовался,
... душа моя в огне пылает,
... [вот почему] я так стенаю’.

Более высокая композиционная организация представлена в «Китаби» одиннадцатисложником с незначительным отклонением от изо-силлабизма:

*Kyjtjanynḡ majasyny jüklü kodum
Närmidür majamydur any bilsäm
Kärä ilüm kojununu jüklü kodum
Koçmydur kojunmydur any bilsäm
Ala gözlü görklü hälalym jüklü kodum
Erkäkmidür kyzmydur any bilsäm*

‘Я оставил верблюдицу беременной,
Знать бы мне, самец ли, самка ли родилась?
Овец своего большого иля оставил я беременными,
Знать бы мне, бараны ли, овцы ли родились?
Я оставил свою светлоокую красавицу-жену беременной,
Знать бы мне, мальчик ли, девочка ли родилась?’

Стихотворение состоит из равносложных двустуший (бейтов) с рифмующимися между собой четными строками, а завершается парной рифмой *aa*. Рифма глубокая, не ограничивается только звуковыми повторами, а охватывает также составные глаголы-сказуемые: *kodum* — в первом стихе бейта и *bilsäm* — во втором.

Во второй строке бейтов рифма углубляется за счет вопросительной частицы *mî* и глагола-связки *dug*. Повтор последних элементов в каждом

²¹ Ф. Корш. Указ. раб., стр. 1.

²² «Шасенем-Гарып». Ашхабад, 1948, стр. 88.

²³ ДКК, т. I, стр. 205 (D 211, V 91).

бейте создает впечатление внутренней рифмы, тем самым резко увеличивая ритмический ряд. В этом стихотворном отрывке основным организующим началом являются повторы и ритм.

Повторы в данном примере представлены весьма широко: от повторов слов, аллитерирующих звуков, рифм и ассонансов до синтаксических повторов.

В стихах «Китаби» особое место занимает древнейший стилистический прием — аллитерация. Приведем несколько примеров (преобладающие звуки *š* и *d*):

Mānim savašdyūym mānim döğ'üşdüg'üm
Mānim cāk'ışdüg'üm mānim kylyžlašdyūym (131—9)²⁴

‘[Места], где я сражался, где я боролся,
[Места], где я состязался, где я работал саблей’.

Аллитерация достигается словами-повторами (преобладающий звук *γ*):

Oγul oγul aj oγul
γ
Zaγum paγāsi oγul (163—3),
‘Сынок, сынок, о мой сынок!
Частица моей души, мой сынок’.

Среди повторов в поэтике «Китаби» заметно выделяется анафора.

Лексическая анафора:

Aγ älläri ardyna baylu dijājinmi
Aγ bojnynnda kyl urγan taγlu dijājinmi (146—8)
‘Белые руки [его] связаны за спину, сказать ли мне?
К белой шее [его] привязан волосяной аркан, сказать ли мне?’

Фонетическая анафора:

Kāršu jatan kārā taγlar āsān olsa il jajlar
Kaγlu kaγlu sular āsān olsa kaγun tašar
Koç attlar āsān olsa kulun toγar
Kajtabanda kyzyl dāvā āsān olsa torum verūr 145—2 и далее)
‘Лежащие против [нас] черные горы были бы целы —
у народа будут летошки,
Обагренные кровью воды были бы целы — они разольются обильно,
Богатырские кони были бы целы — родятся жеребята,
Ряды красных верблюдов были бы целы — они дадут верблюжат’.

Хотя звуковая анафора характерна преимущественно для аллитерационного стиха, здесь представлен, несомненно, метрический стих.

Синтаксическая анафора:

Sovuk sovuk sulary sorar olsang
Aγam Bejrāg'ing içidijdi
Aγam Bejrāk' g'idāli içārüm jok
Tavla tavla šahbaz atlary sorar olsang
Aγam Bejrāg'ing binidijdi
Aγam Bejrāk' gidāli binārüm jok (103—9 и далее)
‘Спросишь о холодных, холодных водах,
Из них пил мой старший брат Бейрек.
Как мой старший брат ушел, с тех пор я из них не пил.
Спросишь о табунах орлиных коней,
На них ездил мой старший брат Бейрек.
Как мой старший брат ушел, с тех пор я на них не ездил’.

²⁴ Здесь и далее первая цифра — пагинация рукописи D, вторая — номер строки сверху.

В поэтической части «Китаби» нередко также случаи повторения целого стиха или включения стихов одного стихотворения в другое. Так часто в стихотворных партиях и сказаниях повторяется начальный стих:

Bärü g'älg'il başum bāxti ävüm täxti

‘Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища’.

В первом сказании этот стих повторяется дважды: в обращении хана к своей жене и в ее обращении к нему. Очень часто повторяются также стихи:

Xan babamyng gūjagūsi

Kadyn anamyng sevgisi

Atam anam verdigi

Göz acylan gördüğüm

Könül verüb sevdigüm

‘Зять моего хана-отца,

Любимец моей государыни-матушки.

Данный мне отцом и матерью,

Ты, кого я, открыв глаза, увидела,

Кого я, отдав сердце, полюбила’.

Как видно из приведенных примеров, стихи «Китаби» отличают все те особенности, которые присущи этому жанру: рифма, ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора и т. п., а главное — эмоциональная окрашенность речи, находящая выражение в экспрессивной интонации, и, конечно, поэтический ритм. Правда, в поэтической части «Китаби» отдельные признаки стиха не всегда четко обнаруживаются. Так, например, в большинстве случаев строгая рифма не выдерживается даже в пределах одного небольшого стихотворного отрывка. Очень часто в стихах соседствуют различные размеры и даже ритмы. За малым исключением, стихотворные партии «Китаби» представляют собой разнострожные тирады, однако «... нарушения слогового равенства, характерные в принципе для архаического типа тюркского эпического стиха»²⁵, наряду с другими отклонениями от норм классического стиха свидетельствуют лишь о древнем характере «Китаби дедем Коркут» — памятника, не подвергшегося ни глубокой литературной обработке, ни влиянию письменной литературы. Но это не исключает присутствия в памятнике наряду с ритмической прозой и более ритмически организованного образного текста — стихов, исполнявшихся как песни.

²⁵ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 244.

ТОПОНИМИКА

Ш. З. БАХТИЕВ

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ «ЖИГУЛИ» И НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ СУДОХОДСТВА ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Происхождение названия *Жигули* до настоящего времени остается неясным и поэтому требуется его специальное лингвистическое исследование.

В. А. Никонов¹ считает сомнительным предположение о происхождении его из слова *жечь* 'место выжигания лесов', ибо в этом случае форма этого названия остается необъяснимой. Им же приводятся слова *жиг* ['жиг в лес, и поминай его!'] (Даль, I, 537), *жега* 'брань', 'суматоха' и *жиган* 'опытный, тертый острожник', и отмечается, что в Жигулях в XVI—XVIII вв. скрывались беглые каторжники. Однако указанные слова вряд ли могут служить основанием для объяснения этимологии интересующего нас названия.

Топоним *Жигули*, по нашему мнению, восходит к тат. *джигуле*, которое в свою очередь восходит к *джигули* древнего говора и означает «запряжной», «запряженный»; *джигу* 'запрягать' (здесь—'запрягание'), *-ли* — аффикс имени прилагательного (ТРС, 761, 830).

Тюркоязычная звонкая аффриката [ʒ], обозначаемая на письме графемой *ж*, русскими большей частью воспринимается как *ж*, например: *Жукотин* из *Джуке тау* 'Липовая гора' (город Волжской Булгарии, ныне городище на территории Татарской АССР) и др.

Названия *Жигули* и *Жукотин* представляют собой типичные примеры того, как топонимические названия, при устном усвоении другим языком, подвергаются фонетическим изменениям в результате адаптации фонем, не свойственных этому языку. Мы полагаем, что *жигули* — древнее тюркоязычное наименование бурлака, запряжного. Горы Жигули и одноименное древнее поселение, вероятно, являлись местами сбора или пристанища запряжных судорабочих.

Характерными для этой части Средней Волги являются и другие географические названия тюркоязычного происхождения с аффиксами прилагательного *-ле/-лы*, такие, например, как *Сенгелей* (тат. *Сөнгеле*, *сөнге* 'сосулька', 'копые', 'пика'), *Чердаклы* 'чердачное' и др.

Некоторые исследователи² считают, что вдоль Самарской Луки, огибающей Жигулевские горы, проходила южная граница Волжской Булгарии (IX—XIV вв.), как известно, оживленно торговавшей со многими странами Азии и Европы. Вполне закономерно предположить, что

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 140.

² Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 11; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 12.

район Жигулей был местом сосредоточения торговых судов, а следовательно, и бурлаков. В дальнейшем, когда на месте Волжской Булгарии возникло Казанское ханство, Жигули (Джигули) могли продолжать сохранять свое прежнее торговое значение или хотя бы название.

Время зарождения бурлачества обычно относится к XVI—XVII вв. Однако на то, что бурлаки использовались и в более древние времена, указывают, в частности, тюркоязычные судоходные термины, имевшие хождение среди бурлачества: *сакма*, *батырь*, *лямка*, *бурундук*, *чебурка*, *рундук*, *саламата*, *иптэш*.

Рассмотрим в отдельности каждый из упомянутых терминов.

Сакма (тат. *сокмак*, *сукмак* 'тропинка') 'дорожка вдоль берега', называемая также «бечевником», по которой ходили бурлаки. Это тюркское слово, очевидно, восходит к первоначальному *сакма́* [сыкмá 'утоптаный выжим'] (Даль, IV, 129; ССРЛЯ, XIII, 57).

Батырь. Так назывался подрядчик, ведавший артелями бурлаков и грузчиков, то есть рабочих, занимавшихся погрузкой и разгрузкой судов. Мелкие батыри работали наравне с бурлаками. *Батырь* или *батыр* в языке волжских татар означает «силач», «храбрый», «решительный, мужественный человек». Именно такие качества и требовались от вожака бурлацкой артели.

Лямка, **ляма** 'ремень, тесьма через плечо для тяги, но́ски, поддержки, ошейник на скотину для привязки и т. д.' (Даль, II, 286). Корень *лям-*, очевидно, восходит к тат. *элем*, *элмак* 'петля', 'застежка', начальный гласный звук которого [э] при заимствовании отпал, поскольку оказывался в безударной позиции, ср. *лошадь* из *алаша+ат* 'мерин+лошадь' (Дмитриев, 540). В. Даль пишет, что корень *лям-* должен заключать в себе значение союза, соединения,пряжки, что находит подтверждение в татарском слове.

Бурундук. Этимология слова *бурундук*, состоящего из тюркского корня *бурун* 'нос' (ср. тат. *борын* 'нос', 'передняя часть судна') и аффикса *-дук* (диал.) от *-лук*, *-лок*, *-лык*, достаточно прозрачна, ибо *бурундук* — означает снасть с блоком, через который пропускается бечева, за которую тянут судно. По В. Далю, *бурундук* — у некоторых восточных народов верблюжий повод, продетый с кляпом в носовой хрящ; такое же значение имеет это слово и у В. В. Радлова (Даль, I, 144; Радлов, IV (2), 1021).

Чебурка — не что иное, как тат. *чыбырка* 'кнут', 'плеть' в русском произношении. По В. В. Радлову, это слово имеет те же значения, а по В. Далю, это — кляпыш, шашка бурлацкой лямки; очен напоминает длинный кнут с деревянной рукояткой и захлестывается за бечеву (Даль, IV, 586; Радлов, III (2), 2101).

Рундук (Даль, IV, 113; Радлов, I (2), 1055, 1057) 'закрытые нары, ящик или ларь, устанавливаемый во внутренних помещениях судна³, одновременно служащий койкой или сиденьем', происходит, несомненно, от тюркск. *урундук* (ср. тат. *урындык* 'стул', 'сиденье': *урын* 'место') + аффикс *-дук*, *-дык* (диал.) от *-лук*, *-лык*. У В. В. Радлова находим *орын*, *орун* 'место', *орундук* (<*орунлук*) (Радлов, I (2), 1058).

Иптэш — производное от *ип/йеп*, что в западном диалекте татарского языка, а также в азербайджанском и некоторых других тюркских языках означает «веревка», «бечева», «канат»; афф. *-тэш* (*-дэш*, *-таш*, *-даш*) выражает соучастие людей в каком-либо деле или же одинаковое

³ См.: «Словарь морских и речных терминов». М., 1956.

отношение их к чему-либо, например: тат. *фикердэш* 'единомышленник', юлдаш 'спутник', *карндаш/кардаш* 'соутробник', *аулдаш/авылдаш* 'односельчанин', *аддаш/адаш* 'соименник', то есть тезка и т. д.

Архаичное корневое слово *ип* в современном татарском языке имеет два диалектных варианта: *йеп* и *жеп*, первый из которых бытует лишь в западном диалекте татарского языка, то есть именно в том, который в основном был распространен на правом возвышенном берегу Волги, где и ходили бурлаки. В других тюркских языках (за исключением башкирского) слово *иптэш* отсутствует, что свидетельствует о его средневожском, булгаро-татарском происхождении. В башкирский язык оно могло войти под языковым влиянием как переселенцев из Среднего Поволжья, так и бурлаков, ходивших по рекам Каме и Белой.

Тат. *иптэш* 'товарищ', букв. 'соверевочник', 'собечевочник', означающее людей, тянущих за одну общую бечеву, возникло в результате совместной трудовой деятельности бурлаков-джигулей, у которых *ип* 'бечева' была главным орудием труда.

Д. К. Зеленин⁴ считает, что в бурлацкой терминологии скрестились русские и тюркские, в частности казахские, слова и объясняет это совместной работой русских и казахских бурлаков в низовьях Волги. При этом автор полагает, что оригинальная тюркская терминология часто предпочиталась русскими бурлаками, ибо подчеркивала их «бывалость» и профессиональную принадлежность.

Действительно, наличие тюркоязычных элементов в терминологии судоходства отодвигает возникновение бурлачества значительно дальше XVI—XVII вв., когда все Поволжье было присоединено к русскому государству.

Вероятно, зарождение бурлачества относится ко времени появления судоходства на Волге. По Волге еще в V—VI вв. проходил оживленный торговый путь, связывавший север с югом⁵. Особенно оживленным судоходство было, несомненно, в Среднем Поволжье, то есть на территории Волжско-Камской Булгарии. Здесь пролегали торговые пути из Европы, Руси и Сибири, Средней Азии и с юга. Поэтому закономерно предположить, что, вероятнее всего, зарождение бурлачества как постоянной армии судорабочих и возникновение названия *Жигули* относятся к периоду существования Волжской Булгарии (до X в.).

Волжская Булгария, как известно, вела обширную торговлю со многими странами Азии и Европы и прежде всего с Русью. Об этом свидетельствует яркое описание Ибн-Фадланом прибывших в Булгар руссов-купцов (921—922 гг.). Булгарские торговые фактории, существовали в устье рек Илети, Аниша, Оки, на Каме и Вятке⁶. В одной из летописей говорится о голоде в Суздальской земле (1024 г.) и о том, что русские люди отправились в «Болгары и привезоша жито тако ожища». Известно также, что в 1229 г. булгарский князь направил суздальскому князю Юрию тридцать барж с пшеницей. В этом же году «болгары жито возили по Волге и Оке во все города русские», пишет летописец⁷. Вряд ли в подобных случаях обходились без бурлаков.

⁴ Д. К. Зеленин. Терминология старого русского бурлачества. — «А. А. Шахматов. Статьи и материалы». М.—Л., 1947, стр. 391.

⁵ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 402—404.

⁶ См.: «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 40 и 49.

В IX в. и в первой половине X в. путь на Кавказ и Каспий по Волге для Булгарии был закрыт Хазарским каганатом⁸. Поэтому Булгария в этот период могла посылать свои торговые суда только до района нынешней Самарской Луки, где производилась перевалка грузов, что приводило к скоплению судов. Этому способствовало и то, что в древности сюда подходил пролежавший в долине реки Самары караванный путь с Востока. На всемирной карте венецианского космографа Фра Мауро против поселения Самары на правом берегу Волги отмечено два города или улуса⁹.

На основе сказанного выше можно предположить, что горы Самарской Луки и один из населенных пунктов получили название *Жигули* в булгарский период. Начальное *ж* говорит о возникновении этого названия в джекающем говоре, каковым является булгарский и к которому восходят татарские слова с данной аффрикатой¹⁰.

В последующие столетия после падения Золотой Орды Жигули могли утратить свое значение перевалочного пункта, ибо суда получили возможность следовать ниже по течению. Название же *Джигули* (в русском произношении *Жигули*) сохранилось до наших дней.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Даль* — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
Дмитриев — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.
Радлов — В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. I—XVII. М., 1950—1965.
ТРС — «Татарско-русский словарь». Сост. К. С. Абдразаков и др. М., 1966.
Шанский — Н. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М., 1963.

⁸ «История Татарской АССР», стр. 50; М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 372 и 406; А. П. Смирнов. Указ. раб., стр. 22.

⁹ На Самарской Луке археологами было открыто множество памятников булгарской культуры. Еще в конце XIX в. В. Н. Поливановым был вскрыт могильник у с. Муранка. Множество обнаруженных в нем предметов и монет указывает на связь с Волжской Булгарией. Советскими археологами был открыт между селами Жигули и Валы Муромский городок с оригинальными каменными постройками, представляющий собой памятник булгарской культуры.

¹⁰ «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 171.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. А. ХАБИЧЕВ

ПАМЯТНИК КУМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Одним из наиболее интересных письменных памятников куманских языков конца XIII — начала XIV в. является, как известно, «Кодекс Куманикус», составленный итальянскими и немецкими миссионерами.

Сопоставляя высказывания ученых-востоковедов О. Блау¹, К. Г. Залемана², В. Банга³ и В. В. Бартольда⁴ относительно времени написания куманского словаря, А. Н. Самойлович пришел к заключению, что материал по мусульманским месяцам для персидского столбца и по половецким — для куманского — был записан в 1294 году⁵.

К сожалению, язык памятника до сих пор остается недостаточно изученным. Сложность его исследования заключается в том, что «Кодекс Куманикус» отражает языковые особенности не одного, а нескольких тюркских диалектов. Это обстоятельство уже отмечалось некоторыми тюркологами.

О наличии диалектных различий в куманском словаре в свое время писал В. В. Радлов⁶.

Обращает на себя внимание и следующее высказывание Ф. Е. Корша: «Итак, уже одна фонетика слов, содержащихся в бесхитростном Codex Cumanicus, как будто указывает на то, что эти слова принадлежат разным, двум или трем языкам»⁷.

Любопытно в этом отношении и примечание редактора к статье В. В. Каллаша «Татары, печенеги, половцы»⁸: «Известен памятник половецкой (куманской) речи, т. н. «Codex Cumanicus», датированный 11 июля 1303 года, в монастыре св. Иоанна (где-то в южной России); это переводы из Нового Завета и из молитвослова, написанные итальянскими миссионерами. И что же? Под видом куманских (половецких) образцов

¹ O. Blau. Ueber Volksthum und Sprache der Cumanen. — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», Bd XXIX, 1876, стр. 556—587.

² C. Salemann. Zur Kritik des Codex Cumanicus. — «Известия Академии наук», VI серия, 1910, т. IV, № 12, стр. 943—957.

³ W. Bang. Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus. — «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», 1911, стр. 32—38.

⁴ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 75.

⁵ А. Н. Самойлович. К истории и критике Codex Cumanicus. — «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 86—88.

⁶ В. В. Радлов. О языке команов. СПб., 1884, стр. 38.

⁷ Ф. Е. Корш. По поводу второй статьи проф. П. М. Мелноранского «О турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“». СПб., 1906, стр. 6.

⁸ «Древности восточные», т. 4. М., 1913, стр. 2.

эта рукопись предлагает нам не только подлинные куманские тексты, но и совершенно другие тюркские («татарские», как мы сказали бы по нынешней терминологии), близкие к речи тех орд, которые вторглись с монголами».

Вряд ли можно согласиться с редактором, который пестроту языкового материала Кодекса связывает с речью племен, участвовавших, по известным историческим причинам, в монгольском нашествии.

На то, что в Кодексе присутствуют диалектные материалы, было указано Т. Ковальским⁹.

По мнению Н. А. Баскакова, «сохранившиеся памятники отмечают наличие нескольких диалектов в половецком, или куманском, языке, характеризующихся и кыпчакскими (например, *тав* 'гора', *тув* 'родиться', *бувун* 'сустав'), и огузскими (*таф*-, *туф*-||*тоф*-, *богун*) чертами»¹⁰.

В работе В. В. Радлова «Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus» (SPb., 1887) в третьем, четвертом и пятом предложениях текста на стр. 81 встречаются три разные формы одного и того же слова с одним и тем же значением: *jazyklymān*, *jazykly ārmān*, *jazykly turmān*¹¹. Форма *jazyklymān* характерна в основном для кыпчакских языков северо-западной группы, сложная форма *jazykly ārmān* — в основном для огузских языков, а форма *jazykly turmān* встречается в языках, принадлежащих к различным группам: ногайском, хакасском, туркменском и т. д.

О. Блау сближал язык Кодекса с диалектами крымско-татарского языка¹², В. В. Радлов — с языком татар-мещеряков¹³, А. Н. Самойлович — с кумыкским и карачаево-балкарским языками¹⁴. А. А. Зайончковский привел лексические параллели, встречающиеся как в куманском словаре, так и в арабо-кыпчакских словарях¹⁵. Н. А. Баскаков язык куманского словаря включает в одну группу с современными караимским, карачаево-балкарским, кумыкским, крымско-татарским языками и языками мамлюкских кыпчаков¹⁶. Ф. фон Крелитц-Грайфенхорст¹⁷, Ж. Дени¹⁸, Т. Ковальский¹⁹ и Т. И. Грунин²⁰ указывают на близость армяно-куманского языка и языка Кодекса. Причем Т. Ковальский и Т. И. Грунин с куманским и армяно-куманским сближают западнокараимский диалект. А. фон Габен²¹ отмечает близость языка куманского словаря и поволжско-татарского языка, А. Курышжанов²² — казахского.

⁹ T. Kowalski. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1922, стр. LX.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 273.

¹¹ На это обратил наше внимание в 1958 г. Э. В. Севортян, за что автор, пользуясь случаем, выражает ему свою признательность.

¹² O. Blau. Указ. раб., стр. 556.

¹³ В. В. Радлов. О языке команов. СПб., 1884, стр. 39, 41, 53.

¹⁴ А. Н. Самойлович. [Рец.:] Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». — ЗВРАО, 1913, т. XXI, вып. 4, стр. 0152—0161.

¹⁵ А. А. Зайончковский. Арабско-кыпчакский словарь эпохи государства мамлюков. — «Сообщения польских ориенталистов». М., 1961, стр. 40.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 272—275.

¹⁷ F. von Kraelitz-Greifenhorst. Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialektes in Polen. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd XXVI. Wien, 1912, стр. 312—313.

¹⁸ J. Deny. L'armeno-coman et les Ephemerides de Kamieniec (1604—1613). Paris, 1957, стр. 10.

¹⁹ T. Kowalski. Указ. раб., стр. 109, 117.

²⁰ Т. И. Грунин. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, стр. 46.

²¹ A. von Gabain. Die Sprache des Codex Cumanicus. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 47.

²² А. Курышжанов. Формы и значения падежей в языке Codex Cumanicus. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1956, стр. 4.

Одно существование стольких разноречивых мнений о языке Кодекса подтверждает то, что он отразил языковые особенности нескольких тюркских диалектов. К тому же В. В. Радлов, исследовавший Кодекс по изданию Г. Куна²³, которое он сначала считал весьма надежным, позже отказался от этого мнения²⁴. Недостаткам работы Г. Куна была посвящена статья В. Банга²⁵.

Богатство куманского словаря в полном объеме было представлено в работе К. Грэнбека²⁶.

В Кодексе приведены материалы *j*- и *ž*-диалектов, на что обратил внимание еще В. В. Радлов²⁷. Заметим, что число слов с начальным *ž* (в словаре -*g*-) незначительно. Ср. *jemiš*, *žemiš* (G., 121) 'фрукт', *jyl*, *žyl*, *yl* (G., 132) 'год', *žyltramak* (G., 133) 'сверкать', *žugt* (G., 133) 'рвать, или *jaγuk* (G., 116) 'свет', *julduz* (G., 128) 'звезда' и т. д. Согласный *ž* в абсолютном начале слов характерен для литературных карачаево-балкарского и киргизского языков, а также отдельных диалектов казахского языка. Спорадически он встречается в поволжско-татарском, крымско-татарском и кумыкском языках. Джекание же было характерно для языка древних болгар и тюркоязычных алан.

Что же касается слов с начальным *j*, то они широко отражены в памятнике. К йокающим относятся огузские и карлукские языки, а из кыпчакских — караимский, кумыкский, крымско-татарский, башкирский, поволжско-татарский, а также древние — золотоордынский, мамлюкско-кыпчакские (в основном) и армяно-куманский языки.

Возникает вопрос, какой же звук передан составителем словаря буквой *g*—*ž* или *g*? По нашему мнению, праязыковый *g* еще в древности перешел в *ž* и *j*. Ср. собственно балкарское *gumul*- и кбалк. *žumul* 'бежать', кбалк. *gugum* 'крыжовник' и *žüzüm* 'виноград' и т. д.

В куманском словаре широко представлены материалы *č*- и *c*-диалектов. Известно, что радловская транслитерация латинских *z* и *ç* словаря буквой *ц*(*c*) вызвала в свое время много споров среди тюркологов, большинство которых видело в *z* и *ç* только *č*. Такого мнения придерживались В. Банг²⁸, позже К. Грэнбек²⁹ и А. фон Габен³⁰.

Однако многие исследователи считают, что поскольку латинская часть словаря написана одним почерком, то есть составлена одним лицом, то, следовательно, вряд ли составитель применял для обозначения одного и того же звука *č* разные знаки — *z* и *ç*. Тогда уместен вопрос: если в действительности в словаре нашли отражение черты и *c*(*ц*)-диалекта, то каким знаком итальянец мог в XIII веке передать *c*(*ц*)?

Если внимательно просмотреть первую часть факсимильного издания словаря, то легко убедиться, что примерно до 60-й страницы в большинстве слов составитель употребляет букву *z*, а дальше — до 112 страницы главным образом — *ç*. Использование в одних и тех же словах и позициях как *z*, так и *ç* может свидетельствовать лишь об одном, а имен-

²³ G. Kun. Codex Cumanicus. Budapest, 1880.

²⁴ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах.— Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 392—393.

²⁵ W. Bang. Der komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle herausgegeben. — In: W. Bang, J. Markwart. Osttürkische Dialektstudien. Neue Folge, 13. Berlin, 1914, Nr. I, стр. 239—276.

²⁶ K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942. Все приводимые ниже примеры даются по К. Грэнбеку, но в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология».

²⁷ В. В. Радлов. Указ. раб., стр. 38.

²⁸ W. Bang. Der komanische Marienpsalter...

²⁹ K. Grönbech. Указ. раб., стр. 8.

³⁰ A. von Gabain. Указ. раб., стр. 50.

но—о включении в словарь материалов *с(ц)*- и *š(ч)*-диалектов. Ср. *agas* и *agaš* (G., 28) 'дерево', *bitixci* и *bitixči* (G., 61) 'писарь', *bisaki* и *bičak* (G., 71) 'нож', *bisxi* и *bičxi* (G., 72) 'пила', *siḡau* и *šigaj* (G., 79) 'лицо', 'портрет', *soḡa* и *šoḡa* (G., 76) 'изнанка', *erci* и *erči* (G., 89) 'женщина', 'жена' и т. д. В пользу данного положения говорит также существование *с(ц)*- и *š(ч)*-диалектов в хазарском³¹, караимском, карачаево-балкарском языках, а также в мишарском и западносибирском диалектах татарского языка. К тому же в период составления куманского словаря галицкие караимы еще жили в Крыму.

Следует также заметить, что языковеды, стремящиеся объяснить возникновение звука *с(ц)* в тюркских языках только его заимствованием, забывают о том, что звуки сами по себе заимствоваться не могут. Они переходят из языка в язык только вместе с иноязычными словами, то есть без заимствованного лексического материала не может быть и заимствованного звука.

В материалах Кодекса можно выделить еще черты *k*- и *x*-диалектов. Причем *k* и *x* встречаются в идентичных позициях в одних и тех же словах: *ajak* и *ajax* (G., 31) 'нога', *bujruk* и *bujrux* (G., 68) 'приказ', *kap* и *hap* (G., 192) 'кровь', *katun* и *xatun* (G., 196) 'женщина', *ojmak* и *ojmax* (G., 174) 'наперсток', *okšaš* и *oxšaš* (G., 178) 'подобный' и т. д. Материалы *k*-диалекта сближаются с древними кыпчакскими, казахским, карачаево-балкарским, каракалпакским, кумыкским, крымско-татарским языками и крымско-караимским диалектом. *X*-диалект близок армяно-куманскому, азербайджанскому языкам и тракайскому диалекту караимского языка.

Большинство тюркологов отрицает наличие в памятнике материалов *s*-диалекта. Такой взгляд соответствует установившейся традиции, согласно которой Кодекс отражает якобы черты только одного тюркского языка. Однако, по нашему мнению, в памятнике представлены *š*- и *s*-диалекты. Так, в первой части словаря вместо ожидаемого *š* составитель в основном употребляет *s*, а во второй части, составленной немцами, встречаются *š*, *s*, *с(ц)*. В отдельных случаях и в первую часть словаря вводятся диакритические знаки над *s*. Одно и то же слово составители фиксируют по-разному: *algēsli*, *algišli*, *algisli*, *algisle*, *algicli*, *algiclie* (G., 35) 'благословенный', 'благодарный', *baz*, *bas*, *baš*, *basch*, *bac* (G., 52) 'голова', *kiši*, *kisi*, *kici* (G., 149) 'человек', 'мужчина', *cumis*, *kumus*, *kumiš*, *kómiš* (G., 158) 'серебро' и т. д. Следовательно, и итальянские и немецкие составители непосредственно встречались с носителями *s*- и *š*-диалектов. И поэтому отражение в тексте диалектных особенностей куманского языка не следует рассматривать как ошибки писца.

Кроме того, в памятнике представлены особенности по крайней мере одного из огузских диалектов. Ср. кыпчакские и огузские *avuz* и *ayuz* (G., 45) 'рот', *bav* и *bay* (G., 46) 'веревка', 'шнур', *kerime* (G., 141) и *artut* 'груша', *tav* и *taḡ* (G., 232) 'гора' и т. д. В некоторых огузских словах начальный *t* перешел в *d*: *devül* (G., 83) 'не', 'нет', *tušman*, *dušman* (G., 257) 'враг', *taž* и *dač* (G., 232) 'венец'. Параллельно с кыпчакской формой имени действия на *-av*, *-ov*, *-v* употребляется огузская форма на *-tak*, *-mek*: *ačmak* (G., 27) 'открытие', *bošanmak* (G., 65) 'освобождение', *jengilmek* (G., 122) 'поражение' и т. д.

Гласных фонем в куманском словаре насчитывается восемь: *a*, *e*, *i*, *y*, *o*, *ö*, *u*, *ü*, причем гласные *ö*, *ü* имели огузские и кыпчакские черты. К такому выводу приводит передача составителями звука *ö* в одном и том

³¹ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 238.

же слове в различных местах текста буквами *o, ø, ó:kok, køk, kók* (G., 150) 'голубой', 'синий', 'небо', а *ü* — через *u, v, w, o: kup, kvn, kwn, kon* (G., 158) 'солнце', 'день' и т. д.

Богато представлен в Кодексе консонантизм: *b, v, g, γ, d, ž, z, j, k, k', l, m, n, ng, p, r, s, t, w, x, h, č, c, š*, что отражает особенности кыпчакских и огузских диалектов. Согласный *j* встречается лишь в заимствованных словах.

Из сказанного выше можно заключить, что в куманском словаре нашли отражение звуковые особенности нескольких тюркских диалектов, имевших следующие фонетические признаки: *j—x—t—š—č*, *j* (иногда *ž*)—*k—t—š—č*, *j—k* (иногда *x*)—*t* (иногда *d*)—*š—č*, *j—k—t—s—c*, *ž—k—t—š—č*, *ž—k—t—s—č*.

Диалект с фонетическими признаками *j—x—t—š—č* совпадает в основном с армяно-куманским языком и тракайским диалектом караимского языка; диалект *j*— (иногда *ž*)—*k—t—š—č* — с древними кыпчакскими языками, средним диалектом крымско-татарского языка и с кумыкским языком; диалект *j—k* (иногда *x*)—*t* (иногда *d*)—*š—č* — с туркменским, староазербайджанским языками и с южным диалектом крымско-татарского языка; диалект *j—k—t—s—c* — с галицким диалектом караимского языка; диалект *ž—k—t—š—č* — с карачаево-балкарским языком; диалект *ž—k—t—s—č* — с казахским, каракалпакским и ногайским языками.

Таким образом, Codex Cumanicus является памятником, сосредоточившим в себе языковые особенности многих тюркских диалектов XIII—XIV вв. Его в одинаковой мере можно считать древнеписьменным памятником азербайджанского, казахского, караимского, карачаево-балкарского, каракалпакского, крымско-татарского, кумыкского, ногайского и туркменского языков. К этому следует добавить, что еще задолго до монгольского нашествия и после него в Крыму проживали куманы, армяно-куманы, караимы³².

³² См.: Т. И. Грунин. Указ. раб., стр. 103—104.

Ю. Б. ЮСИФОВ

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОЧИНЕНИИ АЛБАНСКОГО ИСТОРИКА

Процесс проникновения в раннем средневековье носителей тюркских языков на территорию Закавказья и смежных с ним районов изучен недостаточно¹. Некоторые, правда, разрозненные сведения по данному вопросу можно почерпнуть из древнеармянских источников, которые исследовались более или менее обстоятельно лишь с точки зрения иранистики и арменистики, но никак не тюркологии. Вместе с тем древнеармянские источники могут дать весьма ценный материал для выявления ранних тюркских этнических и языковых элементов, нашедших отражение как в топонимии и ономастике, так и в лексике произведения того или иного древнего автора. В упомянутых источниках можно обнаружить отдельные сведения о проникновении и расселении в Закавказье носителей тюркских языков. Дальнейшее углубленное исследование древнеармянских источников, материал которых частично используется в предлагаемой статье, позволит получить новые данные о тюркских языках, существовавших на территории Закавказья в I тысячелетии н. э.

В данной статье мы попытаемся интерпретировать лишь некоторые тюркские языковые элементы, до сих пор почти не привлекавшие внимания исследователей и относящиеся к языковому и этническому ареалу тюркоязычного населения рассматриваемой зоны в период раннего средневековья. Среди источников, содержащих данные по этому вопросу, особое место занимает «История албан» Моисея Каланкатуйского, дошедшая до нас на древнеармянском языке². В этом труде зафиксиро-

¹ В этом аспекте представляют значительный интерес выявленные в говорах азербайджанского языка слова, относящиеся к древнетюркской лексике (см., например: М. Ш. Рагимов. Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительно-историческом изучении тюркских языков огузской группы. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 50—58; *его же*. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и древнетюркские элементы в диалектах и говорах азербайджанского языка. — Там же, 1972, № 1, стр. 75—82; В. И. Аслаков. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и азербайджанский язык. — Там же, стр. 61—74). Древнетюркская лексика заимствовалась также нетюркскими этническими общностями (см.: В. Гукасян. Туркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 238—250; *его же*. Об азербайджанско-удинских языковых взаимоотношениях. — «Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1966, № 3, стр. 70—78; Н. С. Джидалаев. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 46—60).

² Существует предположение, что «История албан» первоначально была написана на албанском языке (см.: З. И. Ямпольский. К изучению легописи Кавказской Албании. — «Известия Академии наук Азерб. ССР», 1957, № 9, стр. 149; В. Гукасян. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. — «Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1968, № 2, стр. 94—95).

ваны автором³ тюркские слова, титулы, имена собственные, имена богов: *Куар*⁴, *Тангрихан* (тюрк. tangry 'бог'), титулы: *джебу* (žabgu, тюрк. jabu 'глава, вождь'), *каган* 'государь, правитель', *шад* 'предводитель, князь', *тархан*, *тудун* и т. д. Эта лексика известна в основном по древнетюркским памятникам и достаточно изучена⁵. Вместе с тем в названном источнике имеется много слов неясного происхождения, не поддающихся толкованию посредством армянского языка⁶.

Одним из таких слов является *agelun* (*աղըլըն*), встречающееся всего один раз в первой части «Истории албан»⁷ и сохранившееся в двух рукописях⁸. Одной из них является самая ранняя рукопись «Истории албан», датированная 1289—1311 гг.⁹ Эта рукопись в известной мере легла в основу изданий М. Эмина и К. Шахназаряна. М. Эмин форму *agelun* сохраняет без изменений¹⁰, но в издании К. Шахназаряна она изменена в *ageleun*¹¹. В изданиях этих авторов использованы шесть рукописей¹², сохранивших ту или иную форму рассматриваемого слова. В рукописи 1678 года это слово вообще отсутствует и вместо него в тексте

записано *ijeal* (*իջեալ*)¹³, означающее «спустившись». Вероятно, переписчик заменил неизвестное древнее слово понятным ему. В первоначальном же тексте рукописей имелась одна из двух упомянутых форм рассматриваемого слова *agelun* или *ageleun*. Наличие двух почти совпадающих форм указывает на то, что гласный в последнем слоге слова произносился по-разному, и поэтому один переписчик передал его посредством гласной фонемы *и*, а другой — с помощью трифтонга *еаи*. По-видимому, значение и фонетические варианты этого слова были

³ Относительно авторства «Истории албан» и времени ее написания мнения ученых, как известно, расходятся. Автора этого труда называют Моисеем Каланкатуйским, Дасхуранским или Утийским. С исторической точки зрения возникновение всех этих трех имен можно оправдать. «История албан» состоит из трех частей. Первые две части, содержащие использованные нами сведения, бесспорно, относятся к VII веку, поскольку изложение событий дается от имени очевидца. В третьей книге описаны события последующих веков. См.: предисловие К. Патканова к русскому переводу «Истории албан» (СПб., 1861, стр. VII—IX); примечания Тер-Григорьяна к переводу «Истории» Киракоса Гандзакеци (Баку, 1946, стр. 202, прим. 19); К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 14; З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 6; C. J. F. Dowsett. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. London, 1961, стр. 20; Ф. Дж. Мамедова. «История албан» Моисея Каланкатуаши как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Автореф. канд. дисс. Баку, 1971, стр. 11—15.

⁴ Об этимологии этого слова см.: М. А. Сейидов. Заметки о гуннской мифологии (по источникам VII в.). — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 110 и сл.; В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 7.

⁵ C. J. F. Dowsett. The History..., стр. 83, прим. 4; 88, прим. 4; 101, прим. 1; 104, прим. 2; 165, прим. 2. Более подробно см.: В. Гукасян. Тюркизмы..., стр. 238—250.

⁶ Некоторые из этих слов исследователи относят к удинскому языку. См.: В. Гукасян. Удинские слова в «Истории албан». — «Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1968, № 1, стр. 53—61.

⁷ М. Emin. Movsesi Ka'ankatuacwoy Patmut'iwn A'uanic a'xarhi, кн. I, гл. XXI. М., 1860, стр. 54; Моисей Каланкатуйский. История албан. Пер. К. Патканова. СПб., 1861, стр. 54.

⁸ «Movses Ka'ankatuaci yew Towma Mesop'esi», Париж, 1960, стр. 86, прим. 60.

⁹ Сектор рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, инв. № В-56, лист 60б.

¹⁰ М. Emin. Movsesi Ka'ankatuacwoy Patmut'iwn..., стр. 82.

¹¹ K. V. Sahnazarean. Patmut'iwn A'uanic arareal Movsesi Ka'ankatuacwoy. Париж, 1860, стр. 166.

¹² C. J. F. Dowsett. The History..., стр. XI.

¹³ Сектор рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Ванская рукопись из собрания И. А. Орбели, инв. № С-59, лист 301б.

известны первым переписчикам, зафиксировавшим, вероятно, две его диалектные разновидности. Безусловно, в авторском тексте «Истории албан» первоначально была представлена лишь одна из этих форм, и ею, как мы предполагаем, была форма *agelun*.

Слово *agelun*, не зафиксированное ни в одном древнеармянском слове, К. Патканов не сумел перевести и высказал предположение, что оно, возможно, означает «пешком»¹⁴. В новом издании «Истории албан», осуществленном С. Довсетом на английском языке, не даны какие-либо объяснения этого слова. В соответствующем месте текста С. Довсет переводит его как «прикрывая их» («covering them»), а В. Аракелян дает значение «(он) входит» (*minum ē*)¹⁵. Однако, как нетрудно убедиться, приведенные переводы нельзя признать убедительными.

Слово *agelun*/*ageleun* встречается в отрывке текста, повествующем о поиске группой людей во главе с албанским царем Вачаганом III (487—510 гг.) того святого места, где якобы произошло знамение. Далее текст гласит: «Когда освященный и набожный люд вошел в село, по середине села проходила малая речка, и мост был построен на царской дороге. Но царь из-за сильной любви, которую он питал к святым, не хотел уступать балдахин для святых другому. Он сам в царской одежде вместе [с ними] *agelun* прошел реку и, придя в названное место, с епископами и всем людом, преклонив колени, долго совершал молитвы» (*ew yoržam i geołn mtanēr surb ew astuajaser žołovn get p'ok'ragoyñ ancanēr änd mej šinin ew kamurj kzmeal yark'uni połotayin; ew ark'aun ar i yoyž siroyñ vor ar surbsn unēr oç hawanēr zdespak srbočn yayls t'ołul; ayl ink'n t'agaworakan zgestiwk'n handerj agelun ancanēr änd getn ew ert'eal i nšanakeal tełin ergaragoyñ cnradrut'eamb handerj episkoposok' ew bazmut'eamb žołovoyñ arner xndruac*)¹⁶.

Прежде чем дать перевод слова *agelun* на основании контекста, попытаемся выяснить его этимологию. Это слово, по-видимому, состоит из двух компонентов—*ag* и *elun*. Имея в виду, что фонема *h* (*e*) армянской графики в начале слова обычно произносится как *je*, следует полагать, что вторая часть рассматриваемого слова воспринималась как *jelun*. Независимо от этого можно допустить употребление в прошлом обеих форм — *elun*||*jelun*. Вместе с тем внешняя форма слова *elun*||*jelun* позволяет считать, что оно представляет собой заимствованную с частичным искажением форму древнетюркского *jalung* 'голый, нагой'¹⁷. Предположение о том, что во времена албанского историка обе формы — *elun*||*jelun* — уже существовали в тюркских языках, в определенной степени подтверждается относительно поздним свидетельством Махмуда Кашгари, отмечавшего характерное для языка огузов выпадение звука *j* в начальной позиции¹⁸. Гласная фонема последнего слога слова *jalung* в древнетюркских языках, видимо, была неустойчивой и в разговорной речи или диалектах имела несколько вариантов, например,

¹⁴ Моисей Каланкатуйский. История албан. Пер. К. Патканова, стр. 54, прим. 1.

¹⁵ C. J. F. Dowsett. The History..., стр. 42; *Moses Kałankatvacı. Patmut'yun Ałvanic ašxarhi*. Пер. на новоармянский язык В. Аракеляна. Ереван, 1969, стр. 54.

¹⁶ Текст взят из указанного выше издания М. Эмина, стр. 82. Переводы этого отрывка у К. Патканова (стр. 54) и С. Довсета (стр. 42) почти идентичны. Армянский текст передан существующей транслитерацией. Судя по фразе «мы нашли то, о чем он говорил» (кн. I, гл. XXI), события конца V в. излагались очевидцем, материалы которого были использованы автором «Истории албан» без изменений.

¹⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 229.

¹⁸ «*Divanü lûgat-it-türk tercümesi*», çeviren Besim Atalay, c. I. Ankara, 1939, стр. 31.

jalang¹⁹. С другой стороны, в тюркских языках гласная фонема *y* в позиции перед сонорным звуком *n* чередуется и с фонемой *u*²⁰. Вероятно, неустойчивость гласного звука во втором слоге была причиной появления двух форм — *elun||jelun* и *eleaun||jeleaun* — в рукописи албанского историка и у первых переписчиков его труда.

Что же касается другого компонента рассматриваемого слова — *ag*, то он является стяженной формой тюркского слова *ajak* со значением «нога». Как известно, в тюркских языках отмечено несколько форм данного слова — *adak*, *azak*, *ajak*. В последней из них звук *j* достаточно неустойчив и поэтому в интервокальном положении может выпадать. Вообще *j* фактически является слабо артикулированным согласным, имеющим тенденцию к редукции и к последующему исчезновению в тех случаях, когда находится между двумя гласными, в последующем сливающимися²¹. Например, междометие *äjä* в разговорном азербайджанском языке стягивается в *ä* (<*ä*). Слово *hājä* 'да' произносится как *hā* (<*hā*), *mānä* > *mājä* в диалектах — как *mā* (<*mā*). В связной речи даже слово *ajak* стягивается в *ag* (>*ay*, ср. азерб. *ayjalun* 'босый'). Учитывая сказанное выше, можно предположить, что компонент *ag* в составе выражения *agelun* восходит к стяженной огузской форме *ajak*²².

Таким образом, *agelun*, зарегистрированное в сочинении албанского историка, можно отождествить с тюркским словосочетанием *ajagu jalun||ajag jalun*, что буквально означает «босоногий»²³.

Слово *agelun* ни по звучанию, ни по значению не имеет соответствий в армянском, а также в удинском и других дагестанских языках, но по своей фонетической форме находится в явном родстве с упомянутым составным словом тюркского происхождения. К тому же в приведенном выше контексте предполагаемое значение «босоногий, босой» вполне оправданно. Приведем фразу из процитированного выше отрывка с нашим переводом слова *agelun||ageleaun*: «Он сам в царской одежде вместе [с ними] **босым** прошел реку». Утверждая это, албанский историк, вероятно, стремился подчеркнуть набожность царя Вачагана²⁴.

¹⁹ «Древнетюркский словарь», стр. 227; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 87.

²⁰ А. Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1941, стр. 49; М. Ряснен. Указ. раб., стр. 87; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 35; М. Исламов. Азербайджан диалекти. Баку, 1968, стр. 25.

²¹ М. Ряснен. Материалы..., стр. 98.

²² Отсюда вытекает, что в VII веке уже были дифференцированы *d*-, *z*- и *j*- диалекты тюркских языков (*adak* > *azak* > *ajak*). Это соответствует мнению Н. К. Дмитриева, считавшего, что в енисейско-орхонскую эпоху переход *d* > *z* > *j* уже состоялся (см.: Н. К. Дмитриев. Соответствие *p||d||t||z||z||ä*. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 328). Вместе с тем можно констатировать, что в тот период уже сложился ряд фонетических особенностей азербайджанского языка. В частности, наряду с завершением характерного для азербайджанского языка перехода *d* > *z* > *j* в нем отмечается наличие простого сонорного *n*, исторически разившегося из сложного носового велярного звука *ŋ*: *ŋ* > *ng* > *n*.

²³ Возможно, что первоначально слово *jalung* было заимствовано без анлаутного среднеязычного согласного *j*, но современный азербайджанский язык сохраняет его. Однако, как видно из приведенного материала, в VII веке в языке огузов конечный заднеязычный носовой звук *ng* перешел в переднеязычный *n*, а *azak* в *ajak*. Рассматриваемое составное слово могло быть заимствовано лишь в результате тесного контакта с тюркоязычным населением. Исходя из иного лингвистического материала, В. Л. Гукасян пришел к заключению, что албанцы владели тюркской речью (В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 4 и сл.).

²⁴ Известно, что к святым местам, согласно традиции, как правило, шли без обуви (см.: З. И. Ямпольский. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку, 1962, стр. 38, 198).

В «Истории албан» в различных вариантах встречается слово *turkaп* (түркүш) ²⁵. Исходя из контекста, К. Патканов переводил его как «посланник» ²⁶. На основе данного перевода С. Довсет возводит это слово к новоперсидскому (?) *tūḡāp* 'проводник' и тюркскому *tūḡāk* 'сторож' ²⁷. В. Гукасян интерпретировал слово *turkaп* как 'тюркское ханство' и 'хан тюрков' ²⁸. Однако слово *turkaп* этимологически, видимо, имеет другое значение.

В одной из глав «Истории албан» повествуется о том, что предводитель гуннов Шад (титул) в 627 г., после вторжения в Албанию и Атурпатакан, отправил послание ²⁹ персидскому царю Хосрову II (589—628 гг.). Очевидно, что доставить это послание должен был представитель хагана гуннов, о чем, впрочем, не упоминается в тексте «Истории албан». Когда же царь Хосров II отвечает на послание следующим обращением: «Иди, скажи своему царю и брату моему хагану», — то становится ясным, что послание было доставлено доверенным лицом хагана. Далее текст гласит: «...туркан вернулся в свою страну» (...*turkaпп tarcaw jaṣarh iwr*) ³⁰. Из вышеизложенного видно, что *turkaп* не является ни именем собственным, ни названием должности, ни обозначением ханства или хана тюрков. *Turkaп*, видимо, выполнял определенную функцию в войске хагана. В этом слове можно выделить этноним *tūrk* и суффикс принадлежности -*ap*, зафиксированный в иранских, кавказских и тюркских языках ³¹. Вероятно, слово *turkaп* в «Истории албан» обозначало человека, относящегося к тюркскому этносу, и буквально значило «тюркский, принадлежащий к тюркам». С другой стороны, возможно, что албанский историк считал *turkaп* не этнонимом, а словом, имеющим определенную семантику. Данные тюркских языков позволяют пролить свет на этот вопрос. Так, в якутском и монгольском языках имеются слова, фонетически сходные с указанным и означающие «быстро» ³². В алтайском языке, относящемся, как и якутский, к восточной ветви тюркских языков, слово *tūḡep* имеет значение «быстрый» ³³. Исходя из этих данных, можно заключить, что слово *turkaп* из «Истории албан» могло иметь конкретное значение «быстрый», то есть «курьер, посланец». Отметим, что оба предложенных значения слова *turkaп* не противоречат контексту. В обоих случаях это слово является тюркским заимствованием.

²⁵ С. Dowsett. The History..., стр. 88, прим. 4.

²⁶ Моисей Каланкатуйский. История албан. Пер. К. Патканова, стр. 112.

²⁷ С. Dowsett. The History..., стр. 88, прим. 4; Н. А. Ацарян. Hayeren armatakan baragan, т. VI. Ереван, 1932, стр. 984.

²⁸ В. Гукасян. Тюркизмы..., стр. 249; его же. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков, стр. 7 и сл.

²⁹ В армянском тексте (см. издание К. Шахназаряна, стр. 250) на этом месте стоит слово *raḡap* (рагүш) в родительном падеже множественного числа. Как полагают, оно заимствовано из среднеперсидского языка и означает «повеление, слово, решение» [см.: «Nor bargirk' haykazeap lezu», II. Венеция, 1837, стр. 606; St. Malxaseanc. Hayeren bacatrakan baragan, IV. Ереван, 1945, стр. 60; Н. Ацарян. Hayeren armatakan baragan, т. V. Ереван, 1931, стр. 891]; К. Патканов (упом. издание, стр. 112) и С. Довсет (упом. издание, стр. 88) переводили его как «посланник», что представляется нам ошибочным.

³⁰ См. указ. издание К. Шахназаряна, стр. 250.

³¹ См.: Ю. Б. Юсифов. О наименованиях «Албания» и «Арран». — «Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1961, № 10, стр. 27; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 196—197.

³² М. Ряснен. Материалы..., стр. 57.

³³ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, М., 1958, стр. 43; см. примеры из памятников; А. Дж. Шукюров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 143.

В «Истории албан» встречаются имена собственные *Avči*³⁴ и *Gazan*. Последнее упоминается в связи с вторжением в Закавказье и Персию в период правления царя Шапура II (309—380 гг.) гуннов во главе с Хонагуром (*Honagur*)³⁵. Согласно автору «Истории албан», Хонагур погибает от руки армянского князя Бабики. После его гибели, пишет историк³⁶, «два брата знатного происхождения Гор и Газан (*Gazan*) пришли с большим войском к Бабику. Бабик бросил для них жребий. Гору досталось село Хот, а младшему Газану — прекрасный Шагат. Это было за 20 лет до воцарения злого Газкерта» (имеется в виду Ездегерд II, правивший в 438—457 гг.). Этот отрывок интересен тем, что в нем помимо сведений о пребывании по соседству с Албанией гуннов-оногуров³⁷ вообще впервые упоминается имя Газан, объяснение которому вполне можно найти в огузской ономастике. В тюркских памятниках имя Газан засвидетельствовано позже — в эпосе «Книга моего деда Коркута»³⁸.

В «Истории албан» встречается ряд топонимов, представляющих для нас особый интерес, в том числе *Pazkank'* || *Parzskank'*³⁹. Аналогичный топоним, имеющий форму *Paṇskank'* (*բանկանկ*), упоминается также в «Армянской географии». Эта местность была расположена в Арцахе⁴⁰. Данное название имеет и другие варианты: *Parzskank'*, *Parzskank'* и т. д.⁴¹

По всей вероятности, основной формой рассматриваемого топонима было *Paṇskank'*, имевшее несколько диалектных разновидностей. Звук *r* в названиях *Parzskank'* || *Parzskank'* представляет собой сонорный нарос. Подобное явление наблюдается в тюркских языках, например, *arslan* || *aslan* 'лев'. В «Истории албан» названный топоним представлен в двух формах — с *r* и без него. Там же имя одного из албанских правителей передается то в форме *Эсуаген*, то — *Арсуаген*, а один из тюркских этнонимов также приводится в двух вариантах: *basil* и *barsil*⁴². Этноним «печенег» в ряде источников передается также в двух формах — *Rasīnak* и *Parcīnak*⁴³. Таким образом, первоначально рассматриваемый топоним,

³⁴ Моисей Каланкатуйский. История албан, кн. II, гл. 42. Носитель имени был знатным вельможей (арм. *iṣhap*), имевшим титул *taṭhap*. *Avči* в древнетюркских письменных памятниках и в современных тюркских языках означает «охотник» (ср.: А. М. Шербак. Грамматический очерк тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 105). Это имя состоит из слова *av* 'охота' и аффикса имени действующего лица *-či*. Но в приведенных у В. Гукасяна примерах *-či* является не аффиксом, а корневым словом, главным образом в кавказских языках (В. Гукасян. Тюркизмы..., стр. 243).

³⁵ Это не имя собственное, а этноним *он-огуз*, засвидетельствованный в византийских источниках в форме *ονονογουροι* (см.: С. J. F. Dowsett. The History..., стр. 63, прим. 4; G. Moravcsik. Byzantino-Turcica, II. Budapest, 1943, стр. 189—190; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 76). В преданиях этнонимы нередко превращаются в антропонимы. Как имена собственные зафиксированы этнонимы *торк* у Моисея Хоренского (*Movsesi Xorenacwoy Patmut'yun hayoc*. Тифлис, 1913, пер. Н. О. Эмяна, кн. II, гл. 8. М., 1893) и *огуз* (см.: К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964, стр. 30—31).

³⁶ Моисей Каланкатуйский. История албан, кн. II, гл. I.

³⁷ Ю. Немец считает *он-огуз* и *(он)-огуз* вариантами одного и того же этнонима, обозначающего племя, входившее в гуннский союз, хотя имеется и возражение против такого подхода (см.: D. Pais. A propos de l'ethymologie de l'ethnique *oğur*. — В сб.: «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 368). С оногурами отождествляли также уйгуров и угорские племена (см.: М. И. Артамонов. История хазар, стр. 66).

³⁸ «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 22 и сл.; «Китаби-Дәдә Горгуд». Баку, 1962.

³⁹ Моисей Каланкатуйский. История албан, кн. I, гл. 22; кн. III, гл. 19.

⁴⁰ «Армянская география VII в.». СПб., 1877, стр. 50/19, пер. К. П. Патканова с приложением древнеармянского текста.

⁴¹ H. Hübschmann. Die altarmenischen Ortsnamen. — «Indogermanische Forschungen», Bd XVI. Strassburg, 1904, стр. 349.

⁴² Моисей Каланкатуйский. История албан, кн. I, гл. 9, 12, 15, 23; кн. II, гл. 3.

⁴³ А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве, I. СПб., 1874, стр. 39 и прим. 7.

видимо, имел форму *Rapankank'*, диалектной разновидностью которой является *Razkank'* (здесь наблюдается переход *ps < z*). Подобное фонетическое изменение можно наблюдать и в передаче других древних топонимов. Так, наряду с *Ganpak'* в армянских источниках, а также в «Истории албан» зафиксирован вариант *Gazaka*⁴⁴, преобразовавшийся впоследствии в *Gāpžā*⁴⁵. Отсюда следует, что в подобных названиях аффрикаты *s*, *ž* и фрикативный согласный *z* на определенный языковой почве могли чередоваться⁴⁶.

Последний согласный *k'* в названии *Rapankank'*, будучи показателем множественного числа в древнеармянском языке, использовался также в качестве топонимического суффикса⁴⁷. Предшествующий ему элемент *-ap* является суффиксом множественного числа или, как уже указывалось выше, показателем принадлежности в тюркских, иранских и кавказских языках. Наличие суффикса *-ap* в названии показывает, что мы имеем дело с этнотопонимом. В древнеармянском языке сочетание упомянутых суффиксов в форме *-ank'* выражает имя действующего лица или предмет действия⁴⁸. Поскольку среднеязычные гласные в заимствованных словах часто не отражались в грабаре, то первоначальной формой названий следует считать *Rāpāsāk*, видимо, образованное путем метатезы от этнонима *Rāžāpāk*. Явление метатезы⁴⁹ было, хотя и несколько позже, для этого этнонима засвидетельствовано. В рукописи XVI века встречается форма *bāpāžā* вместо *bāžāpāk*⁵⁰. Все сказанное выше дает основание для отождествления названия *Panadzak*||*Padzanak* с этнонимом, который обозначал одно из подразделений булгар, в древности именовавшееся *кангар*⁵¹. О расселении булгар в Закавказье имеются сведения у Моисея Хоренского⁵². Этнотопоним Кангарк засвидетельствован на территории Закавказья в армянских источниках V—VII вв.⁵³

В связи с исследуемым вопросом представляют интерес также отмеченные в «Армянской географии» два топонима в области Васпуракан, охватывавшей Атурпатакан, — это *tangriajn* и *tornawan*⁵⁴. Первое на-

⁴⁴ Страбон, кн. XI, гл. 13, 3.

⁴⁵ Н. Hübschmann. Armenische Grammatik, I. Leipzig, 1895, стр. 33—34.

⁴⁶ Подобные чередования встречаются также в диалектах азербайджанского языка; например: *бадыз < баджы*, *удза < уджа* и т. д. (см.: М. Ширэлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баки, 1962, стр. 78—79).

⁴⁷ Н. Я. Марр. Грамматика древнеармянского языка. СПб., 1903, стр. 98; Г. А. Халатянц. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей. — «Древности восточные», т. II, вып. 2, 1901, стр. 123.

⁴⁸ Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971, стр. 148.

⁴⁹ Перемещение сонорного *n* наблюдается в диалектах азербайджанского языка (см.: М. Ширэлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары, стр. 121, 123).

⁵⁰ З. Б. Мухамедова. Огузо-туркменские этнонимы. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 36; искаженная форма *bāpāžāk* сохранилась также в топонимике зоны Агсу Азербайджанской ССР как *bāpāžik*. Название упоминаемых Страбоном (кн. XI, гл. 5, 8) «панксан»ов, обитавших у Каспийского моря, вероятно, представляет фонетическую разновидность этнонима «печенег».

⁵¹ G. Moravcsik. Указ. раб., стр. 145.

⁵² Моисей Хоренский. История Армении, кн. II, гл. 6, 9.

⁵³ V. Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, II. Paris, 1869, стр. 336; Моисей Хоренский. Указ. раб., кн. II, гл. 11; «Армянская география VII в.», стр. 40/17, 52/20. В V в. печенеги обитали у реки Терек (см.: С. Н. Қакабадзе. О передвижениях печенегов в VII—VIII вв. — «Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе». Л., 1931, № 8, стр. 8—9), но проникли в Закавказье, видимо, вместе с гуннами. Во всяком случае на раннее присутствие печенегов в Закавказье указывает рассматриваемый этнотопоним. По более позднему свидетельству Махмуда Кашгари, из тюркских племен наиболее близко в Византии находились печенеги (см.: «Divanü lûgat-it-türk tercümesi», с. I, стр. 28).

⁵⁴ «Армянская география VII в.», стр. 48/19.

звание встречается в различных вариантах: tangriajn, tagreank', tajgrean, tagrean⁵⁵. В этих топонимах фигурируют уже знакомые нам суффиксы -ап, -k'|-апk', обычно присоединяющиеся к этнонимам, а также -ajn, являющийся, судя по аналогам из «Истории албан»⁵⁶, суффиксом принадлежности.

Исходной формой этих топонимов, видимо, была tangriajn, а прочие названия являются ее диалектными вариантами. Сопоставление этих топонимов позволяет установить следующее фонетическое изменение: $ng < jg < g$ (tangri < tajgre < tagre). Из состава названия выделяется компонент tangri, обнаруживающий сходство с огузским словом tangry 'бог'. Известны следующие фонетические трансформации этого тюркско-

го слова: tangry < tǎgri > tanry < tary⁵⁷, то есть $ng \begin{smallmatrix} \nearrow g \\ \searrow n \end{smallmatrix}$ и $ng > \emptyset$. Теоре-

тически не исключается $ng < jg$. Почти аналогичное фонетическое изменение вышеуказанного топонима подтверждает его тюркское происхождение. Название в целом могло означать «место [бога] tangry», иначе говоря, «место поклонения богу, называемому тангры»⁵⁸.

В этой связи весьма интересно сообщение Михаила Сирийца (XII в.) о верованиях тюркоязычного населения: «Тюрки всегда провозглашали единого бога и даже во внутренней земле, где жили, они считали видимый небесный свод богом. И даже до сего дня, если спросят человека из тех, кто не сведущ, то он отвечает и говорит: qan tangri. А qan на их языке означает «небесная синь», а tangri — «бог». Они полагают, что небо есть единственный бог»⁵⁹. Следовательно, слово «тангры» могло быть известно нетюркскому населению Закавказья как признак религиозного отличия тюрков. Имя бога «Тангрихан», встречающееся в «Истории албан», подтверждает это предположение. Таким образом, рассматриваемый топоним возник на основе того факта, что христиане называли жителей этой местности по имени признаваемого ими бога.

Топоним Тогнаван, в котором ясно выделяются элемент toгна и топонимический суффикс -ван, по-видимому, также содержит соответствующий тюркский этноним. Сходное название Тагна носило хазарское племя⁶⁰. Тот же этноним сохранился, видимо, в названии населенного пункта Торнакат⁶¹ (вариант: Тарнагут), расположенного на территории Азербайджанской ССР (Агдамский район). На основании сказанного можно предположить, что топоним Торнаван, зафиксированный в источ-

⁵⁵ Н. Hübschmann. Die altarmenischen Ortsnamen, стр. 345.

⁵⁶ Мусей Каланкатуйский. История албан, кн. II, гл. 32: ср., например, имя Дастакер-айн, что значит «Дастакерский, относящиеся к [роду] Дастакер».

⁵⁷ А. М. Щербак. Грамматический очерк., стр. 66; М. Ряснен. Материалы., стр. 171.

⁵⁸ Наличие топонима, включающего компонент «бог», не должно вызывать недоумения. В той же «Армянской географии» (стр. 51/19) упоминается название местности Вагаван; здесь бага является иранским словом со значением «бог», а -ван — топонимическим суффиксом. Топоним буквально означает «место бога».

⁵⁹ Р. А. Гусейнов. Сирийские источники об Азербайджане. Баку, 1960, стр. 51—52; его же. О тюрках IV—VII вв. в зоне Кавказской Албании. — В сб.: «Вопросы истории Кавказской Албании», Баку, 1962, стр. 184.

⁶⁰ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1960, стр. 110. Одно из курдизированных тюркских племен называется «торун» (см.: Д. Е. Еремеев. К семантике тюркской этнонимии. — В кн.: «Этнонимы», М., 1970, стр. 140).

⁶¹ Этнотопоним содержит компонент kat (-känd) 'село'. Это слово имеется и в названии Kaiankat, засвидетельствованном в «Истории албан» (кн. II, гл. 10—11, 52). Хотя слово kat согдийского происхождения, в Азербайджан оно занесено тюркскими племенами (ср.: W. Minorsky. Mongol place names in Mukri Kurdistan. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XIX, 1, 1957, стр. 78, прим. 1).

нике VII в., содержит тюркско-хазарский этноним, вероятно, восходящий к названию птицы⁶².

Приведенные выше названия появились в топонимике задолго до их отражения в письменных источниках VII века. Рассмотренные данные позволяют констатировать, что оседание носителей тюркских языков в Закавказье не всегда непосредственно отражалось в источниках, поскольку расселение могло происходить также и мирным путем. Новые этнические группы обосновывались в различных местах и отдельными поселениями⁶³, ■ вместе с местными жителями. Поэтому можно заключить, что в раннем средневековье в Закавказье, особенно в Азербайджане, имелись реальные условия для проникновения тюркских слов в лексикон албанского историка VII века⁶⁴.

⁶² В чувашском языке сохранились формы *täpna*, *törne* 'журавль' (М. Ряснен. *Материалы...*, стр. 174), которые в иноязычной среде могли соответственно трансформироваться в *täpna* и *törpna*; ср. азерб. *dürpna*.

⁶³ Это обстоятельство подтверждается фактом, относящимся к более позднему времени. Судя по сообщению арабского автора IX—X вв. Табари (см.: З. Бунятов. *Азербайджан VII—IX вв.*, стр. 244, 296), один из сподвижников Бабека носил имя «Тархан», которое засвидетельствовано, в частности, в «Истории албан» как тюркский титул. Тархан принадлежал к тюркскому этносу. Отрывок из Табари сообщает: «Передают, что этот Тархан занимал влиятельное положение среди окружения Бабека и был одним из его военачальников. Когда наступила зима этого года, он попросил у Бабека разрешения провести зиму в своей деревне, вблизи Мараги (рядка наша. — Ю. Ю.)». Этот факт весьма отчетливо показывает, что тюркское население, обосновавшееся в Азербайджане, жило отдельными поселениями и вербовалось для несения службы в войсках халифа.

⁶⁴ Прямые сведения о проникновении тюркоязычных племен в Закавказье даются в ранних армянских источниках, в том числе в «Истории албан», что является темой отдельной статьи.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. С. ЛЕВИТСКАЯ

ЧУВАШСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Приводимые ниже этимологические разработки представляют собой подготовительный материал к «Этимологическому словарю чувашского языка», задуманному нами как дополнение к изданному в 1964 году словарю проф. В. Г. Егорова.

В наш «словарь-дополнение», очень близкий по своему типу и принципам построения словарных статей к Словарю 1964 года, будут включены слова, не вошедшие в это издание, а также новые данные и уточнения к некоторым словарными статьям, составленным покойным В. Г. Егоровым.

1. *s'ylāx* (диал. *s'yvlāx*, *s'ylāk*, *s'ilāx*) 'грех'.

Это слово чувашское языковеды обычно сопоставляют с тюркским *jazyk* 'грех' (В. Г. Егоров, Этсл., стр. 225, М. Р. Федотов, Исв I, стр. 123, II, стр. 135¹).

Jazyk — производное глагола *jaz-* 'ошибаться, допускать промах', в качестве параллели к которому в современном чувашском следовало бы ожидать **s'ug-* или **s'ug-*, соответственно **s'ugāx* или **s'ugāx*.

Нам кажется, что *s'ylāx* скорее восходит к древнечувашскому **žanluk*, сопоставимому с древнетюркским *janluk*, *janluk* 'ошибка' < *janul-* 'ошибаться, заблуждаться; совершить проступок, грешить' (ДТС, стр. 234). К чередованию *ηl > l* ср. чув. *šälläm* '(мой) младший брат' < **šälä* < **sinli* < *sinil* 'младший родственник'.

Глагол *jaz-* 'ошибаться' также представлен в чувашском языке: *jus-* 'ошибаться', но он скорее всего является кыпчакским заимствованием (на что указывает анлаутный *j-* и ауслаутный *-s < z*).

Глагол **žanul-* в чувашском языке, по-видимому, был утрачен. К генетически тождественной глагольной основе *janul-* восходит чувашское слово *jānāš*, *jūnāš*, *jūnāš* 'ошибка' < **janulyš*, **janulyš*, заимствованное из какого-то *j-* диалекта.

Слово *s'ylāx* было заимствовано из чувашского в финно-угорские языки, см. мар. *сулык* 'грех', удм. *сьолык*.

2. *pyZäk* 'большой'.

В. Г. Егоров (Этсл., стр. 173) предлагает две этимологии этого слова. Во-первых, вслед за Н. И. Ашмариным (Матер., стр. 96) и И. Буденцем он сопоставляет *pyZäk* с тюркским *bejik* (др.-тюрк. *bedük*, *bedük* 'боль-

¹ См. список условных сокращений в конце статьи.

шой, высокий'). Во-вторых, в качестве параллели к этому же чувашскому слову ruZäk В. Г. Егоров приводит балк., кар. и кум. bazyk 'толстый'.

Последнее сопоставление по фонетическим причинам нам кажется более вероятным (как правило, др.-тюрк. *δ* ~ чув. *r*, к тому же при ruZäk и bedük трудно объясним и вокализм чувашского слова).

Варианты ruZäk, ruZäk, роZäk и раZäk, зарегистрированные в Словаре Н. И. Ашмарина, можно свести скорее к bazyk.

Слово bazyk имеется, помимо перечисленных у В. Г. Егорова источников, также в половецком (ССит), армяно-кыпчакском, караимском (тракайском диалекте) языках, татарских, башкирских и турецких говорах.

Во всех вышеназванных языках и говорах слово bazyk означает «толстый» > «крепкий, дюжий». В турецких говорах это слово зарегистрировано в значении «толстый, крупный». Те же значения отмечены в Словаре Н. И. Ашмарина (IX, стр. 120): «большой, крупный, толстый».

Слово bazyk, по-видимому, принадлежало к кыпчакскому ареалу и оттуда попало в чувашский язык, значение же его трансформировалось следующим образом: «толстый» > «крупный» > «большой» > «высокий» || «великий»; ср. в тат. говорах kaļın 'большой', но лит. 'толстый', гаг. balaban 'высокий, рослый' — тур. 'огромный'.

Этимология, предложенная Г. И. Рамstedтом, по которой ruZäk ~ ruZäk < тат. bujsak < *bodsak (Zur Frage, стр. 11), маловероятна прежде всего потому, что в татарских словарях bujsak не отмечено. Из bujsak в чувашском следовало бы ожидать *rūZek, ср. тат. buj ~ чув. rū, pēv. Bujsak, вероятно, выведено Г. И. Рамstedтом из bojsaŋ, ср. ног. bojsan 'рослый, статный', каз. bojsaŋ//bojšaŋ, ккал. bojšaŋ, тат. bujčan 'высокий, рослый' и т. д.

Bazyk, видимо, отглагольное имя: < *baz-. Та же глагольная основа имеется, вероятно, в тур. диал. bazdyrma 'толстая лепешка', ср. bazalak 'маленький хлебец', bazlama, bazlamaş 'олады'. По той же структурной модели, что и тур. bazdyrma, образовано тат. и др. küptirmä 'большая лепешка из пресного теста' < küptir- < kür- 'пухнуть, вздуться'.

3. aslä 'старший, великий, высший, обширный, просторный, большой'.

В. Г. Егоров (Этсл., стр. 35) считает, что это слово восходит к арабскому اصل 'корень, основа, начало, происхождение', которому во многих тюркских языках обязано своим существованием asly 'благородный'.

Нам кажется более вероятным, что оно идентично с кум. esli 'взрослый, большой' < 'сообразительный, понятливый' < es 'ум, рассудок, память' > чув. as, ср. тат. диал. isli 'понятливый', баш. iθ—akūl 'сознание', разум'. Баш. диал. iθ — uš 'разум', баш. диал. iθli 'большой', ног. esli 'покойный, умный, рассудительный', узб. esli 'умный, понятливый, большой, старший (о детях, подростках)', у В. В. Радлова (Сл. I, стр. 884); чаг. äsli 'большой, сильный', караим. (крымский) 'взрослый'.

4. s'ilë 'гнев, ярость, злость'.

Это слово не вошло в Словарь В. Г. Егорова. М. Ряснен (VEWT, стр. 213) сопоставляет чув. s'ilë с данными якутского языка и алтайских диалектов. Так, в алтайском имеется глагол d'ü:l- 'сходить с ума', в якутском sū:l- 'быть во власти похоти (о жеребце, об оленем быке)'. Нам кажется, что чувашское s'ilë восходит к глаголу *s'il- < *žel- и скорее сопоставимо с тат. диал. žil- 'сердито кричать на кого-нибудь, иногда замахиваясь', тат. диал. jilkin- 'беситься', кум. jeli-, jelik- 'быть в крайнем

раздражении, беситься', кирг. *želik*- 'раззадориться, не зная удержу', ног. *jelik*- 'возбуждаться, беситься, приходить в ярость', ккал. *želik*- 'приходить в сильное возбуждение, выходить из себя (о человеке), горячиться (о лошади)', кирг. *želkin*- 'кричать все сильнее и сильнее'; сюда же, по-видимому, относится баш. *jilkin*- 'рваться, порываться', ср. еще туркм. *el* *перенос*. 'злоба, гнев, раздражение', *jel al*- 'разозлиться, прийти в негодование'.

5. *jëksëk* 'негодник, дрянь'.

Это слово этимологически связано с чув. *jëk* 'гад, гадина', которому соответствуют кирг. *žek*, тат. *žik*, хак. *šek* и т. д. 'ненависть, отвращение, презрение', сохранившиеся в сложном глаголе типа кирг. *žek kōr*- 'ненавидеть, презирать' и производных типа кирг. *žekte*- *ibid*. Чув. *jëk* ~ тюрк. *žek*, *žik* и т. д. сопоставимы и с алт. *d'ek* 'название группы злых духов', полов. *jek* 'черт, злой' (по К. Гренбеку, KWh, стр. 121 <инд. *jakkha*), др.-тюрк. *jek* 'демон' <ср.-перс. *jakkhā* (ДТС, стр. 253), по М. Рясанену (VEWT, стр. 194—195) <*je*:- 'есть'.

Jëksëk (ср. тув. *českek* 'нечистая сила') является производным от глагольной основы **jëksë*-, засвидетельствованной в ряде тюркских языков: тат. диал. *žiksi*- 'надоест, затруднять', *žiksin*- 'приедаться, ненавидеть', *žiksin*- 'считать недостойным для себя', *jiksin*- 'надоест', *žiksit*- 'надоедать, вызывать отвращение', баш. *jikhin*- 'приедаться, чувствовать отвращение', баш. диал. *jiksin*- 'приедаться', тув. *českin*- 'брезговать', в говорах западносибирских татар *jiksit*- 'обижать, притеснять'.

Чувашиское *jëk* восходит к какому-то *j*-диалекту, в древнечувашиском должна была бы существовать форма с начальным *ž* ~ совр. чув. *s'*. Сближение чув. *jëksëk* с др.-тюрк. *eksük* 'недостаток, убыток' (В. Г. Егоров, Этсл., стр. 77—78) <*eksü*- (ср. чув. *iksël*- 'убывать', *iksët*- 'убавлять') кажется нам необоснованным.

Сомнительна и этимология, приводимая в Словаре Н. И. Ашмарина (V, стр. 121): *jëksëk* <*jëk* 'гадина', *sek*- 'бодать, вонзить'—'жалящий гад'.

6. *taɣas* 'пожалуйста'.

Следует отметить, что это слово не вошло в «Этимологический словарь» В. Г. Егорова. Однако оно уже привлекало внимание исследователей. Так, М. Р. Федотов (Средства, стр. 33) возводит *taɣas* к глагольной форме *taɣāyas*, что, по справедливому замечанию М. И. Скворцова (Об арабско-перс. вкладе, стр. 149), маловероятно в связи с возникающими семантическими трудностями: глагол *taɣāx*- 'досадовать, сердиться, обижаться' и т. д.

Сам М. И. Скворцов возводит *taɣas* к араб. *ترخص*, представляющему, по его словам, пятую породу от глагола *رخص*. Однако это сближение кажется нам сомнительным по следующим причинам.

Во-первых, как правило, в тюркские языки попадали арабские причастия и масдары (например, *رخيص* и *رخصت* от этого же корня), а не спрягаемые формы глагола. Во-вторых, арабская форма имеет несколько иное звучание. В-третьих, значение арабской пятой породы 'быть дозволенным, быть допустимым' не так просто свести к чувашскому 'пожалуйста'.

Нам думается, что чувашское *taɣas* имеет в качестве источника персидское *درخواست* (*dār-xast*) 'просьба, требование, прошение', ср. чувашский глагол *taɣasla*- 'упрашивать, умолять' и приводимую у Л. Бу-

дагова (I, стр. 555) форму درخواست قيليق 'просить, требовать'. Фонетически *där-xast* > *tarγas* безупречно, так как в тюркских языках *st* > *s* в словах иранского происхождения общеизвестно (например, *dost* > *dos* 'друг' ~ чув. *tus* и т. д.).

Семантически: «просьба» > «прошу» > «пожалуйста» — также закономерно (ср. немецкие *Bitte* 'просьба', *bitten* 'просить', *bitte* 'прошу, пожалуйста').

В одном из татарских говоров отмечено *darkas* 'пожалуйста'², при этом указан и источник заимствования — персидский язык (ср. также тат. диал. *darkasla* — 'просить, умолять').

7. *astiv* — 'пробовать'.

Данное слово также не было включено в «Этимологический словарь» В. Г. Егорова. В словаре Н. И. Ашмарина (Сл. II, стр. 86) *astiv* приводится в гнезде *as* 'память', хотя, возможно, Н. И. Ашмарин и не связывал эти слова генетически. Иногда в источниках встречается написание *as tiv*-. Фонетическая структура глагола подсказывает, что он составной. При этом *tiv*- легко отождествляется с глаголом *tiv* — 'касаться, трогать' ~ общетюрк. *teg-*. Если привлечь данные киргизского, казахского и уйгурского языков, а также татарских говоров, где отмечены соответственно *o:z tij-* 'отведать, откусать, вкусить', *awyz tij-*, *eyiz täg-* и *awyz tij-* (в том же значении), то выясняется, что *as* в чувашском — это заимствование из какого-то тюркского языка (диалекта), где общетюркское *awyz* 'рот' ~ кирг. *o:z*, уйг. *eyiz* и т. д. > *as* (собственно чувашское слово со значением «рот» — *s'ävar*). *Astiv* — в чувашском языке стало синонимом глагола *tuDan-* 'пробовать'.

8. *peZeye* 'зоб'.

Приведенное слово В. Г. Егоров в своем «Этимологическом словаре» сопоставляет с тюркским *bötöke* и т. д., считая, по-видимому, чув. диал. *puDeGe* его фонетическим вариантом. Нам кажется, что *peZeye* и *puDeGe* восходят к разным источникам. Чувашское *peZeye* возникло, вероятно, из более раннего **büseye* (ср. баш. диал. *büðäyä*), являющегося, в свою очередь, производным от **büse* (баш. диал. *büðä*, *bühä*, тат. диал. *büsä*) < **bükse* (ср. баш. диал. *büðkä* 'зоб у птиц', *büksä* *ibid*, тат. диал. *büksä* 'зоб у птиц'). Форма же **bükse* восходит к более раннему **böksä*, ср. др.-тюрк. *böksäk* 'верхняя часть груди', *böksik* 'живот', тув. *böskek* 'грудь птицы' (ср. М. Ряснен, VEWT, стр. 84). С точки зрения развития значений «живот—грудь > зоб» ср. др.-тюрк. *kuruysak* 'желудок, живот', 'зоб птицы', туркм. *kurðak* 'грудь', тур. *kursak* 'зоб'.

Что касается чув. диал. *puDeGe*, то предложенное В. Г. Егоровым сопоставление этого слова с тюрк. *bötöke* и т. д., монг. *beteg* < *betege* является общепринятым.

9. *хатап* 'легко, здорово, обстоятельно', отсюда *хатаплан-* 'поправляться, выздоравливать', *хатап пол-* *ibid*.

Это слово, так же как и ряд предыдущих, не включено в «Этимологический словарь» В. Г. Егорова. Его можно сопоставить с баш. диал. *атап* 'цел и невредим', кум. *атап* 'невредимый, сохранный', ккал. *атап* 'благополучный, здоровый', каз., ног. *атап* *ibid*. и т. д. < араб. *أمان* 'безопасность, спокойствие'. Неэтимологический *х* (ср. *хатBar* 'амбар',

² «Татар теленең диалектологик сүзлегә». Казан, 1969, стр. 124.

хагāmZ'ă 'колдун' и т. д.), возможно, появился и под влиянием хапaп|| апап 'всегда, постоянно'.

10. хас 'колбаса, род колбасы из кобыльего мяса'.

Ср. др.-тюрк. казу 'брюшной конский жир и кушанье из него', тат. диал. (кашмовск.) азо 'домашняя колбаса из конины', ног. казу 'конская колбаса домашнего приготовления'. Алтайские параллели приведены у Н. Поппе (VGg, стр. 87, 96). В чувашском языке конечный *ă* утрачен, звуковой же состав (*a* и *s < z*) показывает, что хас является заимствованием из какого-то тюркского *z*-языка, так как в чувашском следовало бы ожидать *a > u* и *r*. М. Рясänen, вслед за Г. Рамstedтом, сопоставляет с общетюрк. казу чув. юг: в юг—вар 'приварок, всякого рода провизия, кроме хлеба' (VEWT, стр. 243, а также Lehnwörter, стр. 136).

11. хаЗа (устар.) 'наказание' < араб. قضاء 'юриспруденция, юстиция', 'выполнение, совершение', 'судьба, приговор'.

Это слово заимствовано многими тюркскими языками, а чувашским, вероятно, через посредство татарского, в котором В. В. Радлов (Сл. II, стр. 363) отметил значения «наказание божие, кара, наказание». О том, что слово хаЗа является довольно поздним заимствованием, свидетельствует его звуковая структура, в частности сохранение *a* в первом слоге.

В словаре В. Г. Егорова это слово не приводится.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Н. И. Ашмарин, Матер. — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.
 Н. И. Ашмарин, Сл. — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. I—IV. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
 Л. Будагов — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1869—1871.
 К. Грёнбек, KWb — K. Grönbech. Kommanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
 В. Г. Егоров, Этсл. — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
 Н. Поппе, VGr — N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
 В. В. Радлов, Сл. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
 Г. И. Рамstedт, Zur Frage — G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwasischen. — JSFOu, XXXVIII, Helsinki, 1922—1923.
 М. Рясänen, Lehnwörter — M. Räsänen. Die tschuwasischen Lehnwörter im Tscheremisschen. — MSFOu, XLVIII, Helsinki, 1920.
 М. Рясänen, VEWT — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
 М. И. Скворцов, Об арабско-перс. вкладе — М. И. Скворцов. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. — «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 39. Чебоксары, 1969.
 М. Р. Федотов, Исв I и II — М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, I — Чебоксары, 1965; II — Чебоксары, 1968.
 М. Р. Федотов, Средства — М. Р. Федотов. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963.
 ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 ССит — «Codex Sumanicus».

РЕЦЕНЗИИ

«ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972»

М., ИЗД-ВО «НАУКА», ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
1973, 412 стр.

Рецензируемое издание является третьим по счету ежегодным сборником из выпускаемых Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР. Сборник посвящен столетию со дня рождения замечательного русского тюрколога П. М. Мелиоранского и создан на основе докладов, прочитанных на III Тюркологической конференции (Ленинград, июнь 1969 г.).

Сборник открывается вступительной статьей А. Н. Кочонова «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология». Автор характеризует жизненный путь ученого, одного из талантливейших питомцев С.-Петербургского университета, в то время — общепризнанного центра отечественного востоковедения, анализирует основные направления его научной деятельности.

А. Н. Кононов подчеркивает особую ценность трудов П. М. Мелиоранского в области лингвистической и историко-филологической обработки и издания древнетюркских памятников арабского, рунического и уйгурского письма. П. М. Мелиоранскому принадлежат также труды по грамматике тюркских языков, фольклору, русско-тюркским языковым связям, историко-филологические работы, статьи по вопросам транскрибирования географических названий, рецензии.

Как справедливо пишет А. Н. Кононов, «несмотря на широкий диапазон своих научных интересов, а может быть, и благодаря им, П[латон] М[ихайлович] был и осознавал себя прежде всего тюркологом» (стр. 12). Он старался утвердить лингвистическое направление подготовки тюркологов, однако его ученики, как об этом с горечью писал В. В. Бартольд, продолжали традицию общепилологического направления.

Особого внимания тюркологов, прежде всего молодых, заслуживает замечание А. Н. Кононова о том, что «полный и решительный отрыв тюркского языкознания от истории, особенно от истории культуры

тюркоязычных народов, не принес успехов тюркологам» (стр. 17). А. Н. Кононов ставит в пример П. М. Мелиоранского — лингвиста, обладавшего глубокими знаниями тюрколога-историка, о чем свидетельствует «его блестящий историко-филологический комментарий к изданию и переводу „Памятника в честь Кюль-Тегина“, признанный эталоном лингвистического и историко-филологического исследования» (стр. 17).

Рецензируемый сборник состоит из трех разделов: «Языкознание», «Литературоведение и фольклористика», «Этнография и история».

Открывающая первый раздел статья Э. Р. Тенишева «П. М. Мелиоранский — языковед» в известной мере перекликается со статьей А. Н. Кононова. Однако главное внимание Э. Р. Тенишев уделяет анализу принципов и методов лингвистического исследования, применяемых П. М. Мелиоранским в его «Краткой грамматике казак-киргизского языка». Многие из этих принципов и методов по сей день используются в современном тюркском языкознании.

Одной из основных задач тюркологии П. М. Мелиоранский считал создание сравнительной грамматики тюркских языков «со всеми их многочисленными ответвлениями». Для выполнения этой задачи ученый наметил программу работ, указав основные, требующие изучения разделы грамматики и список необходимых источников.

В этом же разделе помещены две статьи, посвященные вопросам изучения тюркских письменных памятников. Как отмечалось выше, П. М. Мелиоранский придавал большое значение изданию и исследованию древнетюркских памятников, считая эту работу необходимым и важным этапом на пути создания задуманной им сравнительной грамматики тюркских языков.

А. М. Шербаков в статье «П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности» охарактеризовал вклад ученого в данную область тюркологии. О конкретных методах и путях исследования

П. М. Мелиоранским языка письменных памятников и полученных им при этом результатах можно судить по содержанию таких работ, как «Памятник в честь Кюль-Тегина» и «Араб-филолог о турецком языке». Эти работы наглядно показывают, как и в какой мере должны учитываться учеными факты письменных источников, результаты их сравнения и что должно быть исходным. П. М. Мелиоранским был сделан важный вывод о том, что использование памятников тюркской письменности в качестве источника для исследования истории языка во всех ее аспектах является оправданным и целесообразным.

Д. М. Насилов в статье «О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности» подчеркивает «необходимость изучения грамматических явлений тюркских языков, в том числе и языка памятников письменности, с учетом их системных связей» (стр. 64). Плодотворность системного подхода к изучению грамматических категорий в языке письменных тюркских памятников автор статьи стремится показать на примере анализа настоящего-будущего времени глагола в памятниках уйгурского письма.

К серии работ, включенных в сборник по истории тюркских языков, относится статья В. Г. Гузева «Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.». Автор считает, что хотя первые попытки изучения европейскими учеными тюркского языка Малой Азии относятся еще к XVI в., начало подлинно научному исследованию этой проблемы было положено работой В. В. Радлова о тюркских стихах в венской рукописи «Ребабнаме» Султана Веледа¹, опубликованной в 1890 г. Далее в статье в хронологической последовательности говорится о наиболее значительных работах в области тюркологии (в том числе и трудах П. М. Мелиоранского), являющих собой, по мнению В. Г. Гузева, главные вехи в истории исследования старобалканско-тюркского языка.

Как известно, П. М. Мелиоранскому принадлежит большая заслуга в исследовании тюркских заимствований в русском языке, что особенно ярко проявилось в связи с дискуссией относительно подлинности текста «Слова о полку Игореве». Тюркизмы в «Слове» привлекают пристальное внимание ученых и в наши дни. А. И. Попов в статье «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке» вполне правомерно ставит вопрос о том, что выводит П. М. Мелиоранского требуют сегодня известных поправок и дополнений, ибо за семьдесят лет, прошедших после появления первой статьи П. М. Мелиоранского, наукой накоплены новые данные как по

тюркским, так и по русскому и другим славянским языкам. Вместе с тем, подчеркивается автором, основные результаты, полученные П. М. Мелиоранским, не утратили своего значения по настоящее время.

Весьма интересны дополнения автора статьи к исследованным П. М. Мелиоранским тюркизмам *орыгма*, *кощей*, выявление им «замаскированных тюркизмов» в словах чисто русской формы типа древнерусского *попущеть*, а также попытка установить, является ли тюркизм *басты* именем собственным или нарицательным. Статья А. И. Попова еще раз убеждает, что тюркизмы в «Слове» относятся к элементам кыпчакского типа.

О том, что наследие П. М. Мелиоранского требует внимательного изучения, а его выводы введения в широкий научный обиход, говорится и в статье Г. Ф. Благовой «П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии». Другая статья того же автора «Вариантные заимствования *турок* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке»² посвящена вопросу становления обобщающего названия тюркоязычных народов в русском языке. Здесь Г. Ф. Благова дает подробный фонетический, морфологический и семантический анализ существовавших вариантов со ссылками на источники, первые из которых восходят к VI в. н. э. В русских летописях упомянутое обобщающее название появилось в 985 г. и сохранилось по настоящее время. Автор прослеживает эволюцию значений в русском языке слов *турок* ~ *тюрк* по данным крупнейших ученых и устанавливает период окончательного закрепления их в терминологических значениях.

Можно добавить, что слово «тюркология» закрепилось в языке уже в 20-х годах XX века, несмотря на то, что и в 30-е годы еще употреблялись недифференцированные *турок* ~ *тюрк* (ср., например, «Первый тюркологический съезд», а не «тюркологический»; «Всесоюзный центральный комитет Нового тюркского алфавита» и т. д.).

В тюркологии эти термины уже не смешиваются, однако за ее пределами подобное явление наблюдается, что и подчеркивается Г. Ф. Благовой.

Первой в разделе «Литературоведение и фольклористика» помещена большая статья В. М. Жирмунского «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“», посвященная изучению широко распространенного у тюркоязычных народов, в особенности у кыпчаков, эпоса «Эдиге» (в транскрипции В. М. Жирмунского — «Едигей»). Значение этой работы выходит за пределы литературоведения и фольклористики, ибо в ней затрагиваются вопросы истории тюркоязыч-

¹ W. Radloff. Über alttürkische Dialekte, I. Die Seldschukischen Verse im Rabâb-Nâmeh. — «Mélanges asiatiques». St.-Pbg., 1890, X, 1.

² См. также статьи Г. Ф. Благовой о наименованиях тюрков в русском языке: «Советская тюркология», 1973, № 4; «Вопросы языкознания», 1974, № 1.

ных народов и истории тюркских языков. Автор строит статью на сравнительном сопоставлении содержания эпоса с данными исторической науки. Работа В. М. Жирмунского, так же как помещенная в этом же разделе статья А. Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым», представляет собой редкий образец историко-филологического исследования, характерного для эпохи П. М. Мелиоранского и, увы, столь редко встречающегося в настоящее время.

Особого внимания лингвистов и фольклористов заслуживает вывод В. М. Жирмунского о том, что «оригинал рукописи Валиханова, опубликованный П. М. Мелиоранским, и русский перевод Валиханова, впервые опубликованный в его сочинениях, до сих пор остаются наиболее надежным источником для изучения сказания («Эдиге» — К. М.) как по филологической тщательности текста, так и по близости содержания варианта к предполагаемому архетипу» (стр. 143).

Как нам представляется, кыпчакское происхождение «Эдиге» не вызывает сомнений, поскольку поэма была записана в разное время именно у кыпчакских народов: казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, ногайцев, туркмен (саинхановских), башкир, у тюркских народов степного Крыма, Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев), на что указывает и В. М. Жирмунский. По данным автора, к настоящему времени опубликовано свыше тридцати текстов сказания, из которых пятнадцать дошли до нас только в переводах и переказах.

В весьма содержательной статье В. М. Жирмунского имеются, однако, и некоторые неточности.

Так, наблюдается смешение исторических и современных этнических терминов. Говоря, например, на стр. 175 об этнониме «ногай», автор без всяких оговорок утверждает, что современные ногайцы и «ногайцы», упоминаемые в эпосе, — один и тот же народ. К сожалению, смешение современного и исторического значений того или иного этнонима в современной литературе не редкость. Многие авторы не учитывают того обстоятельства, что национальное размежевание тюркоязычных народов произошло сравнительно недавно, в то время как тюркские этнонимы употреблялись еще в далеком прошлом. Подобное смешение значений этнонимов зачастую приводит к научно необоснованным выводам. Можно привести немало примеров различия между историческими и современными омонимичными этнонимами (ср., например, современные «казах», «киргиз» с историческими «казах», «казак», «кайсак», киргиз» и т. д.).

Вряд ли убедительна этимология слова *Эдиге*, предложенная В. М. Жирмунским (стр. 179); гораздо ближе к истине, на наш

взгляд, этимология, данная А. Н. Самойловичем (стр. 188).

Трудно также согласиться с мнением В. М. Жирмунского о том, что первый компонент имени *Супра-Джирау* (точнее *Сыпыра-жырау*. — К. М.) происходит к арабскому *сафар* (стр. 184). Думается, что обе части собственного имени тюркского происхождения: казах. *сыпыра* образовано от глагола *сыпыр* — «сгребать, загребать, подметать» и означает «начисто», «целиком и полностью»; *жирау* — «певец-импровизатор» образовано от *жыр* — «песня, поэма». Таким образом, *Сыпыра-Джирау* — «певец-импровизатор, достигший высшего мастерства».

Весьма интересна высказанная В. М. Жирмунским мысль о том, что рассказ о детстве Эдиге напоминает известный на Востоке с глубокой древности сюжет о мальчике-пастухе, избранном сверстниками царем и вершащим правосудие, посрамляя вельмож.

В. М. Жирмунскому удалось показать, что «развитие эпического предания шло в направлении все большего ослабления его исторических элементов, потерявших опору в общественной действительности и исчезнувших из народной памяти вместе с поразившими их историческими событиями и отношениями времен Золотой Орды и Тимура» (стр. 185).

Сравнительному исследованию вариантов сказания об Эдиге посвящена упоминавшаяся выше большая статья А. Н. Самойловича — «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым». Статья эта, хранившаяся до последнего времени в архиве Л. Залая, была передана редколлегии Х. Х. Ярмухаметовым и подготовлена к печати С. Г. Кляшторным.

Как пишет А. Н. Самойлович, он еще в 1911 г. предложил студентам следующую тему на соискание медали: «Сравнить известные версии сказания об Эдигее и Тохтамыше со стороны языка, поэтической формы и содержания и дать сводный текст сказания на русском языке» (стр. 186).

Подробно анализируя различные точки зрения на происхождение сказания, А. Н. Самойлович еще до В. М. Жирмунского подчеркивал, что «история Золотой Орды имеет отношение к истории ряда современных народов СССР, и отзвуки золотоордынской истории мы находим в истории и в исторических источниках поволжских татар, башкир, чувашей, ногайцев, крымцев, туркмен (саинхановские туркмены), каракалпаков, узбеков, казахов, русских и др. Сказание об Едигее и Тохтамыше представляет поэтому особый интерес для читателей большинства республик Советского Союза» (стр. 190).

Как и В. М. Жирмунский, А. Н. Самойлович соглашается с мнением С. Сейфуллина, настаивавшего на наличии «внутренней связи истории казахов и ногайцев и их эпоса, а это позволяет сделать вывод, что сказание об Едигее и другие ногайские сказа-

ния исторически являются общим достоянием не только ногайцев, но и казахов, каракалпаков и других народов, история которых связана с историей обширной Золотой Орды» (стр. 191).

Сравнивая различные варианты сказания об Эдигее (особенно западносибирский вариант, записанный Н. Хакимовым у Сыдык-бабая) с казахским, А. Н. Самойлович пишет: «Казахский отрывок производит впечатление более старого, чем отрывок Сыдык-бабая. Именно в казахском отрывке наблюдаются еще отсутствующие в отрывке Сыдык-бабая следы собственной старинному стихосложению и встречающейся в других местах варианта Сыдык-бабая аллитерации» (стр. 207). Несомненно, это обстоятельство представляет особый интерес для казаховедов — фольклористов и лингвистов. Фронтальное исследование ими существующих казахских вариантов сказания об Эдигее в сравнении с вариантами на других тюркских языках имело бы важное значение для изучения истории языка и литературы как казахов, так и других тюркоязычных народов.

Для лингвистов весьма важно замечание А. Н. Самойловича о том, что «основное наше внимание должно привлекать стихотворные части сказания об Эдигее, по сравнению с прозаическими частями наименее подверженные изменениям и искажениям и представляющие собой поэму в той или иной степени наиболее старые, по-видимому, иногда многовековой давности образцы устной художественной литературы потомков многоплеменного населения Золотой Орды» (стр. 202).

К сожалению, в работе А. Н. Самойловича, так же как и в статье В. М. Жирмунского, нет четкой дифференциации этнонимов в их современном и историческом содержании.

Нельзя также не отметить, что в статье замечательного ученого допущен ряд ошибок в текстах, зачастую затрудняющих их чтение и понимание; например, вместо *Ваьаь сыьаь сыв саьрас* должно быть *Ваьаь сыьаь сывсаьрас* (стр. 206) и т. д.

Внимания читателей заслуживают также приложенные к статье А. Н. Самойловича заметки: *Ф. Т. Валеева* о Ситдыке Магднеевиче Зайнитдинове (у А. Н. Самойловича — Сыдык-бабай) и *Л. В. Дмитриевой* «Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе „Едигей“ в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР».

П. М. Мелюранский был не только исследователем, но и собирателем фольклора. Анализ собранных им и изданных в 1893 г. казахских пословиц, поговорок и загадок посвящена небольшая статья *Н. С. Смирновой*. Автор обращает внимание читателей на сочетание филологического и этнографического принципов в примечаниях П. М. Мелюранского, что в дальнейшем нашло продолжение в работах по казахско-

му фольклору А. Дивасва, Н. Пантусова, Б. Шитникова и др.

Вопросы тюркской поэзии рассматриваются в двух статьях сборника. *И. В. Стеблева* в статье «О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии» подвергла анализу трактат Алишера Навои «Мизан ал-авзан», являвшийся в течение нескольких веков основой тюркской поэтической школы классического периода. Сравнивая этот труд с сочинением Мухаммада Бабура «Трактат об арузе», И. В. Стеблева приходит к ряду весьма интересных выводов. Так, она пишет: «Сам факт приспособления тюркских поэтических форм к метрам аруза свидетельствует о попытках ввести их в обиход классической поэзии» (стр. 219).

В своем сочинении об арузе «Мизан ал-авзан» Алишер Навои упоминает семь тюркских поэтических форм, не входящих в канонический аруз, и указывает размеры, использовавшиеся при их сочинении. В «Трактате об арузе» Бабура приводятся пять тюркских поэтических форм, не относящихся к каноническому арузу. Обращение к памятникам тюркской письменности древнего периода позволяет И. В. Стеблевой утверждать, что «устойчивое бытование одних и тех же ритмических структур» обусловлено «их тождеством или сходством с ритмическими структурами, существовавшими вне аруза и, следовательно, более древними, чем аруз» (стр. 223). Сопоставляя поэтические тексты «Дивана» Махмуда Кашгари с некоторыми орхон-енисейскими текстами, автор приходит к заключению, что в ритмике стихов из «Дивана» наблюдаются аналогии с ритмикой древнетюркских поэтических произведений. В конце статьи приводится перевод отрывка из «Мизан ал-авзан».

Статья *Л. Ю. Тугушевой* «Поэтические памятники древних уйгуров» посвящена классификации и анализу памятников VIII—XIII вв., опубликованных в свое время В. Бангом, А. фон Лекоком, А. фон Габен, Б. Аратом и другими. Автор рассматривает: 1) произведения, созданные в манихейской среде, относящиеся к более раннему периоду (самые поздние из них датируются X веком); 2) произведения буддийского содержания, составляющие основную часть известных в настоящее время древнеуйгурских сочинений; 3) произведения, созданные в мусульманской среде, большей частью светского содержания, носящие дидактический характер и в значительной мере сближающиеся с фольклором. Анализ, проведенный Л. Ю. Тугушевой, показывает, что древнеуйгурские стихотворные произведения, разнообразные по форме и содержанию, представляют собой достаточно самобытное явление и свидетельствуют о весьма развитой в то время технике стихосложения. Они отражают определенный этап в развитии тюркской поэзии.

Третий раздел сборника хоть и назван «Этнография, история», но в его статьях в той или иной степени рассматриваются также проблемы языкознания и эпиграфики.

Раздел открывается статьей С. Г. Кляшторного «Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии». Автор указывает, что «наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркская руническая эпиграфика Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана (к ней примыкают и согдийские надписи), датируемая VI—XI вв., и древнеуйгурская литература Восточного Туркестана, зародившаяся в VIII—IX вв.» (стр. 259—260).

Как известно, В. В. Бартольд был противником теории, утверждавшей, что якобы дальневосточная культура почти не подверглась западному влиянию и народы, жившие на территории Монголии, испытывали влияние лишь китайской культуры. Веским доводом против этого В. В. Бартольд считал существование как у тюрков VIII в., так и у монголов XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения.

С. Г. Кляшторный, обследовавший в 1968—1969 гг. в Монголии 51 тюркскую и 2 согдийские надписи, считает, что «руническая письменность в Монголии не является локальным для какой-либо части страны явлением, а распространена во всех районах обитания древнетюркских племен, вплоть до Южной Гоби. Характер надписей убеждает, что письменность пользовалась достаточно широко, а отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительный круг людей, владевших письмом» (стр. 262). Автор подчеркивает, что «идеологическая жизнь тюркского общества VI в. отнюдь не была столь примитивной, как иногда постулировалось» (стр. 263).

Чтение памятников на месте обнаружило много неточностей в воспроизведении текстов и их частей, выявило немало ошибок исследовательского характера. С. Г. Кляшторный приходит к заключению, что «изучение древнетюркских памятников теперь находится на той ступени развития, когда необходимо критическое переиздание и составление свода всех известных текстов — „Корпуса древнетюркских надписей“» (стр. 264).

С. Г. Кляшторный представлен в сборнике еще двумя статьями: «Монета с рунической надписью из Монголии» и (в соавторстве с Ф. Х. Арслановой) «Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья», в которых дана дешифровка надписей с комментариями исторического характера.

А. Д. Грач в статье «Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла» останавливается на позитивных достижениях в этой области и подвергает критике гипотезу М. Х. Маннай-оола, относящего указанные

изображения к скифской эпохе. Одновременно автор ставит вопрос о важности исследования петроглифов, отмечает необходимость их дальнейших поисков, классификации и картографирования и др.

Большой интерес для историков, этнографов, лингвистов представляет статья Л. П. Поганова «Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных», которую можно рассматривать как «опыт изучения религиозных верований древних тюрков по этнографическим данным, а также попытку подтвердить лишний раз историкоэтнографическое значение этих материалов для этногенеза современных тюркоязычных народов СССР» (стр. 265). Автор основывает свои суждения на поразительной устойчивости религиозных представлений древних тюрков.

С. М. Абрамзон в статье «Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье» предлагает стройную схему развития форм семьи в указанных ареалах.

По мнению автора, процесс перехода к патриархальному типу семьи происходит в так называемую карасукскую эпоху (1200—700 гг. до н. э.). Укрепление же патриархальной большесемейной общины как господствующего типа семейных отношений С. М. Абрамзон относит к так называемой тагарской («скифской») эпохе, которую применительно к Семиречью и Тянь-Шаню принято называть эпохой сакского племенного союза (VII—III вв. до н. э.). Переход к господству малой семьи автор склонен датировать V—VI вв. Некоторую настороженность вызывает у читателя замедленная эволюция форм семьи, отраженная в схеме автора. Возможно, новые археологические находки подтвердят или уточнят созданную С. М. Абрамзоном схему и датировку этапов возникновения форм семьи у тюрков.

Древней истории тюркских этносов посвящены три статьи этого же раздела. Д. Г. Саянцов в статье «Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время» на основе анализа исторических и археологических данных предлагает интересные гипотезы и выводы. Так, например, он полагает, что смена обряда погребения у древних тюрков «очевидно, отражает своего рода варваризацию населения окрестностей древнетюркского государства при сохранении обычая трупосожжения в элите этого общества» (стр. 343), что «в VIII в. появляется значительное количество погребений, совершенных по смешанному обряду, отражающих, очевидно, интенсивные этнические связи в этот период» (стр. 346) и т. д. С некоторыми положениями автора хотелось бы, однако, поспорить. Например, он утверждает, что «в Туве и на Алтае в претюркское время сожжение покойника никогда не практиковалось» (стр. 341). Та-

кой вывод отражает скорее сегодняшние наши представления, и вряд ли можно считать его окончательным, даже с учетом того обстоятельства, что у тюрков-тугов обряд группосожжения был характерен не только для высшей знати, но и для всех слоев населения. Об этом упоминается на стр. 364 сборника в статье Ю. И. Трифонова «Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугов)», где дан подробный анализ существующих точек зрения по рассматриваемому вопросу. Автор рисует гораздо более сложную, чем это представлялось раньше, историко-археологическую картину Алтая, считавшегося многими учеными местом зарождения обряда погребения с конем.

Анализируя исследования своих предшественников, Ю. И. Трифонов приходит к ряду весьма интересных выводов, главным из которых является следующий: «Обряд погребения человека с конем в скифское (VII—III вв. до н. э.) и более позднее (II—IV вв. н. э.) время был характерен не только для племен Алтая, но и для племен других территорий (Казахстан, Тува — скифское время, Верхняя Обь — II—IV вв. н. э.). Существовал он на Алтае и непосредственно в претюркский период (памятники берельского типа — IV—V вв.), до прихода сюда тюрков-тугов» (стр. 374).

Статья Р. А. Гусейнова «Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье» построена на основе данных письменных источников и топонимии. Это позволило автору сделать вывод о том, что в тюркских этнических группах в Закавказье в течение XI—XII вв. происходили значительные изменения в связи с переселением на эти территории тюркоязычных племен, что оказало влияние на ход последующих исторических событий (стр. 381).

Вопросы поздней истории Турции освещены в статье А. Д. Новицева «Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект», где рассматриваются последствия исторической реформы Мустафы Решид-паши. Автор подчеркивает, что эта реформа, имевшая благоприятный для Турции внешнеполитический резонанс в западных странах, не вызвала изменения политической ситуации внутри страны.

В сборнике дан также список трудов П. М. Мелноранского и литературы о нем, составленный Н. А. Дулиной.

В целом «Тюркологический сборник. 1972» составлен из интересных исследовательских работ и не может оставить равнодушным читателя, интересующегося вопросами тюркологии.

К. М. Мусаев

Н. З. ГАДЖИЕВА. ОСНОВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1973, 408 стр.

До настоящего времени в тюркологии не было специальных работ, посвященных исследованию синтаксиса тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте. Выход в свет рецензируемой капитальной монографии Н. З. Гаджиевой восполняет этот пробел, в чем и заключается ее главное значение.

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения.

Введение знакомит читателя с состоянием и существующими методами изучения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков. Особо останавливается автор на реконструкции древних типов различных синтаксических единиц, использовании общетюркских письменных памятников и памятников отдельных тюркских языков.

Как известно, среди тюркологов нет единого мнения в понимании таких основных синтаксических категорий, как слово-

сочетание и предложение, причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции. Н. З. Гаджиева коротко характеризует существующие в тюркологии различные точки зрения по этим вопросам.

Н. З. Гаджиева подвергает критике тех, кто считает, что структура тюркской речи имеет именной характер. При этом она справедливо отмечает, что сторонники этой точки зрения «отождествляют *verbum finitum* с причастиями» и «не учитывают состоявшегося процесса лексического и грамматического переосмысления причастий, деепричастий в *verbum finitum*» (стр. 15).

В разделе «Основные методы исследования истории синтаксических единиц» автором подробно анализируются труды советских и зарубежных ученых в области сравнительно-исторического, а также исторического синтаксиса и четко формулируются конкретные методы и приемы исследова-

ния сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков.

Возражая против существующего в компаративистике мнения о невозможности применения сравнительно-исторического метода к изучению синтаксиса и не отрицая при этом, что «реконструкция синтаксических единиц связана со значительными трудностями», автор утверждает: «...в области синтаксиса также возможна реконструкция. Основная ее особенность состоит в реконструкции семантического типа конструкции и ее морфологической опоры» (стр. 40).

Н. З. Гаджиева предлагает следующие приемы синтаксической реконструкции: 1) определение семантического типа «отобранной для исследования синтаксической конструкции, которая может быть словосочетанием, предложением или каким-нибудь типом сложного предложения» (стр. 40); 2) «определение конкретной структурной модели выбранного семантического типа с учетом характера так называемой морфологической опоры этой модели» (стр. 41); 3) выявление степени распространенности этой модели в родственных языках (стр. 41); 4) обязательное сочетание реконструкции синтаксической единицы с морфологической реконструкцией (стр. 42).

В первой главе «Словосочетания в тюркских языках и их история» (стр. 59—154) подробно анализируются на богатом конкретном материале атрибутивные и глагольные словосочетания. В основу классификации всех рассматриваемых здесь типов словосочетаний положена их семантика и составляющие их части речи. При этом учитывается следующий принцип структурной организации как именных, так и глагольных словосочетаний: главный, формирующий член — зависимый, подчиненный член. Согласно этому принципу среди атрибутивных словосочетаний выделяются сочетания, зависимый член которых выражен числительным, местоимением, прилагательным, причастием, инфинитивом на *-ырга*, а главный член — существительным.

В особую группу определительных словосочетаний автор выделяет изафетные конструкции, в которых оба компонента выражены именем существительным. Следуя общепринятой традиции, автор делит изафет на три типа, отдельно анализируя каждый. Заслуживает особого внимания попытка автора установить хронологию функционирования каждого типа изафета, причем историческое развитие трех типов изафета в плане как семантики, так и структуры прослеживается в их взаимосвязи.

Подробно рассматриваются автором случаи употребления в древнетюркских памятниках и современных тюркских языках 1-го типа изафетных словосочетаний вместо 2-го и 3-го типов, что автор справедливо объясняет «древностью 1-го типа изафета» (стр. 110). На основе проведенного ею соответствующего анализа Н. З. Гаджиева выдвигает

воплне обоснованное, на наш взгляд, предположение о том, что «употребление изафета II для выражения родовой категориальности является, очевидно, вторичным», а «наиболее архаичным значением у изафета II было выражение принадлежности» (стр. 117). Не вызывает возражений и утверждение, что 3-й тип изафета «появился позже 1-го и 2-го типов», и поэтому «его можно отнести к наиболее позднему периоду общетюркской праязыковой общности» (стр. 121—122).

Далее рассматриваются три основные группы глагольных словосочетаний (главный член — глагол, зависимые члены — соответственно имя, наречие, различные инфинитивные образования).

В данной главе Н. З. Гаджиева нередко останавливается на вопросах этимологии, границ распространения, а иногда и семантического развития аффиксов, выступающих в составе одного из компонентов (главным образом «зависимого члена») именных и глагольных словосочетаний. Это позволяет автору высказать целый ряд большей частью обоснованных предположений о степени древности и истории развития тех или иных словосочетаний.

Во второй главе (стр. 155—206) рассматриваются простые предложения, причем автор считает важным объектом сравнительно-исторического исследования «те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность своего развития» (стр. 155). «Область подлежащего», по мнению Н. З. Гаджиевой, оказалась исторически устойчивой, тогда как «область сказуемого» претерпела исторические изменения за счет и развивающихся глагольных времен, и связочных средств» (стр. 155). Учитывая это обстоятельство и исходя из того, что «грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения» (стр. 155), автор в специальных разделах рассматривает следующие типы простых предложений: именное предложение (стр. 156—169), глагольное предложение (стр. 169—198), безличные предложения (стр. 199—201), а также вопрос о согласовании в лице и числе (стр. 201—206). Значительное внимание уделено в главе выявлению и анализу случаев употребления именного сказуемого с личным оформлением и без него. Автор считает, что «во всех тюркских языках личное оформление может отсутствовать у именного сказуемого любого грамматического разряда в 3-м лице. В ряде языков аффикс сказуемости 3-го лица опускается независимо от стиля речи» (стр. 157). Далее, однако, Н. З. Гаджиева пишет: «Трудно сказать, чем вызвана эта закономерная тенденция разрушать сказуемое личное окончание в 3-м лице — возможным ли влиянием иноязычной среды или какими-либо другими причинами» (стр. 158). На наш взгляд, причину этого явления следует искать в самих тюркских языках: если учесть, что

примыкание — древнейший способ сочетания слов в тюркских языках, то нетрудно установить, что именное предложение в тюркских языках исторически развивалось от простого примыкания личных местоимений и имен к присоединению к последним связки. В пользу этого предположения говорят следующие факты: 1) именное предложение без связки в 3-м лице имеется во всех современных тюркских языках, иначе говоря, носит общетюркский характер; 2) именное предложение без связки встречается не только в 3-м, но также в 1-м и 2-м лицах; 3) аффиксы сказуемости образовались от личных местоимений; 4) данная синтаксическая модель зафиксирована в ранних тюркских письменных памятниках; 5) в азербайджанском языке именное предложение без связки представлено особенно широко в пословицах и поговорках, которые, как известно, имеют древнее происхождение и сохранили поэтому древние языковые особенности. Таким образом, случаи употребления в современных тюркских языках именного предложения без связки не следует квалифицировать как опущение аффикса сказуемости 3-го лица (стр. 157) или же как «тенденцию разрушения сказуемого личного окончания в 3-м лице» (стр. 158).

Успешным следует признать проведенное автором во второй главе исследование происхождения связки *ä/e-i-* в тюркских языках и процесса ее вытеснения. На основе сравнительного анализа богатого фактического материала древних и современных тюркских языков Н. З. Гаджиева выявляет целый ряд грамматических аналогов (не менее семи образований) связки *ä*, «благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена» (стр. 166).

Нельзя не согласиться с автором в том, что «в пратюркской языковой общности наряду с моделью именного предложения существовала уже и модель глагольного предложения» (стр. 169). Рассматривая в хронологическом порядке все модели глагольных предложений, в которых сказуемые выражены временными формами и формами наклонений, Н. З. Гаджиева определяет степень распространения этих моделей в тюркских языках, приводит факты употребления их в древнетюркских письменных памятниках и высказывает предположение о возможности отнесения той или иной модели к эпохе пратюркской общности.

В разделе, посвященном безличным предложениям, анализируются четыре общетюркских способа выражения безличных предложений. В последнем разделе второй главы рассматривается вопрос о согласовании в лице и числе. Автор, исходя из того, что согласование в лице в тюркских языках проводится довольно последовательно, полагает, что оно относительно древнего происхождения, а «согласование в числе между подлежащим и сказуемым имеет

много условностей и ограничений» (стр. 201).

Самой большой в книге является третья глава «Примыкание как наиболее древний способ связи простых предложений, обусловивший явление трансформации» (стр. 207—334). На конкретных фактах автор показывает роль примыкания как древнейшего способа выражения синтаксических отношений. Подробно анализируя данные памятников, а также фольклорных материалов, автор характеризует почти все виды сочинительных и подчинительных отношений (перечислительная интонация, пояснительная связь и др., объективное и определенное отношения, временное отношение действий, причинно-следственные отношения и т. д.), передающиеся примыканием двух простых предложений (стр. 208—210).

Здесь рассматривается способ трансформации, «то есть известного преобразования одного предложения в целях выражения его подчинительного отношения (разрядка наша. — М. Р.) к другому» (стр. 212). Охарактеризовав процесс трансформации (стр. 212), автор утверждает, что трансформации, обусловленной действующей тенденцией к созданию из двух предложений одного, в большей степени подвергаются глагольные предложения, что сопровождается ослаблением глагольности: «а) превращением *verbum finitum* в причастие, деепричастие, где глагольность достаточно сохраняется, б) превращением *verbum finitum* в глагольное имя, где глагольность сильно ослаблена» (стр. 213). В данном разделе приводится целый ряд различных доказательств того, что «зависимые трансформы представляли некогда самостоятельные предложения» (стр. 215—221). Автор считает, «что трансформированная конструкция по природе своей — образование гибридного характера. Здесь есть и доля предикативности, и доля интонационной завершенности и относительной самостоятельности мысли» (стр. 236). Поэтому эти конструкции Н. З. Гаджиева называет не предложениями или развернутыми членами, а «зависимыми трансформами».

Автором выявлены существующие в тюркских языках зависимые трансформы, представляющие собой в основном конструкции с такими формирующими членами, как *-ган, -ан, -на, -дыг, -тах, -мыш, -ма, -мак, -ым, -ыгма, -ыш, -(ы, а)р, -ачак, -а, -у, -асы, -ыб, -са, -сар, -сан*.

Каждая из этих конструкций рассматривается в книге отдельно, с подробным описанием семантических оттенков, степени распространения в тюркских языках, случаев функционального расширения или сужения. Автор приводит также существующие в тюркологической литературе этимологии указанных форм («формирующих членов»), высказывая при этом и свою точку зрения по данному вопросу. Следует отметить, что Н. З. Гаджиева стремится выявить причи-

ны расширения или сужения функционирования той или иной формы в ареальном масштабе, и, надо сказать, в большинстве случаев ее выводы являются обоснованными. Так, убедительно объяснены причины и основные исторические факторы, вызвавшие стабилизацию причастной формы *-ган/-кан* в кыпчакских, *-ан* — в огузских языках. справедливо подчеркивается значение конкурирующих синонимичных форм в данном процессе (стр. 282).

Второму способу образования сложного предложения—соединению «простых предложений в сложные путем союзов и союзных слов» (стр. 335) посвящена последняя, четвертая глава книги (стр. 335—390).

Одним из важных результатов проведенного в монографии сравнительно-исторического исследования синтаксиса тюркских языков следует считать выявление семантической основы развития союзных предложений. Сюда автор относит противительное значение и характер временного соотношения действий.

В соответствующих разделах этой главы рассматриваются 61 сочинительный (стр. 337—347) и 81 подчинительный союз (стр. 347—366), употребляющиеся в современных тюркских языках, их диалектах и говорах, а также зафиксированные в письменных памятниках. На основе анализа конкретных фактов автор показывает сферу распространения союзов в тюркских языках, выявляет их значения и синтаксические особенности.

Процесс образования союзов прослеживается в специальном разделе «Происхождение союзов в тюркских языках» (стр. 366—379). Здесь анализируются почти все источники развития союзного способа подчинения в тюркских языках. Одним из основных источников развития союзов автор считает союзную функцию усилительных частиц, хронологически относящихся «к довольно раннему периоду тюркской общности» (стр. 366). Примечательно, что Н. З. Гаджиева сумела выявить именно те функции усилительных частиц, которые служили образованию союзов, и на конкретных фактах показать сам процесс превращения различных усилительных частиц (*да, дэ; ки*) в союзы.

К другим источникам образования союзной связи автор справедливо относит: 1) «местоименные и наречные слова в их относительном использовании» (стр. 373); 2) «слова с временным значением, подвергающиеся процессу лексической изоляции» (стр. 374); 3) «морфологически изолированные образования, связанные с формой условного наклонения» и другими глагольными формами, получившие союзную функцию; 4) «союзные речения», 5) послелоги, используемые в тюркских языках в качестве основной связи (стр. 375); 6) союзы, заимствованные из арабского и персидского языков (стр. 376).

Одним из важных достижений в разработке данного вопроса мы считаем имеющий общетюркологическое значение вывод автора о том, «что союзный способ выражения подчинения не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне. Для развития союзного способа подчинения условия были заложены в самой структуре тюркских языков (разрядка наша. — М. Р.), в недрах простого предложения, как одной из наиболее ранних синтаксических единиц, в развитой системе разного рода частиц» (стр. 372).

Подробно проанализировав значения союза *ки* на почве самих тюркских языков в сопоставлении с персидским, автор вполне справедливо отвергает существующее в тюркологии предположение о чисто иранском происхождении союза *ки*, широко представленного в тюркских языках южной группы (стр. 372).

Рассмотрев почти все случаи употребления союза *ким*, Н. З. Гаджиева высказывает весьма убедительное мнение о том, что «союзы *ки* и *ким*... различны по своему происхождению, но в условиях общности семантики они выработали много одинаковых функций и участвуют во многих синонимичных конструкциях» (стр. 360).

Данная глава имеет не только научно-теоретическое значение для сравнительно-исторического исследования тюркского синтаксиса, но и содержит также прекрасный сравнительный материал для изучения истории развития союзов в конкретных тюркских языках, особенно в языках со старой письменной традицией.

В заключительном разделе четвертой главы подробно рассматриваются те случаи в развитии синтаксической структуры тюркских языков, «когда оба пути развития подчинительных отношений — трансформация и союзный способ — скрещиваются, давая разнообразие смешанные типы построений» (стр. 379—390).

Книга Н. З. Гаджиевой, на наш взгляд, не свободна и от недостатков. На некоторых из них мы позволим себе остановиться.

Говоря о сочетаниях типа *bizim ev* 'наш дом' вм. *bizim evimiz*, автор отмечает, что «этот тип словосочетаний встречается преимущественно применительно к 1-му лицу, гораздо реже ко 2-му лицу и совсем не встречается в 3-м лице» (стр. 69). Между тем в азербайджанском языке это сочетание в одинаковой степени употребляется как в 1-м, так и во 2-м лице (*bizim ev, sizin ev; bizim kitab, sizin kitab* и др.). А в некоторых говорах азербайджанского языка данный тип сочетания употребляется и в 3-м лице, ср. *onun guz* 'его дочь' вм. *onun guzy; onlaryn kyz* 'их дочь' вм. *onlaryn kyzy* и др.¹ В свете этих фактов трудно со-

¹ См.: М. Ш. Ширэлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962, стр. 299.

гласиться с автором в том, что форма *атым* 'моя лошадь' более древняя, нежели *мишец атым* (стр. 70).

Неубедительно высказывание автора о том, что «афф. *-кы/-ки* в составе прилагательных, например *тат. язгы* 'весенний', *кыш-ки* 'зимний' и омонимичный аффикс, сопровождающий формы родительного и местного падежей, имеют различное происхождение. В последнем случае афф. *-ки* может быть генетически связан с усиленной частицей *ки*» (стр. 84). Ссылка автора на «артиклевое значение» *-ки* также не оправдана, поскольку в приведенном примере из татарского языка (*авылдагы колхоз*) основная функция данного аффикса отнюдь не заключается в выражении артиклевого значения, которое передается в контексте посредством логического ударения, что свойственно и другим тюркским языкам.

В книге верно отмечается, что во многих тюркских языках кыпчакской группы винительный падеж после аффиксов принадлежности принимает показатель *-н* (стр. 127). Однако это явление не ограничено только кыпчакскими языками, а распространяется и на огузскую группу, в частности на азербайджанский язык, его письменные памятники, диалекты и говоры.

Вызывает серьезное возражение попытка автора объяснить причину широкого распространения в тюркских языках (особенно в южных) придаточных конструкций со сказуемым в оптативной форме влиянием арабского, а затем и персидского языков (стр. 151—152). При этом Н. З. Гаджиева исходит в основном из того, что в арабском языке «нет формы инфинитива и в целевых конструкциях инфинитиву везде соответствуют личные формы глагола» (стр. 152). При решении данного вопроса следует учитывать в первую очередь широкие семантические функции оптативной формы на *-а, -э*, среди которых значение цели одно из главных, особенно в огузских языках, где параллельно употребляются инфинитивная и оптативно-целевая конструкции, причем одна из них распространена главным образом в письменном литературном языке, а другая — в разговорной речи. Это подтверждается также относительной семантической «универсальностью» формы на *-а, -э*, связанной со спецификой ее исторического развития в огузских языках.

Автор справедливо указывает на один из общетюркских способов выражения различных предложений, при котором «предикат стоит в 3-м лице единственного числа» (стр. 199). Однако в примерах, взятых из турецкого и туркменского языков, безличное содержание передается благодаря тому, что глаголы-сказуемые этих соответствующих предложений употребляются в страдательном залоге, ср. *агалар ти и гурулмалы* (стр. 199).

Для подтверждения «превращения *verbum finitum* в дееспричастие для создания

грамматических аналогов обстоятельственных (разрядка наша. — М. Р.) придаточных предложений» (стр. 213) автор приводит пример из азербайджанского языка: *Ат өлүб, итларин байрамдыр*, переводя его так: «Когда лошадь подыхает, у собак праздник». В действительности же здесь нельзя говорить о трансформации, ибо это сложносочиненное предложение, составные части которого (простые предложения) находятся в причинно-следственном отношении. Данный пример следует перевести так: «Лошадь подохла, [поэтому] у собак праздник». В азербайджанском разговорном языке широко распространен подобный тип предложения, ср. *Гонаг кэлиб, кет, атаны чагыр* 'Пришел гость [поэтому] иди, позвни отца'; *Һәр тәрәфи Һәр өртүб, Һеда билмәрәм* 'Везде покрыто снегом, [поэтому] не могу пойти' и др. В таких случаях глагол с аффиксом *-ыб* выступает как *verbum finitum*, выражая прошедшее результативное время, ср. *Ат өлмүшдүр, итларин байрамдыр*; *Гонаг кэлмишдир, кет атаны чагыр* и т. д.

В одном из разделов работы (стр. 275—278) Н. З. Гаджиева на основе данных современных тюркских языков реконструирует целый ряд отглагольных имен, возникших, по ее мнению, еще в общетюркскую эпоху. Характер перечисленных в этом разделе форм отглагольных имен на *-ын (ы-гын 'куча'), -ан (илан 'змея'), -ган (јагган 'овраг'), -гын (азгын 'заблудившийся'), -ыг (батыг 'впадина'), -гы (битки 'растение')* и других позволяет считать, что автор относит к пратюркским все аффиксы, образующие имена от глаголов, но не сохраняющие при этом значение глагольности. Неубедительным выглядит возражение автора исследователям, видевшим в этих именных образованиях временное значение: в образованиях на *-п/-ип* — причастие прошедшего времени (Г. Рамсгедт), на *(-а)л/(-а)к* — перфектное причастие (В. Банг, К. Брокельман) (стр. 277). Н. З. Гаджиева при этом исходит из того, что большинство этих отглагольных имен «было нейтрально во временном и залоговом отношении» (стр. 277). В данном случае указанная нейтральность не может быть, на наш взгляд, определяющим фактором по той простой причине, что она у подобных форм исторически обусловлена, то есть связана с определенным этапом в процессе их развития. Обратимся к примерам. Так, вряд ли можно сомневаться во временном значении таких форм, как *-мыш, -миш, -муш, -мүш; -ыр, -ыр, -ур, -үр; -ар, -эр; -ачаг, -эчак; -асы, -эси; -малы, -мэли*, являющихся в современном азербайджанском языке грамматическими выразителями соответственно прошедшего результативного, настоящего, будущего неопределенного и будущего категорического времен, наклонений необходимости и долженствования. Между тем в азербайджанском языке с помощью этих аффиксов образуется целый ряд имен нейт-

ральных во временном отношении; ср. *je-miш* 'фрукты' (в письм. памятниках), 'дыня', *kəлir* 'доход', *jəтыр* 'сбережение', *чəхыр* 'вино', *чыхар* 'расход, отход', *дајана-чаг* 'остановка', *долана-чаг* 'жизнь', *кејəси* 'одежда' (в письм. памятниках), *чаласы* 'закваска' и др.

Что же касается нейтральности в залоговом отношении, то она скорее всего связана с недифференцированностью категории залога в древности вообще и степенью семантико-функциональной оформленности самих причастий; ср. азерб. *дејəчəк сəз* 'слово, которое надлежит сказать' вместо ожидаемого *дејилəчəк сəз*, *кəрəчəк иш* 'работа, которая должна быть выполнена' вм. *кəрүлəчəк иш*, *јазасы мəктүб* 'письмо, которое необходимо написать' вм. *јазыласы мəктүб*, *демəли сəз* 'слово, которое должно быть сказано' вм. *дејилмəли сəз*, *кəрмəли тамаша* 'зрелище, которое заслуживает быть увиденным' вм. *кəрүлмəли тамаша* и др.

При анализе конструкции с трансформантом *-мак* автор отмечает в числе других и случаи образования этим трансформантом атрибутивной конструкции и выражения временного соотношения действий, однако примеры приводятся почему-то на *-малы* (из туркменского) и *-мадан* (из турецкого) (стр. 297—298). Если этимологию *-малы* автор представляет в виде *ма+лы*, то и в этом случае описываемое явление должно было быть включено в предыдущий раздел. Что же касается второго случая (*gün batmadan*), то здесь *-та* — показатель отрицания, а не имени действия.

Как отмечалось выше, процесс перехода частицы *дə* в союз исследован в книге глубоко, приведенные примеры в основном подтверждают выводы автора. Однако укажем на неверную оценку частицы *дə* как связующего элемента в следующем примере из азербайджанского языка: *Отуруб, узаглашан бəјəты сəсинə гулаг асарəг күлүмгəди дə* 'Он сидел и прислушивался к звукам далекой песни и улыбался' (стр. 368). *Дə* выступает здесь в функции усиленной частицы, и это предложение должно быть переведено так: «Усевшись, он даже улыбнулся, прислушиваясь к удаляющимся звукам баяты».

Весьма поверхностно охарактеризована конструкция с формирующим членом *-асы* (стр. 317—318), что особенно неоправданно, если учесть широкое распространение этой полисемантической формы в тюркских, главным образом азербайджанском и туркменском языках.

В книге справедливо отмечается, что «в большинстве тюркских языков сохранилось употребление формы на *-са* в отглагольно-составительном значении» (стр. 329). Однако автор неоправданно относит к таким языкам и современный азербайджанский язык, в котором форма на *-са* в отглагольном значении не употребляется. Приведенного же в качестве примера предложения *Москваја кетсəм, ону кəрсəм!* 'Поехать бы

мне в Москву, повидать бы ее!' не существует в современном азербайджанском языке.

Одним из важных моментов при синтаксической реконструкции автор верно считает, как уже отмечалось выше, учет «характера так называемой морфологической опоры» модели «выбранного семантического типа» (стр. 41). Нужно признать, что этот принцип осуществляется в книге очень последовательно, однако нередко подробному изложению морфологических особенностей анализируемых синтаксических единиц, описанию этимологии семантико-функциональных особенностей морфологических элементов и существующих в тюркологии высказываний о них автором уделяется непомерно много места, что приводит в некоторых случаях к отклонению от основной задачи исследования.

Слишком неопределенно в хронологическом отношении звучат такие довольно часто употребляемые в книге термины, как «общетюркская праязыковая общность» (стр. 111), «дотюркская эпоха», «раннетюркская эпоха» (стр. 133), «праязыковое состояние» (стр. 125), «довольно раннее состояние пратюркской общности» (стр. 215), «общетюркский праязык» (стр. 308), «наиболее ранний период тюркской общности» (стр. 331) и т. д.

То что подобная «датировка» весьма условна и неопределенна, доказывает хотя бы нижеследующее. Так, не вызывает сомнения тот факт, что примыкание двух имен является наиболее древней формой словосочетания, поскольку оно выражало почти все семантические отношения, для чего в настоящее время используются три типа изафетных конструкций. Но отнесение этого вида словосочетания (имя+имя) к одному из названных выше периодов вряд ли может объяснить, например, почему одно и то же понятие в некоторых тюркских языках передается посредством первого типа изафетного словосочетания, а в других — второго; ср. карач.-балк. *alma tegeq* 'яблоко', *buğun tešiq* 'ноздря' и соответственно азерб. *alma ayažu*, *buğun dešiji* и др. Кстати, подобная неопределенность в употреблении вышеперечисленных терминов имеет место не только в рецензируемом труде, но и в работах других тюркологов.

В книге встречаются неточности в переводах ряда примеров из азербайджанского языка. Так, в предложении *Сəнə ајрылыгда сəзум вар* слово *ајрылыгда* означает «наедине», но автор его переводит как «на прощание» (стр. 100); *чəкмə тикəн* означает «сапожник», но переведено как «сапожная лавка» (стр. 110); предложение *бел кəтүрүн!* 'лопату возьмите (вы)!' переведено как «лопату принесите вы» (стр. 62, 124); предложение *Лəкин бирдэн Шəрəфин кəстəрдији имзəсыз кəғыз кəлиб кəзүнүн гəбəгында дурду* переводится: «Однако вдруг мне на глаза попалась бумага без подписи, которую мне показывал Шараф» (стр. 284),

тогда как оно означает: «Однако вдруг ему вспомнилось анонимное письмо, которое показывал Шараф».

Перевод предложения *Мэн гиссанмагдан, о ессаныр* 'Оттого, что ревную, и он ревнует' (стр. 297) неверен, следует перевести: «Вместо того, чтобы я ревновал, он ревнует».

В заключение хочется подчеркнуть, что рецензируемая монография Н. З. Гаджие-

вой, первое в тюркологии системное исследование, посвященное истории развития синтаксической структуры тюркских языков, несмотря на частые недостатки, должна быть расценена как одно из наиболее значительных достижений советской тюркологической науки за последние годы.

М. Ш. Рагимов

S. KAKUK. RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DE LA LANGUE
OSMANLIE DES XVIe ET XVIIe SIÈCLES. LES ÉLÉMENTS
OSMANLIS DE LA LANGUE HONGROISE. AKADEMIAI KIADÓ.
BUDAPEST, 1973 (BIBLIOTHECA ORIENTALIS HUNGARICA, XIX), 660 стр.

Изучение венгерско-тюркских языковых контактов давно привлекает внимание венгерских языковедов. В современном венгерском языке фиксируется по крайней мере три хронологических тюркских слоя: древнейшие заимствования VII—IX вв. из болгарского (или хазарского?) языка, затем слой заимствований XI—XIII вв. (из печенежского и куманского) и, наконец, слова турецко-османского происхождения, появляющиеся с XIV в. Число последних особенно возрастает в XVI и XVII вв., когда Венгрия находилась в зависимости от Османской империи (обычно указывают даты 1541—1686, то есть время между захватом и освобождением Буды, но фактически венгеро-турецкие связи начались приблизительно на полвека раньше, с момента проникновения турок в Трансильванию). По многим причинам изучались преимущественно заимствования первых двух слоев, проникавшие в древне- и средневенгерский язык, в то время как тюркизмы XVI—XVII вв., хотя и фиксировались лингвистами, однако до последнего времени специально и системно не исследовались. Между тем они представляют интерес не только для историков венгерского языка и материальной и духовной культуры Венгрии, но также и для тюркологов-османистов, поскольку турецкий язык именно этого периода наименее изучен. Однако данная эпоха в истории турецкого языка занимает особое место. Как раз в это время на базе многочисленных народно-разговорных османско-тюркских диалектов и говоров складывает-

ся, по-видимому, прежде всего в административно-военной сфере вариант общеразговорного языка, постепенно распространившийся на всю обширную территорию Османской империи. Как ни были слабы тогда внутрисоциальные связи, все же процесс консолидации турецкой народности определенным образом отражался на формировании турецкого народно-разговорного языка, причем известную роль здесь играла миграция племен и этнических групп как внутри Анатолии, так и на европейские территории, зависимые от Турции. А это неизбежно приводило к взаимодействию официального османского языка, языка администрации и делопроизводства, и местных диалектов. Особенно сложно этот процесс протекал, по-видимому, на Балканском полуострове и в Венгрии, где, с одной стороны, в тесный контакт вошли диалекты ряда османско-тюркских племен, в разное время переселившихся из Анатолии и попавших в иноязычное окружение, и где, с другой стороны, турецкий разговорный язык в течение определенного времени являлся своего рода койне — языком межплеменного и межнационального общения. В этих своеобразных условиях и формировались румелийские турецкие диалекты, сохранившиеся до наших дней. В сфере языка художественной литературы, все еще искусственно оторванного от живой разговорной речи, после известного расцвета турецкой поэзии и прозы в XV—XVI вв., к концу XVII в. намечается упадок, продолжающийся в последующее столетие. Несом-

ненно, что XVI—XVII вв. — один из наиболее сложных для изучения периодов в истории развития турецкого языка и его диалектов.

Особую ценность представляют различные транскрипционные записи на турецком языке XVI—XVII вв., поскольку именно они с достаточной точностью отражают живую языковую стихию того времени. В последнее время венгерскими тюркологами уделяется много внимания изучению как этих интересных источников, так и живых турецких говоров Балканского полуострова, непосредственно восходящих к старотурецкой речи. Результаты этих исследований регулярно публикуются. Советским ученым уже известны такие обобщающие труды, как монографии старейшего тюрколога Венгрии, инициатора подобной работы Ю. Немета «Тюрки Видина» (1967)¹, «Турецкий язык в Венгрии в XVII в.» (1970)² и книга Г. Хазаи «Османско-турецкий язык в XVII в.» (1973). Рецензируемая монография Ж. Какук продолжает серию специальных исследований турецкого языка XVI—XVII вв., являясь итогом почти двадцатилетней работы автора над данной темой.

Основным источником материалов для указанной монографии явились венгерские памятники указанной эпохи, содержащие турецко-османские слова, приведенные в транскрипции средствами венгерской графики. Как отмечает Ж. Какук, транскрипционные тексты в отличие от арабографических открывают перед исследователем широкое поле деятельности, особенно в области фонетики. Арабский алфавит и традиционная орфография не позволяют проследить развитие турецкой фонетики и восстановить с большой достоверностью произношение слов в прошлом. Запись слов латинским, готическим, греческим, армянским алфавитами и кириллицей позволяет сделать сравнительно более точные выводы о турецких звуках. Однако при использовании транскрипционных текстов возникают свои специфические трудности. Так, например, латинским алфавитом написаны памятники итальянского, немецкого, венгерского, польского языков, в орфографических системах которых латинские буквы имеют разную звуковую значимость, к тому же изменяющуюся в процессе исторического развития данных языков, а это создает значительные трудности при сопоставлении записей. Транскрипционные тексты зачастую составлялись лицами, плохо владевшими турецким языком или даже вовсе не знавшими его; причем записи эти делались на слух, а это приводило к искажению турецких

слов. Тот же, кто владел арабской письменностью, невольно подпадал под влияние последней и при фиксации слов стремился приблизить формы народно-разговорного языка к литературным нормам или попросту игнорировал их как неправильные. Все это показывает, какую сложную и кропотливую работу должен был проделать автор, изучая разнородные венгерские источники XVI—XVII вв.

В качестве источников автором привлекались старые издания на венгерском языке, в том числе труды исторического содержания, государственные документы, парламентские отчеты, донесения послов, сообщения о поездках и посольствах в Порту, скопированная для венгерского правительства официальная переписка турецких наместников, архивы и хозяйственные записи, производившиеся в поместьях, семейные архивы и т. п. Частично были использованы также литературные произведения того периода, в том числе и поэтические. Поскольку целью изучения всех этих источников было только восстановление на основе венгерских данных звучания турецкого слова в XVI—XVII вв., то автор ограничился лишь фиксацией и анализом в венгерских текстах всех турецко-тюркских слов, не учитывая различий между действительными заимствованиями и случайными словоупотреблениями, между именами нарицательными и собственными, между прямыми заимствованиями или опосредствованными (в основном через южнославянские языки).

Из различных памятников венгерского языка XVI—XVII вв. Ж. Какук извлекла более 1300 турецко-османских слов, из них около 800 имен нарицательных, 350 имен собственных и 150 географических названий. Монография ее состоит из двух больших частей, которым предпослано предисловие автора с изложением истории создания труда и введение, где кратко характеризуются источники, описывается структура основных разделов, поясняются принципы подачи словарного материала. В первой части — «Османские элементы в венгерском языке» дается сводка лексического материала. Эта часть выполнена в виде словаря, где заглавные турецкие слова расположены в порядке букв современного

турецкого алфавита ($j=c$, $\check{c}=\check{c}$, $\check{i}=i$, $\check{s}=s$, $\check{z}=j$), причем сложные слова и дериваты отсылаются в отдельных словарных статьях с отсылками к исходным формам. Каждая словарная статья состоит из трех отделов: в первом — представлены венгерские данные, во втором — соответствующие данные из балканских языков, третий отдел посвящен интерпретации турецко-тюркских фактов и этимологизации турецких слов. Кратко останавливаясь на характеристике словарных статей, чтобы дать читателю представление об особенностях интерпрета-

¹ См. рецензию: А. Н. Кононов, — «Вопросы языкознания», 1966, № 2, стр. 158—164.

² См. рецензии: Н. Агазаде, — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 90—107; В. Г. Гусев, — «Народы Азии и Африки», 1972, № 2, стр. 186—190.

ции автором транскрипционных записей и об объеме обработанного им фактического материала.

В качестве заглавного турецкого слова выносятся и снабжается французским переводом вариант, выводимый из венгерской транскрипции. Он рассматривается как наиболее соответствующий современному турецкому языку в его разговорной и литературной форме или же османскому. Далее следует первый отдел, в котором приводятся в венгерской орфографии один или несколько вариантов турецкого слова (в отдельных случаях с уточнением его значений), расположенных в хронологической последовательности с указанием источника и по возможности точной даты или хронологических рамок фиксации слова (если слово живет в современном венгерском языке, то хронологические пометы не даются); здесь же отмечаются и возникшие на венгерской почве дериваты. В конце первого отдела за знаком $\llcorner$ приводится турецко-османская форма — наиболее вероятный источник приведенных выше венгерских отражений.

Во втором отделе приводятся документированные сведения об отражении данного турецко-османского слова в балканских языках. Эти сведения берутся из соответствующих словарей и различных исследований о тюркских словах, вошедших в языки Балканского полуострова. Слова даются в оригинальной графике; если имеется возможность, указывается дата первой фиксации слова в письменных памятниках или старых словарях. В работе Ж. Какук использованы данные следующих балканских языков: сербо-хорватского, болгарского, македонского, албанского, румынского, византийского, современного греческого. Особое внимание автором уделяется фактам сербо-хорватского языка, поскольку многие турецкие слова заимствовались венгерским языком через южнославянское посредство. Таким образом, читатель получает достаточно ясную картину бытования турецко-османского слова в балканском языковом ареале. Он имеет полную возможность сопоставить особенности фонетического отражения турцизма в каждом из этих языков, проследить возникновение его семантических вариантов, получить сведения о хронологии его проникновения, а также библиографическую справку о проводившихся специальных разысканиях по данному слову. Очевидно, что работа над этим отделом потребовала от автора значительных усилий по освоению громадного языкового и литературного материала по балканским языкам. Данный отдел словарной статьи представляет большой самостоятельный интерес и весьма ценен для исследования языков балканского ареала.

Не менее интересен и полезен третий отдел, где толкуется турецко-тюркский материал, приводится отражение слова в старинных словарях, грамматических опи-

саниях, специальных исследованиях и прочих источниках (например, в грамматиках И. Меггизера, Фр. Менинского, в работах Ю. Немета, Г. Хазан по османскому языку XVI—XVII вв., в турецком «*Tagama Sözlüğü*», в исторических памятниках и т. п.). Большое место здесь отводится фиксации данных турецких анатолийских и румелийских диалектов. В совокупности материал этого отдела создает картину бытования турецко-османского слова как в литературном языке, так и в диалектах в разные исторические периоды. В конце отдела приводится этимологическая справка: для слов иноязычного происхождения указывается язык — источник заимствования, исходная форма слова и его значение; для дериватов приводятся производящее слово, его значение, иногда дается отсылка к общетюркским соответствиям.

Таким образом, для составления каждого из трех отделов словарной статьи о том или ином слове автор книги проработал огромный лингвистический материал, взятый из разных языков (список сокращений названий источников дан в конце книги, стр. 547—566), что позволило ясно представить картину функционирования на широком языковом фоне турецко-тюркского слова в XVI—XVII вв. и сделать на основе этого выводы о фонетическом облике того или иного слова.

Вторая часть монографии Ж. Какук — «Выводы по исторической лингвистике» — состоит из четырех разделов: «Фонетика», «Морфология», «Лексика», «Различные слои турецко-османских элементов венгерского языка с точки зрения языков и диалектов источников заимствования». В этой части автор в сжатой форме излагает результаты своего исследования, проведенного на базе представленных в первой части словарных материалов. На основе последних Ж. Какук восстанавливает систему гласных и согласных звуков турецкого языка XVI—XVII вв., прослеживает особенности их реализации в разных позициях, отмечает звуковые переходы и активные фонетические процессы (дифтонгизация, редукция, протеза, геминация, гаплогония и др.), описывает явления палатальной и лабиальной гармонии.

Система гласных, по мнению автора, представлена восемью фонемами: *a, e, i, i, o, ö, u, ü* и двумя вариантами — *e, ê*. В системе согласных варианты имеют фонемы *k ~ q, k'; g ~ ğ, ğ, ğ; h ~ ħ*; фонема *ŋ* восстанавливается предположительно, она отражается в заимствованиях уже как *n* или *m*. Особое место Ж. Какук отводит анализу закономерностей отражения тюркских звуков в венгерском, а также в балканских языках. В заимствованных словах в результате ассимиляционных процессов отмечается сдвиг гласных, который можно проиллю-

стрировать схемой $i \rightarrow e \rightarrow a \leftarrow o \leftarrow u$, причем в свою очередь $u > i$. Часто нарушается палатальная гармония, а губная вообще представлена весьма слабо. Описание процессов перехода гласных и согласных звуков и прочих фонетических изменений в исследуемом материале автор сопровождает ссылками на литературу, содержащую изложение аналогичных явлений по другим источникам.

Как известно, Ю. Немету принадлежит мысль о том, что в османском языке слой арабо-персидских заимствований образует особую фонологическую систему, отличную от собственно турецкой. Данные Ж. Какук подтверждают это положение: в арабо-персидских словах отмечается своеобразная альтернация $a \sim e$, известную специфику имеет и отражение некоторых присущих арабскому языку звуков и т. п. Автор последовательно регистрирует такие явления. Однако нам представляется, что сопоставление зафиксированных в XVI—XVII вв. арабо-персидских слов с их исходными формами требует еще более осторожного подхода. Значительный слой этих слов, относящийся к административно-хозяйственной и военной лексике, видимо, осваивался турецким языком гораздо раньше изучаемого периода, хотя и в Анатолии, и в Румелии в XVI—XVII вв. еще обитали отдельные арабские племена, и персидский язык был в большом почете. Транскрипционные тексты, следует думать, лишь фиксируют фонетический облик арабо-персидских слов, уже бытовавших в литературной или диалектной речи того времени. На этом фоне истинные арабо-персидские формы могут восприниматься лишь как хронологически весьма отдаленные этимоны.

Спецификой материала обусловлена незначительность информации о морфологии турецко-османского языка. Ж. Какук фиксирует отдельные падежные формы (*serden-geci* 'солдат-доброволец, головорез, сорви-голова'), глагольные формы (*göndü-göt* 'я посылаю'), именные и глагольные аффиксы (*gümruk-çi* 'таможенник'; *burjundi < buyur-un(!)-ti* [пассив от *buyur-*] 'предписание от османского высокопоставленного лица'), сложные слова и синтагмы (*beğlerbeğ(i)* 'беглярбек'; *orta çavuş* 'судебное лицо в корпусе янычаров'). Интересно, что некоторые грамматические явления совпадают с данными грамматики И. Мегизера и Фр. Менинского.

В лексическом разделе имена нарицательные и собственные, а также географические названия сгруппированы по их происхождению из тюркских или арабского, персидского, греческого, итальянского и других языков. Исследование показало, что 80% всех зафиксированных слов составляет административная и военная терминология, причем слов тюркского происхождения здесь всего 20—25%, остальная часть —

заимствования, преимущественно арабо-персидские. В других лексических пластах тюркских слов до 30%, арабо-персидских — до 65% и заимствований из европейских языков около 5%. Таким образом, собственно тюркских слов во всем венгерском материале оказывается в среднем около 20—30%.

Фонетический анализ тюркских заимствований показывает, что они отражают три языковые стихии того времени: официальный османский язык, западнорумелийский диалект, турецкие заимствования через сербо-хорватский язык XVI—XVII вв. Характеристика этих трех разновидностей турецкой речи содержится в последнем разделе второй части монографии. Много внимания Ж. Какук уделяет описанию фонетических особенностей западнорумелийского диалекта. Венгерские данные материалов, используемых автором, подтверждают многие черты фонетики, известные из других источников, например предпочтение i в абсолютном исходе слова, сдвиги гласных $\bar{o} > \bar{u}$, $\bar{u} > u$, нарушение гармонии и постоянство аффиксов *-lar*, *-miş*, сохранение $\bar{g}$, палатализация k и g , падение начального h и, напротив, появление протетического h , чередование $n \sim m$, $m \sim n$ в ауслауте и др. Таким образом, данные Ж. Какук, как и Ю. Немета, Г. Хазан и других исследователей, дополняя друг друга, дают представление о фонетических процессах, характерных в целом для западного диалекта румелийско-турецкого языка XVI—XVII вв.

Ж. Какук специально останавливается на критериях выделения турецких слов, проникших в венгерский язык через славянское посредство. Как известно, в колонизации Венгрии значительную роль играли выходцы из славян, попавшие на турецкую службу. Преимущественно это были носители сербо-хорватской речи. Автор выделяет фонетические, морфологические и экстралингвистические критерии. Например, среди фонетических признаков ею называются: появление окончания *-ija* в турецких словах на *-i*, *-i* (*kajsija < kaysi* 'абрикос', *kadija < kadi* 'кадий'), замена конечного $e > a$ (*kila < kile* 'мера веса') и $\bar{o} \sim \bar{u} > u$ (*buluk < bülük* 'отряд'), отражение k - и g - как *ty*, *d*, *gy*- (*iyatö < kâtib* 'писарь', *demia < gemi* 'корабль') и $-ğç$ -, $-hç$ -, $-kç$ - как $\bar{s}ç$ (*baszcza < bağçe* 'сад') и др. Турецкие слова, отмечаемые в венгерских источниках, встречаются поэтому в двух параллельных формах (их около 70), одна из которых заимствована непосредственно из турецкого языка, а другая — проникла через посредство сербо-хорватского (*tepszi ~ tepszia < tepsi* 'поднос'). Кроме того, различаются турецкие слова в официально-литературной форме и в диалектальной западнорумелийской (*kürdi ~ kurdî* 'женская куртка').

В конце книги приведены индексы слов из всех языков, охваченных исследованием, начиная с османского.

Описанная в фундаментальной монографии Ж. Какук картина состояния турецко-османского языка XVI—XVII вв. в известной мере заполняет существующий пробел в наших знаниях об этом периоде его развития. Новая книга Ж. Какук, как и труды Ю. Немега, Г. Хазан, обогащает османистику также сведениями по исторической диалектологии и создает реальную основу для

изучения развития турецко-румелийских диалектов и современных балканских турецких говоров. Наконец, эта работа представляет значительную ценность как для изучения тюркских заимствований в балканских языках, так и для исследований по исторической фонетике этих языков.

Д. М. Насилов

С. Н. ИВАНОВ. АРАБИЗМЫ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО ЛГУ, 1973, 62 стр.

Проблема заимствования иноязычных элементов давно находится в поле зрения лингвистов.

Арабские, персидские, французские и другие западноевропейские лексические заимствования составляют значительный пласт словарного состава турецкого языка, что особенно наглядно видно, если рассматривать последний в диахроническом плане. Однако арабизмы и фарсизмы занимают особое положение среди заимствований. Арабские лексические элементы, например, отличаются то обстоятельством, что они бытуют в книжной и устной турецкой речи в целом ряде случаев в соответствии с грамматическими нормами своего языка. Поэтому, например, наряду с *cevher* 'драгоценность' встречается *cevahir* 'драгоценности', соотносительное с арабской формой множественного числа. Турецкому языку известна арабская форма образования наречия (только от арабских слов): *nadir* 'редкий', *nadiren* 'редко', *tahmin* 'предположение', *tahminen* 'предположительно'.

Знание структуры арабского слова, его звукового состава дает ключ к пониманию целого ряда закономерностей, что помогает избежать возможных орфографических и грамматических ошибок. В турецком языке существует строгая закономерность агглютинирования фонетических вариантов словообразовательных и словоизменительных суффиксов: слова, имеющие в исходе гласный звук, приобретают аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа *si*, *si*, *su*, *sü* (*talebesi*, *haydasi*, *bürosu*). Этому закону подчиняются все заимствования, в том числе и арабские.

Вместе с тем изучающие турецкий язык продолжают по сей день сталкиваться с отдельными фактами, когда слово, казалось бы, формально оканчивающееся на гласный, наращивается аффиксом принадлежности, имеющим в аналауте гласный вместо ожи-

даемого согласного: *sanayi* → *sanayii*, *tevzi* → *tevzii*.

Дело в том, что латиница отучила нас видеть в исходе арабских слов согласные *айн* (ع) и *хамзу* (ه), не получающие на письме своего отражения.

Сведения об арабских элементах, их строении, о фонетических законах их усвоения и освоения в турецком языке помогают уяснить причины озвончения глухих согласных в интервокальном положении: *kitap* → *kitabım*; *harap* → *harabe*; удвоения согласных в односложных словах в позиции перед гласными *zan* → *zannımca*; *hal* → *halletmek*; наращения суффиксов с гласными переднего ряда: *saatler*, *saatim* и т. д.

Умение дифференцировать лексико-грамматическую природу масдаров способствует снижению количества потенциально возможных ошибок при оперировании масдарами второй и пятой пород, противостоящих друг другу исключительно в плане переходности и возвратности.

В исследованиях, посвященных систематизации и лингвистическому анализу арабских и персидских элементов, заметное место принадлежит известной работе С. С. Майзеля¹. Сюда же примыкают лексикографические публикации, осуществленные в разные годы в Турции, которые, с одной стороны, имели целью облегчить понимание иноязычных заимствований², а с другой — явно пуристически³ противопоставить неологизмы арабским и персидским лексическим элементам.

Издание рецензируемого учебного пособия С. Н. Иванова «Арабизмы в турецком

¹ С. С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945.

² *Mustafa Nihat Özön. Büyük Osmanlıca-Türkçe sözlük*. 3. basım. İstanbul, 1959. Первые два издания словаря вышли в свет соответственно в 1952 и 1955 годах.

³ *Sade Türkçe kılavuzu*. Ankara, 1960.

языке» следует считать весьма своевременным и полезным, ибо после выхода в свет упомянутой работы С. С. Майзеля прошло почти тридцать лет. В книге С. Н. Иванова нашли отражение новые тенденции в употреблении арабизмов в турецком языке. Так, например, в современном турецком языке почти уже утрачено восприятие арабского множественного числа в арабских заимствованиях, в силу чего на турецкой почве возникает дублет арабской и турецкой форм множественного числа с тенденцией к полному доминированию турецкой формы: *eşya, eşyalar*.

Такой же процесс характерен и для слов с конечными согласными *хамза* и *айн*: *menşe → menşesi* вместо ожидаемого *menşei*, *intibası* вместо прежнего *intibai*, то есть в настоящее время отмечается полное морфологическое освоение турецким языком арабских заимствований, еще совсем недавно требовавших особого грамматического оформления на турецкой почве. Что же касается орфографических, а в равной мере и орфоэпических норм арабских слов, то они, как известно, давно подчинились турецким нормам, что привело существовавшую прежде вариативность к унифицированной турецкой форме: *mes'ele → mesele*, *mal'ûm → malûm*, *tenbih → tembih* и т. д.

Пособие С. Н. Иванова отличается композиционной стройностью, четкой организацией и подачей рассматриваемого материала. После небольшого предисловия и раздела о фонетике, где показано своеобразие арабизмов и приведены примеры их фонетической трансформации на турецкой почве, следует основной, на наш взгляд, раздел пособия — морфология. Причем рассмотрение наиболее распространенных в турецком языке девяти пород арабского глагола автор начинает с их обобщающей семантической характеристики (стр. 14).

Каждая порода арабского глагола рассматривается в двух аспектах: вначале под углом зрения масдаров (стр. 14—30), а затем — причастий действительного и страдательного залогов (стр. 30—44). Масдары и причастия сопровождаются формулой их словообразования и описываются в тесной взаимосвязи друг с другом, что позволяет выявить их грамматическое и семантическое своеобразие и сближающие их моменты. Значительное внимание уделяется при этом их сочетаемости с вспомогательным глаголом *etmek*, реже — с *bulmak*, *getirmek*, *vermek*, *almak* и влиянию семантики масдара на грамматическую характеристику образуемого сложного глагола в плане его переходности и непереходности. Сопоставительная характеристика масдаров и причастий позволяет увидеть развитие значений, их специализацию и даже утрату в некоторых случаях смысловой связи между ними: *tesbit etmek* 'основывать', 'утверждать', *ispat etmek* 'доказывать', 'приводить доказательства' (стр. 22), *inkılâp* 'революция',

kalp 'сердце', *tedris* 'обучение', *ders* 'урок', *indiras* 'уничтожение' (стр. 27).

В пособии дан подробный анализ соотношения употребления и значений действительных и страдательных причастий всех девяти пород, показаны случаи и способы их субстантивации, отражена их соотносительность с названиями профессии или занятия, прибора, аппарата или механизма (стр. 34, 36).

Как и масдары, причастия рассматриваются также в сочетаниях с турецкими вспомогательными глаголами *etmek* и *olmak*, дается подробная лексико-грамматическая характеристика этих сочетаний.

Турецкий язык заимствовал большое число арабских качественных прилагательных, по своей словообразовательной модели входящих к причастиям действительного залога от непереходных глаголов. В рецензируемой книге описывается употребление этих прилагательных в основной форме и в формах сравнительной и превосходной степеней, приводятся их словообразовательные формулы, отмечается предпочтительность использования одной из форм, поскольку их одновременное употребление в общем не характерно для турецкого языка (стр. 46).

В этом разделе дается анализ морфологических типов образования арабских относительных имен прилагательных. Следует отметить, что здесь представлен один из немногих арабских суффиксов используемый для образования относительных прилагательных от слов европейского происхождения *helezonî* 'спиральный', *fiziki* 'физический'. В пособии зафиксированы случаи образования имен, обозначающих принадлежность человека к какой-либо местности (стр. 47), сходные с образованием фамилий: *Fraşeri* — 1) выходец из Фрашера, 2) Фрашери (фамилия) (ср. *Şemsettin Sami Fraşeri*); *Bagdadî* — 1) выходец из Багдада, багдадец, 2) Багдади (фамилия).

Данное пособие отличает не только подробный морфологический анализ всех словообразовательных формул и моделей, но и скрупулезная их семантическая классификация. Это помогает читателю полнее представить их лексико-семантическую характеристику и грамматическую сочетаемость с другими словами (масдары, причастия, имена деятеля и места, наречия и т. д.).

С. Н. Иванов намного шире, чем С. С. Майзель, описал арабские элементы в турецком языке: им рассмотрены, например, арабские слова, выполняющие функции послелогов (стр. 51), показана тенденция их сокращения в современном турецком языке по сравнению со староосманским, имена орудий выделены в самостоятельный параграф, значительно полнее представлены союзы, упоминаются модальные слова арабского происхождения, приводятся основные модели образования арабского 'ломаного' множественного чи-

сла и отмечается их связь с другими производными.

Как мы уже говорили выше, в данном пособии отражено современное состояние турецкого языка, и поэтому в нем отсутствует ряд арабизмов, включенных в пособие С. С. Майзеля. Так, например, С. Н. Ивановым были исключены как явно архаичные предлоги *bad-* 'после', *min-* 'от, с, из'.

Пособие включает библиография, содержащая литературу на русском, турецком и немецком языках.

В рецензируемой работе, на наш взгляд, имеются и некоторые недостатки и неточности:

1. Согласный *l* в слове *falân* 'некто', 'такой-то' не палатализуется (стр. 11) в отличие от *l* в однокоренном слове *filân*.

2. Слово *melce* 'убежище', 'пристанище' имеет параллельные образования от того же корня (*l*, *s* и *хамза*), хотя С. Н. Иванов с этим не согласен (см. стр. 48—49): *mülteca*, 'убежище', 'пристанище', *mülteci* 'беженец', 'эмигрант', *iltica* 'поиски убежища'.

3. В пособии слово *meşrep*, которое переводится как «характер», «натура», причисляется к разряду слов, утративших значение места и семантически не соотносящихся с другими образованиями того же корня (стр. 49). Для подтверждения приводится однокоренное слово *şarap* 'напиток'. Это не совсем точно, ибо *meşrep* означает «место, где пьют воду»⁴.

4. Можно отметить некоторую непоследовательность в правописании арабских слов. В данном случае этот упрек следует адресовать и редактору пособия, который должен был проследить за унификацией правописания. Например: *hasıl* 'приобретение', 'получение' (стр. 29) и *hâsıl* (стр. 32), *icra el-*

mek 'приводить в действие', 'осуществлять' и *icra* 'исполнение', 'осуществление' (стр. 55).

5. Нам кажется, что употребление послелогов *maada* 'кроме', 'помимо', *gayri* 'исключая что-либо', *hizasında* 'против чего-либо' нельзя относить только к периоду старотурецкого языка, ибо они встречаются и в настоящее время.

6. В книге отсутствует необходимое указание на то, что «при сочетании арабских предлогов с именами существительными женского рода с окончанием на *-at*, *-et* конечное *t* сложного слова отбрасывается»: *fevkalâde* 'чрезвычайно' (*âdet* 'обычай'), *ilhakika* 'в действительности' (*hakikat* 'действительность').

7. В разделе «Арабский артикль», к сожалению, нет упоминаний об ассимиляции арабского определенного артикля в позиции перед согласными (*t, d, s, ş, z, n, r*), в силу чего привычное *el*, а в середине двусложных слов еще *ul, ül* переходят соответственно в *eş, ür, üt*: *Abd+ül+rahman* > *Abdürrahman*.

8. Для удобства пользования пособием следовало бы дать сводную словообразовательную таблицу арабских масдаров и причастий, как это сделано автором в отношении их семантической характеристики.

Однако отмеченные недостатки ни в какой мере не умаляют основных достоинств пособия. Книга С. Н. Иванова, несомненно, будет встречена тюркологами с большим одобрением. Она, на наш взгляд, может послужить толчком для последующих дополнительных исследований в затронутой автором области, где делаются еще только первые шаги.

Р. А. Аганин

⁴ См.: «Osmanlıca-Türkçe sözlük». İstanbul. 1959, стр. 461.

⁵ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 32.

⁶ Там же, стр. 30—31.

Г. Ф. САТТАРОВ. ТАТАРСТАН АССРНЫҢ АНТРОПОТОПОНИМНАРЫ (ТАТАРСТАН АВЫЛЛАРЫНЫҢ ИСЕМНӘРЕ)

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫ НӘШРИЯТЫ. КАЗАН, 1973, 296 стр.

В одной из своих обобщающих работ видный исследователь татарской топонимии Г. Ф. Саттаров выдвинул задачу создания капитальной монографии по татарской антропонимике, «в которой необходимо исследовать такие теоретические проблемы, как возникновение и развитие личных имен, отчеств, прозвищ, фамилий и родословий в татарском языке, их генезис и распространенность, грамматические осо-

бенности, связь тюркских антропонимов с апеллятивной лексикой и топонимией, традиций и мотивы выбора имени у татар»¹.

¹ Г. Ф. Саттаров. Татарская ономастика за 50 лет. — «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. 95. Вопросы татарского языкознания. Казань, 1971, стр. 65.

С выходом в свет рецензируемой книги поставленная задача во многом оказалась решенной.

Из четырех тысяч топонимов на территории Татарской АССР более половины в лингвистическом плане представляет собою производные от имен и прозвищ людей, иными словами, являются антропотопонимами. Этот источник по истории татарского языка и этногенезу татар до последнего времени оставался малоизученным. Монография Г. Ф. Саттарова восполняет существовавший в этой области пробел. Она привлекает также внимание методикой исследования и богатством привлеченного материала.

Первая часть книги (три главы) посвящена системному анализу грамматической структуры и генезиса антропотопонимов Татарии.

После изложения общих принципов словообразования в тюркских языках автор на материале татарского (с диалектами), чувашского, башкирского, казахского, киргизского, древнетюркского, а также мордовского, удмуртского и марийского языков конструирует модели антропотопонимов Татарии и на этой основе проводит анализ конкретных языковых фактов.

Первая глава состоит из двух разделов. Раздел первый посвящен историко-лингвистическому анализу антропотопонимов, образованных от древних тюрко-татарских личных имен, не употребляющихся в современном татарском языке. Эти имена представляют собою отглагольные образования — субстантивированные формы как повелительного наклонения, так и времен изъявительного наклонения, например: *Уразбак*, *Ишбул*, *Торсын*, *Туйгилде*, *Иштуган*, *Сатмыш*, *Хансера*, *Туктар*, *Тыңламас* и т. д.

Во втором разделе описываются антропотопонимы, возникшие из древних тюрко-татарских личных имен, в свою очередь восходящих к существительным. Рассмотрев этимологию, а также словообразовательные и типологические особенности таких антропотопонимов, как *Адай*, *Аксар*, *Байсар*, *Борнак*, *Игем*, *Кошак*, *Ямгурчы*, *Чура*, *Колчура* и др., автор приходит к выводу, что в антропонимах Татарии нашли отражение многие древнетюркские слова и личные имена.

Во второй главе представлены антропотопонимы, образованные в результате фонетических или фонетико-морфологических изменений полных личных имен и превращения их в названия населенных пунктов, например, *Абди* (<Абдулла), *Мәмәшир* (<Мөхәммәтшир), *Сунчалей* (<Сәенчегали), *Яушик* (<Яушах) и т. д. Изучив причины усечения арабы-персидских личных имен в татарском языке и превращения их в антропотопонимы, Г. Ф. Саттаров делает бесспорно правильный вывод о том, что в татарском языке усечение заимствованных личных имен является результатом влияния

народно-традиционных форм (включая разговорно-диалектные) двусложных тюрко-татарских личных имен.

В третьей главе обстоятельно исследуются антропотопонимы, образованные от прозвищ, в основе которых лежат архаизмы, лексические диалектизмы и иноязычные слова. Г. Ф. Саттаров делит подобные антропотопонимы с учетом их генезиса на две группы (в книге соответственно два раздела), которые, в свою очередь, подразделяются на языковые подгруппы (в книге им посвящаются отдельные главы): 1) антропотопонимы, образованные от прозвищ тюркского происхождения (татарского, башкирского, чувашского, поволжско-булгарского, древнетюркского); 2) антропотопонимы, возникшие из прозвищ, восходящих к финно-угорским языкам (мордовскому, марийскому и удмуртскому). Научная ценность последней главы заключается в углубленном исследовании этно-антропотопонимов Татарии в историко-лингвистическом аспекте с привлечением обширнейшего языкового и ономастического материала как из литературных источников и архивных фондов, так и полевых записей пятнадцати ономастических экспедиций, проведенных почти во всех районах Татарской Республики и в татароязычных районах Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. Данная глава богата сведениями, важными для изучения этнической истории и этнографии татарского народа, а также истории татарского языка, его исторической лексикологии и диалектологии.

Вторая часть монографии Г. Ф. Саттарова посвящена исследованию булгарского слоя в топонимии Татарии (особенно Закавказья) и относящихся к этому слою антропотопонимов. Автор обнаружил около ста двадцати подобных наименований татарских селений, приводимых отдельным списком (стр. 223—232). Эти названия отнесены к булгарскому ареалу на основе анализа и использования: 1) апеллятивной лексики современного чувашского языка, 2) древнечувашских языческих имен, 3) булгаро-татарских личных имен, встречающихся в булгарской эпиграфике XIII—XVII вв. и в книге «Таварих аль-Булгария» Шарафутдина бине-Хисамутдина Муслими, 4) булгаризмов, сохранившихся в диалектах и говорах татарского языка. Идентификация Г. Ф. Саттаровым булгарских антропотопонимов в топонимии Татарской АССР привлекает заинтересованное внимание к изучению булгаризмов в татарской лексике и вместе с тем открывает новый источник в исследовании этнической истории казанских татар.

Монография Г. Ф. Саттарова, будучи серьезным аналитическим исследованием, ценна не только вносимым реальным вкладом в науку, но и тем, что выявляет еще нерешенные проблемы, привлекая к ним внимание ученых. Так, основываясь на явно булгаро-чувашском слое в топонимии Та-

тарии и болгарском антропологическом типе казанских татар, можно утверждать, что в формировании татарского этноса участвовал болгарский (и чувашский) элемент. Но какие это получило последствия в процессе сложения татарского языка? Можно ли считать болгарский элемент в татарском языке одним из «основных» или его следует расценивать как «след взаимодействия»?

Прежде чем ответить на это, необходимо провести тщательное исследование болгарской апеллятивной лексики в татарском языке, в его диалектах и говорах. Это одна из тех актуальных задач татарского языкознания, которые еще ждут своего разрешения.

А какое отражение нашли древнетюркские этнонимы в татарской лексике, на основе каких данных может быть решен этот вопрос?

Г. Ф. Саттаров указывает на рефлексы древних племенных названий *тардуш*, *тохар*

в татарских собственных именах из Зеленодольского района — *Сайфетдин Дардуш*, *Гаяз Дардуш*, *Дардуш Бибинуры*, *Гарэй Токар*, *Токар Миләүшәсе* (стр. 137—138), а также на отражение древнего этнонима *төлис* в татарских комонимах *Олы Теләче* и *Теләже* (стр. 286—288).

Но *Дардуш* может быть и диминутивной формой от *Дардмен*, а *Тохар* — болгарским *токар*, *тухур* 'девать'; *төлис* > *теләче*, *теләже* требует специального исследования, чтобы доказать $\theta > e$ и $c > ч$, *ж*.

В заключение отметим, что было бы весьма желательным издать эту книгу в переводе на русский язык, сделать ее доступной широкому кругу языковедов, историков и археологов, у которых она, несомненно, вызовет живой интерес.

Э. Р. Тенишев

«ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В БАШКИРИИ. ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК».

ПОД РЕД. Т. М. ГАРИПОВА И Н. В. ЧЕРЕМИСИНОЙ

УФА, 1972, 276 стр.

Изучение отношения того или иного языка к родственным, а также к контактирующим языкам, определение степени их близости хотя бы по основным уровням языковой структуры остается одним из важных направлений в тюркологических исследованиях. Вопросы выделения языковых параметров для сравнений и сопоставлений, принципы отбора и методы описания материала во многом еще требуют уточнений. Поэтому даже в методическом плане, не говоря уже о фактологической стороне проблемы, рецензируемый сборник представляет определенный интерес. В нем объединены работы, исследующие взаимосвязи башкирского языка прежде всего с одним из близкородственных языков — татарским, взаимоотношения тюркских языков Урало-Поволжья, а также тюркских и финно-угорских языков того же региона.

Сборник открывается небольшой по объему статьей Б. А. Серебrenникова «О некоторых отличительных признаках волгокамского языкового союза», в которой автор выдвигается гипотеза о существовании тюркско-финно-угорского языкового союза в регионе между Волгой и Камой, охватывающего башкирский, татарский, чувашский, удмуртский и марийский языки. Выявляя ряд общих фонетических (наличие

редуцированных гласных $\tilde{o}$, $\tilde{y}$, $\tilde{e}$, лабиализация *a*), морфологических (наличие определенных и неопределенных падежей, система прошедших времен глагола, особенности употребления выделительных частиц и др.), синтаксических черт, автор приходит к заключению о типологическом сходстве указанных языков.

Наличие общих черт у языков Среднего Поволжья и Приуралья отмечалось недавно Т. И. Тепляшиной, включившей в данный ареал и мордовские языки¹. Имеющееся сходство между этими языками она склонна считать результатом древних контактов. В новой работе Дж. Г. Киекбаева, посвященной урало-алтаистике, автор, основываясь на однотипности грамматической структуры упомянутых языков, называет их родственными². На данном этапе развития урало-алтаистики, несомненно, важно найти новые факты, раскрывающие различные аспекты взаимоотношений языков указанной группы.

¹ Т. И. Тепляшина. Об одном волжско-камском ареальном явлении. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 35—40.

² Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Значительную часть сборника составляют работы *Т. М. Гарипова*, посвященные этнолингвистическим и социальным аспектам взаимодействия языков в Башкирии. Автор приводит обширный фонетический, морфологический и лексический материал, наглядно иллюстрирующий связи башкирского и татарского языков.

Т. М. Гарипов на основе различных демографических данных и анализа этнического состава характеризует языковую ситуацию в Башкирской АССР, где представлено свыше тридцати национальностей. Компактными группами живут башкиры, татары, чуваш, русские, украинцы, удмурты, марийцы, мордва, эстонцы и представители других народностей. Автор останавливается на общественных функциях языков этих народов в дореволюционный период и в современную эпоху, указывает на расширение функций башкирского языка после Великого Октября в связи со становлением и развитием письменного литературного языка.

Т. М. Гарипов характеризует в сравнительно-сопоставительном плане звуковой строй башкирского и татарского языков, касаясь при этом и общих проблем сравнительного изучения отдельных локальных групп тюркских языков.

В области вокализма, как утверждает автор, двенадцатифонемный строй гласных современных татарского и башкирского языков, с учетом *e* и *o* в составе русских заимствований, развился из шести пратюркских и семи кыпчакских фонем через промежуточный этап десяти прабашкирских и прататарских фонем (стр. 71). В работе рассматриваются совпадения и расхождения гласных в разных позициях. Своеобразие башкирского языка особенно ярко проявляется в системе консонантизма. Последняя по отдельным свойствам согласных значительно отличается от консонантизма кыпчакской группы тюркских языков, сближаясь в этом отношении с огузской группой тюркских языков и тюркскими языками Сибири. Имея сходные черты с татарским языком в морфологии и лексике, башкирский язык отличается от татарского наличием специфических звуков *δ*, *ϕ*, а также рядом согласных, образующих в каждом из языков разные корреляты. Указав на расхождения и совпадения согласных в различных позициях, автор отмечает относительное численное преимущество башкирских согласных, участвующих в процессах дивергенции. Наиболее активными среди расходящихся консонантов являются общие *j*, *k*, *m*, *s*, нуль звука, башк. *δ*, *t*, тат. *d*, *z*, *k*, *č*. Не подвергаются существенным изменениям общие фонемы *l*, *x*, *š*, *γ*, *ž*, башк. *p*, тат. *v*, *g*.

Кыпчакские языки Урало-Поволжья обнаруживают структурную общность морфологических категорий. Подавляющее боль-

шинство элементов морфологического строя башкирского и татарского языков совпадает. Зафиксированные случаи расхождения в структуре морфем касаются звуковых вариаций в корнях или аффиксах. Так, для башкирского языка характерным является преобладание более «длинных» по звуковому составу основ, при соответствии им в татарском основ сравнительно «коротких»; отмечена также большая вариативность морфем в башкирском языке.

Значительный интерес с точки зрения методики анализа и привлекаемого фактического материала представляют выполненные Т. М. Гариповым сравнительные исследования по семантике кыпчакских языков Урало-Поволжья. Автор выделяет до трех тысяч единиц исконно первичной лексики в каждом из тюркских языков указанного региона; около двух третей из них, имея единую семантическую структуру, совпадают по звуковому, морфологическому и графическому оформлению. Такое сходство между башкирским и татарским языками автор объясняет не только единством происхождения тюркских языков, но и сравнительно поздним кыпчакским этнолингвистическим воздействием (стр. 123). Т. М. Гарипов выявил также ряд расхождений — случаев так называемой межъязыковой полисемии и омонимии (особенно в терминах родства, названий растений, животных, рыб и некоторых др.). Примечательно, что в семасиологических и лексикографических изысканиях автором широко использован и диалектный материал. Сопоставленные лексикой башкирского и татарского языков проведено по материалам разных словарей на основе исконно корневых слов, распределенных на дифференциальные группы (одинаковые слова — 577; разнографемные — 274; разнофонемные — 1077; разносемейные — 133; разноморфемные — 85, коррелятивные или межъязыковые слова — 128; разностные, то есть отсутствующие в одном и присутствующие в другом языке и наоборот — 330; спорадически совпадающие — 52, бинарно заимствованные из языка в язык — 14).

В целом сопоставляемые материалы удачно отобраны и создают вполне определенное представление о взаимоотношениях татарского и башкирского языков. Есть, однако, и некоторые неточности в отнесении тех или иных слов и морфем к одному из названных языков. Так, например, отдельные лексемы и словообразовательные морфемы, квалифицируемые как татарские, обнаруживаются и в говорах башкирского языка: *jč'iŋmsa* 'тепленький', *jč'ärlek* 'достаточный', *kŋmŋŋka* 'муравей' (стр. 182), *tašbaka* 'черепашка', *üzät* 'упрямый, капризный', *majmys* 'мальки', *yskylyk||oskolok* 'икота' (стр. 184—185) и некоторые другие.

Вывод автора о количественном соотношении словарного материала подтверждается также результатами сравнения фра-

зоологического материала башкирского и татарского языков. При явном перевесе общего для обоих языков фразеологического фонда в них (особенно в их говорах) бытует и оригинальный, присущий только каждому в отдельности пласт фразеологических единиц.

В статьях других авторов затрагиваются более частные вопросы взаимоотношения языков народов, населяющих Башкирию и граничащие с ней области.

Явление переноса значения слов родного языка в русскую речь башкир и татар («семантическая интерференция») освещается в статье *К. З. Закирьянова* и *Р. Х. Субаевой*. На основе изучения устной и письменной речи представителей различных групп башкирского и татарского населения авторы классифицируют типы ошибок в русской речи, объясняя возникновение последних несовпадением объема значений слов в данных языках и буквального перевода тюркских слов и выражений на русский язык. При этом, на наш взгляд, немаловажное значение имеет и фактор употребляемости (активности) слова в речи индивида. Ошибочное употребление русских слов носителем того или иного языка обычно объясняется тем, что в его индивидуальном словарном запасе нет более точного эквивалента, хотя в арсенале самого языка он и имеется.

Статьи *З. П. Здобновой* и *Л. П. Сергеева*, написанные на материале русских и чувашских говоров Башкирии, являются продолжением ранее опубликованных ими работ по этой же тематике³.

В статье *З. П. Здобновой* «Судьба тюркизов в русских говорах Башкирии» анализируются некоторые закономерности фонетического освоения, грамматического оформления и семантического изменения зафиксированных автором в русских говорах Башкирской АССР слов тюркского происхождения. В работе *Л. П. Сергеева* башкирские и татарские заимствования в чувашских говорах Башкирии классифицируются по тематическим группам и частям речи.

В заключение хочется отметить, что рецензируемый сборник поднимает целый ряд весьма актуальных лингвистических вопросов, и ознакомиться с ним будет интересно не только башкирским и татарским языковедам, но и тюркологам других республик и областей.

З. Г. Ураксин

³ См.: сб. «Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР». Уфа, 1970, стр. 296—303; 249—257.

Ф. Ф. СӘЙТБАТТАЛОВ. БАШҚОРТ ТЕЛЕНЕҢ ЯБАЙ ҺӨЙЛӘМ СИНТАКСИСЕ

БАШҚОРТӨСТАН КИТАП НӘШРИӘТЕ. ӨФӨ, 1972, 284 стр.

Проблемы синтаксиса башкирского языка получили свое освещение в трудах *Н. К. Дмитриева*, *К. З. Ахмерова*, а также в школьных грамматиках, по отдельные вопросы башкирского синтаксиса до последнего времени оставались недостаточно разработанными. Поэтому внимание тюркологов, несомненно, привлечет выход в свет монографии *Ф. Ф. Сәйтбатталова* «Синтаксис простого предложения башкирского языка», во многом восполняющей указанный пробел.

Монография состоит из предисловия, одиннадцати глав, резюме на русском языке и обширной библиографии.

Первая глава посвящена основному вопросу синтаксиса, то есть вопросу о предложении. Здесь дается общее представление о предложении, на многочисленных примерах раскрывается отличие предложения от словосочетания и синтагмы, автор справедливо

подчеркивает, что «нет предложения без предикативности и модальности». Здесь же говорится о диалектической взаимосвязи между предложением (формой) и суждением (содержанием).

В монографии впервые в тюркологии рассматривается вопрос о синтагме, дается подробный анализ синтаксической природы синтагмы как одного из важнейших компонентов речи. На многочисленных иллюстративных материалах демонстрируется отличие синтагмы от других синтаксических единиц — словосочетаний, членов предложения, идиоматических и фразеологических выражений. Большое внимание уделяется автором также вопросам соотношения синтагмы и обособленных второстепенных членов, деепричастных оборотов в составе простого распространенного предложения. В монографии дано четкое определение синтагмы как «своеобразной ритмико-мелодической и семантико-синтаксической единицы речи,

состоящей из одного или более слов и произносящейся под одним фразовым ударением».

Особый интерес представляет исследуемый автором вопрос о словосочетании. Не только в тюркологии, но и в лингвистике в целом данную синтаксическую единицу обычно отождествляют в одних случаях с синтагмой, в других — с предложением, а иногда — и с членами предложения.

До последнего времени проблема словосочетания оставалась нерешенной и в башкирском языкознании. В школьных грамматиках обычное словосочетание рассматривалось как связь слов в предложении. В монографии К. З. Ахмерова «Синтаксис простого предложения в башкирском языке» (Уфа, 1958) словосочетание также не получило достаточно полного освещения. Так, словосочетанию в этой работе дано следующее определение: «Словосочетание является синтаксической единицей в составе предложения и состоит не менее чем из двух полнозначных слов, связанных между собой по смыслу и грамматике». По утверждению К. З. Ахмерова, сочетания типа *ау! ɛrgähendä 'у деревни', il ötöndä 'над страной', k'ürɛz aša 'через мост'* и т. д. должны рассматриваться как словосочетания. Отсюда следует, что словосочетанием может быть любой член предложения.

В монографии Г. Г. Сантбатталов высказывает свое несогласие с определением К. З. Ахмерова, указывая, что приведенные выше сочетания слов не могут рассматриваться как словосочетания, а являются в контексте всего лишь препозитивными компонентами словосочетания, ибо в соединениях слов типа *beddeng šik'elle 'как мы', baksaya tik'lem 'до сада'* имеется только одно полнозначное слово (*bed 'мы', baksä 'сад'*).

Г. Г. Сантбатталов выдвигает иное и, как нам представляется, верное определение словосочетания: «Синтаксическая единица, состоящая не менее чем из двух полнозначных слов, связанных между собой как семантически, так и грамматически, и объединяющая в себе не менее двух членов предложения, называется словосочетанием».

Далее автор совершенно справедливо утверждает, что идиоматические единицы и фразеологические обороты также не представляют собой словосочетаний; они выступают лишь в качестве одного из компонентов словосочетания, поскольку такие устойчивые выражения не разлагаются на члены предложения, то есть выполняют функцию одного из членов предложения.

Автор подробно останавливается также на содержании как сочинительных, так и подчинительных словосочетаний. Им рассматривается, в частности, семь типов подчинительных словосочетаний, подчиняющими компонентами которых являются: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол и модальные слова.

К достоинствам работы Г. Г. Сантбатталова следует отнести и то, что вопрос о словосочетании рассматривается им с широким привлечением материала других тюркских языков.

Г. Г. Сантбатталов проводит классификацию предложений по интонации и по цели высказывания. Им выделяются следующие виды предложений: повествовательные, вопросительные, восклицательные (предложения чувств). В свою очередь, вопросительные предложения подразделяются на собственно-вопросительные и вопросительно-риторические. Автором перечисляются основные синтаксические средства выражения восклицательных предложений.

Большое место уделено в монографии также главным и второстепенным членам предложения. Как известно, в вопросе определения главных и второстепенных членов предложения мнения лингвистов не совпадают. Так, например, за последнее время в лингвистике появились такие термины, как логический субъект, грамматический субъект, логическое подлежащее, грамматическое подлежащее, логический предикат, грамматический предикат, логическое сказуемое, грамматическое сказуемое, употребление которых вряд ли можно считать оправданным. Хорошо известно, что субъект — не подлежащее, а предикат не является сказуемым. Субъект и предикат — это чисто логические категории, а подлежащее и сказуемое — сугубо грамматические категории. Г. Г. Сантбатталов в своей монографии дает подробный анализ каждой из этих категорий, рассматривает различие в значениях логических и грамматических категорий, а также их взаимосвязь и взаимообусловленность. При этом автор подвергает критике точку зрения отдельных лингвистов относительно определения логических и грамматических категорий. Он совершенно справедливо высказывает свое несогласие с теми исследователями (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Г. Д. Санжеев, А. Б. Шапиро), которые суживают состав сложного сказуемого, сводя его только к глаголу, тогда как в состав сложного сказуемого помимо глагола могут входить и другие части речи (за исключением частиц). Достаточно привести лишь один пример, чтобы убедиться в несостоятельности утверждения упомянутых выше ученых относительно состава сложного сказуемого: *Газета — не только коллективный агитатор и коллективный пропагандист, но и коллективный организатор* (В. И. Ленин. Что делать?). В данном предложении, как мы видим, составным сказуемым является сочетание *не только коллективный агитатор и коллективный пропагандист, но и коллективный организатор*. Следовательно, сложное сказуемое представляет собой соединение не только «двух глаголов», но и полнозначных слов вообще.

В результате подробного анализа состава сложного подлежащего и сложного сказуемого автор дает вполне четкое определение этим синтаксическим единицам.

Большое внимание уделено Г. Г. Саитбатталовым второстепенным членам предложения. При этом автор исходит из того, «что определение, дополнение и обстоятельство в синтаксической конструкции обычно поясняют подлежащее или сказуемое и что в зависимости от контекста они могут раскрывать содержание друг друга» (стр. 256). Далее в монографии второстепенные члены предложения сопоставляются с придаточными предложениями, проводится параллель между обстоятельными (деепричастными) оборотами и второстепенными членами предложения как имеющими определенное семантическое и грамматическое сходство.

В работе рассматриваются также предложения с однородными членами (подлежащими, сказуемыми, определениями, дополнениями, обстоятельствами), связь между которыми осуществляется посредством союзного и бессоюзного сочинения.

Достаточно полно разработан Г. Г. Саитбатталовым вопрос об обособленных второстепенных членах предложения. Автор приходит к заключению, что «в башкирском литературном языке определение и дополнение обособляются сравнительно реже, чем приложение и обстоятельство» (стр. 262).

В монографии впервые освещается вопрос об обстоятельных (деепричастных) оборотах в башкирском языке. Автор определяет их семантическую роль в предложении, соотношение их с обособленными второстепенными членами предложения и придаточными конструкциями. Характерную особенность деепричастных оборотов Г. Г. Саитбатталов видит в том, что они, в отличие от обособленных второстепенных членов, выражаются не менее чем двумя полными словами и ввиду относительной самостоятельности всегда обособляются. Автором зафиксировано в современном башкирском литературном языке двадцать разновидностей деепричастных оборотов. Г. Г. Саитбатталов, в отличие от ряда других авторов, проводит четкую грань как между деепричастными оборотами и обособленными второстепенными членами, так

и между деепричастными оборотами и придаточными предложениями. Этот момент, как нам представляется, заслуживает особого внимания, ибо до сих пор указанные синтаксические единицы смешивались друг с другом.

Порядок слов в предложении рассматривается автором с точки зрения актуального членения. обстоятельно анализируются им двусоставные и односоставные предложения, а также слова, сочетания и предложения, грамматически не связанные с членами предложения.

В конце работы по каждой из глав приводится подробное резюме на русском языке.

В качестве иллюстративного материала автором используются в книге примеры из башкирского устного народного творчества, произведений выдающихся башкирских писателей и поэтов Х. Давлетшиной, Г. Давлетшина, Д. Юлтыя, А. Тагирова, Б. Ишемгулова, Р. Нигмати, Б. Бикбая, З. Бишевой, С. Агиша, а также из общественно-политической литературы и периодической печати.

Нельзя не отметить и некоторых упущений автора. Так, в монографии не уделено должного внимания вопросам пунктуации, имеющим не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку в употреблении отдельных знаков препинания существует явный разнобой.

Недостаточно исследованы автором вопросительные предложения. В монографии говорится лишь о двух их разновидностях (собственно-вопросительном и вопросительно-риторическом). Вне поля зрения автора остались общевопросительные и частновопросительные предложения.

В ссылках на первоисточники автор не придерживается единой системы.

В целом же монография Г. Г. Саитбатталова «Синтаксис простого предложения башкирского языка» написана на высоком научном уровне и вполне отвечает своему назначению. Она представляет, на наш взгляд, значительный интерес не только для лингвистов Башкирии, но и для всех тюркологов, прежде всего занимающихся исследованием синтаксиса тюркских языков.

Р. Азнагулов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СИМПОЗИУМ ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

С 19 по 21 ноября в Москве в Институте языкознания Академии наук СССР прошел симпозиум по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, посвященный 75-летию со дня рождения видного советского ученого-тюрколога Николая Константиновича Дмитриева.

Симпозиум вступительным словом открыл заведующий сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР Э. Р. Тенишев, отметивший огромные заслуги Н. К. Дмитриева в разработке теоретических и практических вопросов тюркологии и подготовке высококвалифицированных кадров тюркологов.

Все доклады, прочитанные в первый день работы симпозиума, непосредственно касались различных сторон научной деятельности Н. К. Дмитриева. В докладе Э. В. Севортяна «Н. К. Дмитриев и историческая тюркология» говорилось о тех проблемах, постановка и изучение которых связаны с именем Н. К. Дмитриева. Докладчик особо остановился на вкладе Н. К. Дмитриева в исследование тюркско-иноязычных контактов (в частности, тюркско-русских).

В докладе «Н. К. Дмитриев и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» Э. Р. Тенишев охарактеризовал научное значение работ Н. К. Дмитриева, подчеркнув, что разработанные им теоретические положения и методические приемы легли в основу создаваемой сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

В докладе И. В. Боролиной «Н. К. Дмитриев и тюркский фольклор» были отмечены заслуги Н. К. Дмитриева как собирателя и исследователя фольклора тюркских народов. Остановившись на работах Н. К. Дмитриева по фольклористике и очертив основной круг проблем, занимавших ученого в этой области, докладчик особо выделил те наблюдения и выводы Н. К. Дмитриева, которые получили свое дальнейшее подтверждение и развитие в новейших исследова-

ниях по фольклору. В частности, это касается вопросов о генезисе и трансформации жанров и жанровых форм, поэтике жанров, внутрирегиональных и межнациональных связях фольклора тюркских народов, формах взаимодействия фольклора различных тюркских народов, а также фольклора и письменной литературы и др.

Заслугам Н. К. Дмитриева в изучении туркменского языка и фольклора был посвящен доклад З. Б. Мухамедовой «Н. К. Дмитриев — исследователь туркменского языка и фольклора», в котором особо были отмечены работы ученого в области фонетики и синтаксиса туркменского языка.

Т. М. Гарипов в докладе «О неопубликованных рукописях Н. К. Дмитриева по башкироведению» указал, что известно до пятнадцати таких работ общим объемом около 24 а. л. Все они заслуживают опубликования после предварительной тщательной текстологической обработки.

С докладом «Н. К. Дмитриев и исследование тюркизмов в славянских языках» выступил В. Д. Аракин. Докладчик осветил исторические основы языковых контактов между носителями тюркских и славянских языков и заслуги Н. К. Дмитриева в изучении этой проблемы. Им особо было отмечено исследование Н. К. Дмитриевым, прекрасно знавшим сербский язык, сербско-тюркских языковых взаимоотношений. Докладчик подчеркнул, что Н. К. Дмитриевым заложены основы теории и методики изучения тюркизмов в русском языке.

В докладе Л. С. Левитской «Н. К. Дмитриев и кумыкское языкознание» основное внимание было уделено тем проблемным вопросам кумыкского языкознания, исследование которых намечалось Н. К. Дмитриевым, но не было осуществлено. К их числу следует отнести: 1) создание истории кумыкского языка; 2) взятие на учет всей существующей на кумыкском языке литературы; 3) исследование монголизмов в словарном составе кумыкского языка; 4) написание истории изучения кумыкского

языка. Долг кумыкских языковедов — продолжить и довести до успешного завершения дело, начатое Н. К. Дмитриевым.

Вкладу Н. К. Дмитриева в теоретическое развитие советской тюркологии был посвящен доклад Ф. Д. Ашнина «Н. К. Дмитриев и история отечественной тюркологии».

На грамматических воззрениях Н. К. Дмитриева остановился в своем выступлении А. Н. Кононов, особо отметивший, что Н. К. Дмитриев был составителем грамматических замечаний вышедшего еще в 1924 году «Разговорника» Сируняна. Именно в этих замечаниях нашли свое выражение те взгляды, которые легли в основу будущих изысканий Н. К. Дмитриева в области грамматики как кумыкского, так и других тюркских языков.

С. Б. Бернштейн посвятил свое выступление в основном отношению Н. К. Дмитриева к использованию научной литературы при разработке отдельных языковых проблем и, в частности, подчеркнул, что ученый был ярким противником самоцитирования.

На следующих заседаниях, состоявшихся 20 и 21 ноября, были заслушаны доклады, посвященные конкретным вопросам сравнительно-исторической фонетики тюркских языков.

Н. З. Гаджиева в докладе «Три этапа в развитии анлаутных согласных в истории тюркских языков» ставила целью на основе анализа ряда фактов из различных диалектов и говоров тюркских языков доказать правильность предположения о первичности глухого начала слова в тюркских языках. В истории развития тюркского анлаута докладчиком были выделены три этапа. Современные тюркские языки и, особенно, их диалекты сохраняли немало косвенных признаков, указывающих на правомерность выдвижения гипотезы о первоначальном, на первом этапе, глухом начале слова. Второй этап изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков был связан с фонетическим процессом озвончения анлаута. Очевидно, перемещение ударения в тюркских языках было вызвано тенденцией к озвончению начала, что нашло свое выражение также в соответствии $j \rightarrow \tilde{z}$, или аффрикатизации j . Имеются некоторые косвенные доказательства того, что в современных тюркских языках с начальным $\tilde{z}$ последнему некогда предшествовал начальный j . Третий этап изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков связан со вторичным оглушением, что подтверждается материалами чувашского и сибирских тюркских языков, в которых вторичное оглушение происходит под влиянием субстратов.

Н. А. Баскаков в докладе «Некоторые закономерности развития анлаутных гласных в связи с проблемой протетических $\tilde{y}$ и $\tilde{a}$ » проанализировал факты, подтверждающие гипотезу о первичности так называемых протетических согласных в анлауте в тюркских языках — h , j , v .

В докладе «Был ли возможен в пратюркском анлауте j ?» А. М. Шербак, исходя из особенностей фонологических систем тюркских языков и распределения согласных, пришел к заключению, что было бы более правильным считать j не архетипом, а самым отдаленным от архетипа рефлексом. Подтверждением этому может служить регулярное выступление указанного звука главным образом в огузских языках, в которых глухие (сильные) согласные в анлауте подверглись озвончению (ослаблению) раньше и больше, нежели в других тюркских языках.

В докладе Г. П. Мельникова «Связь эволюции анлаутных тюркских согласных с изменениями на других ярусах языкового строя» было показано, каким образом можно использовать различные уровни языка для правильного решения того или иного частного вопроса, например, такого, как развитие согласных в анлауте.

Доклад А. Т. Кайдарова «О тенденциях развития начального согласного $\tilde{y}$ в уйгурском языке и его диалектах» был посвящен рассмотрению вопросов, связанных с десонантизацией значительного числа слов уйгурского языка, употреблявшихся до недавнего прошлого с начальным j . Переход j в спирант $\tilde{z}$ и, частично, в аффрикату $\tilde{z}$ или его исчезновение в абсолютном начале слов квалифицируется докладчиком как результат сложного процесса взаимодействия диалектных систем уйгурского языка и образования илийской подсистемы (во второй половине XVIII в.), ставшей впоследствии одним из основных слагаемых компонентов диалектной базы современного литературного языка советских и зарубежных уйгуров.

И. Г. Добродомов, выступивший с докладом «Отражение тюркского начального $\tilde{y}$ в булгаризмах славянских языков», проанализировал факты тюркских заимствований в венгерском языке. По мнению докладчика, болгарский язык имел два диалекта, каждый из которых и служил отдельным источником тюркских заимствований как в венгерском, так и в славянских языках.

Доклад Б. А. Серебrenникова был посвящен проблеме чередования начальных b и m в тюркских языках. Докладчик отметил, что данное явление носит нерегулярный характер и не имеет признаков обычного фонетического закона. Стремясь найти этому объяснение на базе самих тюркских языков, Б. А. Серебrenников указывает на нередко наблюдающееся в тюркских языках чередование интервокальных b и m , ср. алт. *sebiz* 'жирный, тучный' и тур. *semiz*; шорск. *kābā* 'лодка', хак. *kime* 'лодка', тур. *gemī* 'судно' и т. д. Это позволяет предположить, что подобному изменению могло соответствовать и внешнее сандхи, например: *qaqa buḡup* 'черный нос' могло превратиться в *qaqa muḡup*. Такое явление в разных тюркских языках происходит, по-видимому, стихийно и нерегулярно. Возможно также,

что формы слов, образуемые в результате внешнего сандхи, например, *jaxšu muz* 'хороший лед' из *jaxšu buz*, изолировались и стали постоянными формами.

В настоящее время с большой степенью вероятности можно утверждать, что в тюркских языках в начале слова не было звонких согласных и что они появились позднее. Начальное *m* могло развиваться только из *b*. Это указывает на то, что такие языки, как чувашский, шорский и хакасский, для которых сейчас характерно глухое начало слова, некогда имели начальный звонкий. Это подтверждается и наличием в них слов с начальным *m*.

В докладе «К судьбе инициальных лабиодентальных в кыпчакских языках Урало-Поволжья» Т. М. Гарипов показал относительно поздний, но отнюдь не заимствованный (вопреки существующим в специальной литературе мнениям) характер генезиса губного глухого спиранта *f* и его двух аллофонов — губно-зубного *f*- и губно-губного *ɸ*. Последний способен появляться аналогично «исконному» *ɸ* как его корреляция по глухости.

Автор считает необходимым дополнить понятие тюркского анлаута — начального слога слова — введением трех подпозиций — инициальной, медиальной и финальной, как это принято в индоевропеистике и общей компаративистике.

В докладе З. Б. Мухамедовой «Туркменские слова с анлаутным *h*» рассматривались приведенные из диалектов и говоров туркменского языка слова с начальным *h*, не отмечавшиеся, по мнению докладчика, в тюркологических работах.

Е. И. Убратова в докладе «Данные языка как исторический источник» убедительно раскрыла, в частности, роль языковых фактов в решении вопроса об этногенезе того или иного народа.

Исконности или вторичности так называемого закрытого *e* в системе пратюркского вокализма был в основном посвящен доклад Л. А. Покровской «К методике исследования вопроса об историческом соотношении гласных *ä* и *e* в тюркских языках». В докладе отмечалось, что данный вопрос, несмотря на давность его изучения, продолжает оставаться одним из наиболее сложных и спорных в области сравнительно-исторической фонетики и фонологии тюркских языков. Поскольку строение тюркских вокалических систем подчинено принципу нёбного сингармонизма, а гласный переднего ряда среднего подъема *e* не имеет точного коррелята среди гласных заднего ряда (*a—ä, y—i, o—ö, u—ü, e—?*), многие тюркологи считают гласный *e* тюркских языков более поздним образованием, не входившим в пратюркскую систему гласных. При дальнейшем исследовании вопроса о происхождении гласного *e* необходимо, по мнению докладчика, опираться на существующие фонетические тенденции развития тюркского вокализма. Так, учитывая действие в

тюркских языках исторической тенденции сужения гласных *a > e, e > i, o > u, ö > ü*, установленной еще В. В. Радловым, а также наличие и обратной тенденции — расширения *i > e, e > ä*, отмеченной в работах К. Фоя, можно предположить, что гласный *e* современных тюркских языков имеет разное происхождение. Возможно, более широкий вариант гласного *e* в общетюркских корневых словах восходит к гласному *ä*, а более узкий его вариант — к гласному *i*. Если же предположить, что гласный *e* в тюркских языках восходит к какой-то более древней системе вокализма, то необходимо будет признать возможность сохранения в ряде общетюркских корневых слов этимологического *e* наряду с вторичным *e*, восходящим к *ä* или *i*.

В докладе Л. С. Левитской «К генезису соответствия чувашского *y* общетюркскому *a*» была сделана попытка показать, что исследователи иногда объединяют генетически и хронологически гетерогенные факты и на этой основе восстанавливают тот или иной гласный в пратюркской вокалической системе.

В докладе М. Ш. Рагимова «Некоторые вопросы изучения исторической фонетики азербайджанского языка» говорилось в основном об особенностях использования письменных памятников азербайджанского языка в целях создания его исторической фонетики. Для этого целесообразно предварительно подробно описать орфографические особенности рукописей, в первую очередь датированных и снабженных диакритическими знаками, что позволит разграничить собственно фонетические и сугубо графические явления (последние связаны главным образом с известными недостатками арабского письма). При этом наиболее надежным источником для сравнения могут служить материалы диалектов и говоров азербайджанского языка и азербайджанские заимствования в нетюркских языках (иранских и кавказских) на территории Азербайджана. Так, употребление только губных вариантов некоторых словоизменятельных аффиксов (*-sun, -sün; -nup, -nün; -dük' и др.*) в диалектах и говорах азербайджанского языка и одновариантных лабиальных словообразующих аффиксов *-lu, -lug, -suz* в удинском и татском языках (вместо четырехвариантных — *-syn, -sin, -sun, -sün; -nup, -nün, -nup, -nün; -syz, -siz, -suz, -süz* и др.) позволяет считать зафиксированные в письменных памятниках XIV—XVI вв. факты типа *صور تلو* (*suretlu* в м. *surätli*), *بز کلو* (*bezeklu* в м. *bäzäkli*), *بغلو* (*baɣlu* в м. *baɣly*), *غامک* (*yämün* в м. *gämin*), *خوش گلدن* (*xoš gäldün* в м. *xoš gäldin*) результатом функционирования в старозаказбайджанском языке лабиальных вариантов аффиксов, а не влияния арабской графики.

В докладе «О тюркском дентальном анлауте *t-/d-*» *А. М. Мамедов* говорил о том, что, по распространенному в тюркологии мнению, для древнейшего состояния тюркских языков было характерно употребление в анлауте слова глухого дентального смычного согласного *t-*. При этом ученые в основном исходят из данных чувашского, хакасского и других языков, в которых и ныне преобладает глухой анлаут. Дифференциация же глухого (сильного) и звонкого (слабого) анлаутов, характерная для языков юго-западной группы и тувино-карагасских языков, считается позднейшим явлением. Озвончение начального согласного тюркологами объясняется по-разному: одни связывают его с влиянием сандхи, другие видят причину в последующих долгих гласных, а некоторые находят в этом явлении отражение диалектной дифференциации.

Факты показывают, что озвончение *t-* не имеет строгой, последовательной направленности (например, слова, имеющие в староосманском звонкий анлаут, в новотурецком употребляются с глухим началом и наоборот и т. д.). В докладе выдвигается гипотеза о том, что древнейшим типом анлаутных согласных является колеблющийся анлаут *t-/d-* с двумя фонетическими аллофонами (типа *mediae lenes*), впоследствии развившийся в разных направлениях: 1) одни языки избрали исключительно глухой *t-*;

2) другие различали оба анлаута, и аллофоны фонологизировались; и, наконец, 3) некоторые языки хотя и избрали преимущественно глухой тип, однако в небольшом числе случаев в них встречается и звонкий анлаут.

Отдельные вопросы сравнительно-исторической фонетики были поставлены в докладах *В. И. Цинциус* «Тунгусо-маньчжурские и монгольские соответствия тюркскому анлаутному *к-(г-)*», *В. Д. Колесниковой* «Тунгусо-маньчжурские соответствия тюркскому анлаутному *т-(д-)*», *Н. Н. Широковой* «Отражение в якутском языке древнетюркского анлаутного *й*», *Р. Х. Халиковой* и *Ф. А. Хисметдиновой* «Сохранение анлаутных согласных *к-, т-* в топонимах Белорецкого района Башкирской АССР», *Э. В. Севортяна* «Всегда ли при реконструкциях требуется фонетический архетип всего слова?», *Ф. А. Ганиева* «К вопросу о первоначальном месте тюркского ударения в связи с изучением приема переноса ударения как средства фонетического словообразования».

В заключение следует отметить, что прочитанные на симпозиуме доклады, несомненно, сыграют положительную роль в деле успешного разрешения ряда важных проблем, которые выдвигает перед тюркологами историческая фонетика тюркских языков.

М. Ш. Рагимов

Х Р О Н И К А

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Постановлением Президиума Академии наук СССР от 11 октября 1973 г. при Отделении литературы и языка Академии наук СССР организован Советский комитет тюркологов и утверждено Положение о нем.

Утвержден также (постановлением Президиума Академии наук СССР от 3 января 1974 г.) состав Советского комитета тюркологов из 35 членов и Бюро комитета из 11 человек.

Председателем Советского комитета тюркологов утвержден член-корреспондент Академии наук СССР *А. Н. Кононов*; заместителями председателя: академик Академии наук Туркменской ССР *П. А. Азимов* и доктор филологических наук *Э. Р. Тенишев*; ученым секретарем — доктор филологических наук *Н. З. Гаджиева*.

Ниже публикуются: текст постановления Президиума Академии наук СССР об организации Советского комитета тюркологов и Положение о Советском комитете тюркологов.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

от 11 октября 1973 г. № 758

г. Москва

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

За последние годы все большее значение и масштабы приобретают работы советских ученых в области тюркологии. В Москве, Ленинграде (Институт языкознания АН СССР, Институт востоковедения АН СССР, Московский государственный университет, Ленинградский государственный университет), в союзных и автономных республиках (институты языкознания АН Казахской ССР и АН Азербайджанской ССР, Институт языка и литературы АН Узбекской ССР, Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР) имеются центры тюркологических исследований, а также ряд высших учебных заведений, которые занимаются изучением тюркских языков и литератур.

В настоящее время ощущается необходимость усиления координации работ различных научных учреждений по проблемам тюркологии. Это тем более важно, что начата работа над фундаментальными иссле-

дованиями широкого обобщающего характера: «Теория тюркской грамматики», «Развитие и функционирование тюркских языков в советскую эпоху», «Русский язык в тюркоязычных республиках», «Атлас тюркских языков и диалектов СССР».

В целях улучшения координации научных исследований в области тюркологии, а также усиления международных контактов и научного сотрудничества с тюркологами зарубежных стран Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Организовать при Отделении литературы и языка АН СССР Советский комитет тюркологов.

2. Утвердить Положение о Советском комитете тюркологов.

3. Утвердить члена-корреспондента АН СССР Кононова Андрея Николаевича председателем Советского комитета тюркологов.

4. Финансовое обеспечение Советского комитета тюркологов возложить на Институт языкознания АН СССР.

5. Внести соответствующее дополнение в постановление Президиума АН СССР от 16 августа 1963 г. № 559.

И. о. президента Академии наук СССР академик —
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ

И. о. главного ученого секретаря Президиума Академии наук СССР член-корреспондент АН СССР —

Г. Д. АФАНАСЬЕВ

ПОЛОЖЕНИЕ О СОВЕТСКОМ КОМИТЕТЕ ТЮРКОЛОГОВ

I. Общие положения

1. Советский комитет тюркологов является научно-координационным органом при Отделении литературы и языка АН СССР и осуществляет деятельность на основе данного Положения.

2. Советский комитет тюркологов создается из числа ученых, работающих в области тюркской филологии в учреждениях Академии наук СССР и ее филиалов, академиях наук союзных республик, научно-исследовательских учреждениях автономных республик, а также высших учебных заведениях.

II. Основные задачи Комитета

1. Осуществление координации и разработка основных направлений научно-исследовательских работ в области тюркологии в союзных и автономных республиках.

2. Осуществление научных и организационных связей с национальными объединениями (обществами) тюркологов (востоковедов) зарубежных стран.

3. Подготовка к участию советских ученых в международных конгрессах и симпозиумах тюркологов, издание материалов международных конгрессов и симпозиумов тюркологов, проводимых в СССР.

4. Разработка предложений о программах и участии советских ученых в международных конгрессах и симпозиумах тюркологов.

III. Состав и организация работы Комитета

1. Состав Советского комитета тюркологов утверждается Президиумом АН СССР.

2. Советский комитет тюркологов проводит пленарные заседания один раз в год.

В период между пленарными заседаниями Комитета его работой руководит Бюро, в состав которого входит председатель Комитета, два его заместителя, ученый секретарь и семь членов.

3. Советскому комитету тюркологов предоставляется право привлекать для научно-организационной, редакторской и научно-технической работы научных и научно-технических сотрудников институтов Отделения литературы и языка и Отделения истории АН СССР по согласованию с директорами соответствующих институтов.

4. Для практической работы Комитет может создавать комиссии или рабочие группы, в состав которых могут входить ученые, не являющиеся членами Комитета.

IV. Материальные средства Комитета

Советский комитет тюркологов состоит на финансовом и хозяйственном обслуживании Института языкознания АН СССР, имеет свою ежегодную смету расходов, утверждаемую директором института в пределах общего объема затрат.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Н. Кононов* (Ленинград). Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. К. Алекперов* (Баку). О системно-структурном подходе к лексической семантике 13
- А. Чариев* (Ленинград). К изучению синтаксической связи в притяжательно-определятельной конструкции в тюркских языках 26

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- И. Г. Добродомов* (Москва). Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков 34
- Ф. Б. Астемирова* (Махачкала). Фонетическое освоение русских заимствований в кумыкском языке 44

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Х. Короглы* (Москва). Проза или поэзия? 51

ТОПОНИМИКА

- Ш. З. Бахтиев* (Баку). К этимологии названия «Жигули» и некоторых терминов судоходства тюркоязычного происхождения 62

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. А. Хабицев* (Карачаевск). Памятник куманских языков 66
- Ю. Б. Юсифов* (Баку). О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка 71

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Л. С. Левитская* (Москва). Чувашские этимологии 80

РЕЦЕНЗИИ

- К. М. Мусаев* (Москва). «Тюркологический сборник. 1972» 85
- М. Ш. Рагимов* (Баку). Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков 90

<i>Д. М. Насилов</i> (Ленинград). <i>S. Kakuk. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles</i>	96
<i>Р. А. Аганин</i> (Москва). <i>С. Н. Иванов. Арабизмы в турецком языке</i>	100
<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). <i>Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары</i>	102
<i>З. Г. Ураксин</i> (Уфа). «Языковые контакты в Башкирии. Тематический сборник»	104
<i>Р. Азнагулов</i> (Уфа). <i>Ф. Ф. Сәнтбатталов. Башкорт теленен ябай һөйләм синтаксисе</i>	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. Ш. Рагимов</i> (Баку). Симпозиум по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков	109
--	-----

ХРОНИКА

Об организации Советского комитета тюркологов	113
---	-----

CONTENTS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Some results of development of soviet turkology and the tasks of the Soviet committee of turkologists	3
---	---

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. K. Alekperov</i> (Baku). On systemic-structural approach to lexical semantics	13
<i>A. Chariyev</i> (Leningrad). Towards the study of syntactic bond in possessive-attributive constructions in Turkic languages	26

LANGUAGES IN CONTACT

<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). Turkic loan-words in Slavonic languages as a source for information on historical phonetics of Turkic languages	34
<i>F. B. Astemirova</i> (Makhachkala). Phonetic assimilation of Russian loan-words in the Koumyk language	44

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>Kh. Korogly</i> (Moscow). Prose or poetry?	51
---	----

TOPONYMICS

<i>Sh. Z. Bakhtiyev</i> (Baku). Towards etymology of the name «Zhiguli» and some navigation terms of turkic origin	62
--	----

DISCUSSIONS

<i>M. A. Khabichev</i> (Karachayevsk). Monument of Kouman languages	66
<i>Yu. B. Yusifov</i> (Baku). On some language elements of turkic origin in the work of albanian historian	71

REPORTS AND SURVEYS

<i>L. S. Levitskaya</i> (Moscow). Chuvash etymologies	80
---	----

REVIEWS

<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). «Turkological collection. 1972»	85
<i>M. Sh. Ragimov</i> (Baku). N. Z. Gadjiyeva. The principle ways of development of the syntactic structure of Turkic languages	90
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). S. Kakuk. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVI ^e et XVII ^e siècles	96
<i>R. A. Aganin</i> (Moscow). S. N. Ivanov. Arabian loan-words in Turkish	100
<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). G. F. Sattarov. Antropotoponymis of the Tatar ASSR	102
<i>Z. G. Uraksin</i> (Ufa). «Languages in contact in Bashkiria»	104
<i>R. Aznagulov</i> . G. G. Saitbattalov. Syntax of simple sentence of the Bashkir language	106

SCIENTIFIC LIFE

<i>M. Sh. Ragimov</i> (Baku). Symposium on comparative-historical phonetics of Turkic languages	109
---	-----

CHRONICLE

On the organization of the Soviet committee of turkologists	113
---	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Г Л А С Н Ы Е

A a — а
Ä ä — э
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү
E e — е

С О Г Л А С Н Ы Е

B b — б	N n — н
z z — ч, дж (ج)	P p — п
C c — ц	ng — Н' (نج)
č č — ч (چ)	ʈ — н,
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	š š — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
ɣ ɣ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	ž ž — ж
K k — ка (ك)	θ ð — ç (ث)
K' k' — ке (ك')	Δ δ — ʒ (ذ)
L l — л	X x — x (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

— долгота
˘ краткость
~ носовой
' мягкость

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются.

Корректоры А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.

Сдано в набор 24/IV 1974 г. Подписано к печати 18/VI 1974 г. ФГ 09630. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 2428. Тираж 3910. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.